

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ЮНЬ 1915 ГОДА

Москва

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

22

№ 14093

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 6-го (19-го) ЮНЯ 1915 ГОДА.

№ 14093

НА НАВКАЗКОМЪ ФРОНТѢ. — Бой у Дильманъ-Хоя.

Рисун. А. Пржецлавскаго (участника войны).

Вѣчное.

Суровая война ихъ жизни разлучила,
И врозь они пошли на тяжкій, скрѣпный
путь,
Но снова ихъ свела невѣдомая сила, —
У ней и у него алѣла ярко грудь:
На ней былъ красный вѣстникъ; онъ оба-
грѣнъ былъ кровью.
И, съ нѣжностью глядя на милая черта,
Склонилась дѣвушка, съ привѣтомъ, къ
изголовью
И воскресила вновь угасшія мечты.
Въ ея глазахъ, задумчивыхъ и строгихъ,
Видавшихъ безъ конца страдальческую
кровь,
Съ блаженствомъ онъ прочелъ, что онъ
въ числѣ немногихъ,
Обрѣтшихъ жизни смыслъ и вѣчную
любовь.

Гемма.

Агапій Смоквѣ.

Изъ лѣтнихъ нашихъ дней.

I.

Когда Агапій пришелъ въ Керменецкій
Спасо-Богоявленскій монастырь, тамъ былъ
игуменомъ Теофиль. Агапій, поживъ съ
недѣлку въ монастырской гостиницѣ,
обоглялъ вокругъ всѣ дѣла, перелѣски и
полянки, потомъ явился въ вечернее пре-
мя въ игумену.

ПОЭТЪ-ПАТРИОТЪ.

Габріэль д'АННУНЦІО, способствовавшій своими произведеніями и
пламенной патриотической дѣятельностью движенію Италіи на своего
мнимаго союзника — стараго врага.

— Пришелъ, отче, благословія про-
сигъ.
— На счетъ чего?
— Чтобы здѣсь поселиться, въ обители.
— То есть какъ это поселиться?
— Островокъ у васъ есть Середокрест-
ный.
— Знаю. Ну, такъ что же?
— Упоительное мѣсто. Желательно бы
тамъ махонькую хибарку построить.
— За какой надобностью?
— Чтобы жить, — безъ особой надоб-
ности.
— Въ ипческій чинъ поступить же-
лаете?
— Этого я еще недостойнъ. А такъ
пожить при обители.
— За какіе же такіе это подвиги хи-
барку для васъ возводить?
— Я на свой счетъ. И въ обитель
вкладъ внесу.
— А въ какомъ количествѣ?
— Это не отъ меня зависитъ. Въ ка-
комъ обитель положить.
Теофиль подумалъ.
— Полагаю, что до тысячи рублей въ
совокупности все обойдется.
Теперь Агапій подумалъ, а потомъ пе-
ревелъ глаза на игумена и сказалъ:
— Что жъ, тысячу рублей можно.
— Надо съ отцомъ казначеемъ перего-
ворить. Есть такой отецъ Павелъ.
— Съ нимъ уже говорено. Онъ меня
къ вамъ и послалъ.
— Онъ о какой же цифрѣ говорилъ?
— Намекать тоже о тысячѣ.

— Ну, вот, значит сошлись наши мысли.

II.

Через неделю начали на островах Середокрестный возить льды. Агапий тогда еще назывался не Агапием, а Любимом Иванычем, — он сам смотрел за постройкой и даже сам план начертил. Одна комната и кухня.

— А еще чуланчик такой обширный сбоку приставить, — советовал завзвудющій монастырскими постройками Лука Деревцов, человек с бльмом на лбом глазу, но весьма солидный.

— Не желаю, — возражал Любим Иваныч.

- Но почему же?
- Не желаю, и все тут.
- Однако — удобство.
- Но ежели я удобств не желаю?
- Въ таком разѣ, оно конечно, — согласился Лука.

Требовал Любим Иваныч, чтобы строили ему домик прочно, чтобы крышу из драпок пригоняли на совесть. Когда печь клали, он обнаруживал в печном дылу знания неужинныя.

— Это какой же дымоход? — говорил он. — Так только круть роеть. Развѣ так возможно? Не губерское правление строишь, а домъ человеку солидному. Не казенный подряд. Разбирай до сихъ мѣсть, и начинай сызнова.

Онъ не бранился, не возвышалъ голоса, только брови сдвигалъ. А брови у него были густыя и на глаза тѣнь бросали. Глаза хотя и были сѣрые, свѣтлые, — но черные зрачки смотрѣли востро: не то козали, не то ласкали. Борода у него была сѣдая и шла лопатой, какъ изображаютъ на иконахъ у патриарховъ. Носилъ онъ длинный черный кафтанъ и подпоясывался кошачьимъ лапшированнымъ поясомъ съ черной пряжкой.

— Это у васъ что же за форма? — полюбопытствовалъ одинъ изъ послушниковъ.

— Это не форма, а удобство, — заявилъ ему новый сожитель, и такъ посмотрѣлъ на него, точно сказалъ: «а и глупъ ты, братецъ!»

III.

Черезъ три недѣли хибарка, какъ называлъ Любимъ Иванычъ свой домикъ, была готова. Получилъ онъ съ парходомъ кровать желѣзную, простую, комодъ старинный, краснаго дерева, три стула и большіе два ящика. Въ ящикахъ оказалось много предметовъ, довольно неожиданныхъ: часы съ кукушкой, два туркестанскихъ жидкихъ ковра, новый самоваръ, три стакана, тарелки, ложки, пожитъ съ вилками тоже на троихъ. Книгъ со всѣмъ не было.

Размѣстивъ всѣ вещи и поставивъ на комодъ Ахтырскую Богоматерь, а передъ ней затепливъ лампаду, онъ пошелъ къ игумену.

— Готово, отче. Соблаговолите обогрѣть.

— Что же, въ воскресенье посѣщу, — общалъ игумень.

— Освятить надо домикъ.

— Освященіе не откладывая: завтра же попроси, чтобы тебѣ отпѣли должное. Ужъ я въ освященный пріютъ и приду. Фамилія-то твоя какъ?

— Смоква.

— Такъ-таки просто Смоква?

— Вотъ начнорть. Въ чистомъ видѣ.

Посмотрѣлъ игумень. Видитъ крестьянина, ярославецъ. Шестидесяти двухъ лѣтъ.

— Какъ же ты говоришь — Любимъ, а тутъ написано Агапій?

— Это доподлинно я не могу знать: полиція лучше знаетъ.

Досталъ владыка какую-то книгу, очки надѣлъ на носъ, и сталъ водить пальцемъ по списку. Нашелъ и порадовался.

— Точно, говоритъ: имени такого — Любимъ, — церковь не признаетъ, а есть Агапій.

— Какъ будетъ вамъ угодно, — отвѣчаетъ Любимъ Иванычъ. — Агапій, такъ Агапій. Мнѣ все одно.

— Да и мнѣ все одно, — какъ будто разсердился игумень. — Но я тебя не могу дозволить Любимомъ звать, разъ такого имени не существуетъ.

— Какъ же не существуетъ, ежели меня такъ шестьдесятъ лѣтъ звали?

— Ничего изъ этого не слѣдуетъ, — все это наименованіе было незаконно.

Смоква полезъ въ боковой карманъ и вынулъ конвертъ. Владыка понуцалъ.

— Тутъ что же такое?

— Пятьсотъ семьдесятъ три сорокъ копѣекъ.

— Какія же это деньги?

— Остатокъ отъ тысячи. Четыреста двадцать шесть рублей шесть гривенъ и уластикъ за постройку. А остальные я пошлю въ обитель.

— На твое иждивеніе дальнѣйшее?

— Это ужъ какъ угодно.

Игумень взялъ карандашъ и записалъ цифру на конвертѣ.

— Ладно, — говоритъ, — вотъ ужъ отцу казначею передамъ. Теперь скажи ты мнѣ: желаешь постричься?

— Пока еще недостойнъ.

— Это тебѣ кто сказалъ?

— Никто не сказалъ, самъ знаю.

— Самъ ты знать не можешь. Отъ

каждаго это скрыто, со стороны видѣе.

— А я полагаю, что великій самъ себя

судя неумытнъ.

— Ежели ты грѣхъ какой совершилъ,

то думаешь, что Господь не смилуется?

А Огъ, милосердный, можетъ, совсѣмъ

иначе тебя понимаетъ?

— А какъ же объ этомъ узнаю

досконально?

— Черезъ духовника. Если духовникъ

разрѣшитъ, то и Господь разрѣшитъ.

— А ежели духовникъ ошибется?

— Тогда весь грѣхъ на него падетъ.

— Не желаю я свои грѣхи передавать

кому-нибудь.

— Но все же ты духовника выбрать

обязанъ.

— Да уже выбралъ. Думаю, старца

Пимена.

Игумень сталъ перебирать пальцами

свою бороду.

— Но онъ въ младенчество впалъ и

иногда какъ бы юродствуетъ?

— Слышалъ. Но, можетъ, въ немъ Бога

больше, чѣмъ въ немъ комъ.

— Ну, что жъ, побесѣдуй съ нимъ.

— Сегодня же, отче!

IV.

На другой день, когда совершалъ передъ своими окнами игумень обычную прогулку, — по указанію земскаго лекаря Евангулова, онъ девяносто разъ взадъ и впередъ ежедневно ходилъ по саду, — къ нему весело подскокилъ старецъ Пимень.

— Чего ты? — спросилъ Теофила, давая ему обычное благословеніе.

— Новаро-го... Поселенца нашего поваго, — видѣлъ! — зашамкалъ Пимень. — Ко мнѣ приходилъ. Просилъ хибарку освятить. Что же, я освятилъ, — мнѣ что жъ? Попробуй вонругъ и его покропелъ.

А онъ говоритъ: «Желаю бесѣды...» Ну, что-жъ! Повыселялъ я прочихъ, глазъ на глазъ остались съ нимъ.

Онъ вдругъ затрясся отъ хохота, и жиденькая его борода заходила. Теофилъ нахмурился.

— Надъ сямъ хохотать нельзя, — сказалъ онъ.

— Отчего нельзя?.. Очень смѣхотворное разсказалъ онъ. Такое смѣхотворное, — что никакъ его въ иночество принять нельзя.

— Что же такое?

— Да то вотъ и такое, что нельзя. Пусть живетъ пока... Тамъ видать будетъ.

Теофилъ забеспокоился.

— Можетъ и принять его въ обитель

негоже?

— Принять можно. Что-жъ не принять! Ужъ онъ что ли другихъ?

— Ты что-жъ, эпитимью наложишь на него?

— Пробывалъ. А онъ говоритъ: больше двухъ разъ въ недѣлю я въ церковь не пойду. У меня, говоритъ, въ суставахъ комъ, и стоять я долго не въ состоянн. Какая же эпитимья на него дѣйствіе окажетъ?

— Ну, а коли въ хибаркѣ огъ у себя?

— Ужъ это, что за эпитимья, коли не на людяхъ! Кто снитать поклонъ будетъ? Диты да бѣлки?

— А насчетъ пищи говорилъ?

— И насчетъ яши говорилъ?

Тутъ Пимень пощелкалъ языкомъ.

— Онъ и то на суходенн. Не токмо, говоритъ, жма, но и хладнокровной рыбы не потребляю. Яицъ не вдушаю, молока не пью.

— Гм... Огъ чѣмъ же плоть поддержи-ваешь?

— Чай пьеть. Капешу себѣ варить. Грибной наваръ у него въ печи всегда

стоитъ. Попробовать давалъ. Хорошій такой наваръ, крѣпкій. Бартошку вѣтъ.

Морковку, капустку, огурчиковъ. Лучку, чесночку суеть повсюду. Мучица у него.

Кружка всякая. Ну, и ничего: питаніе пріятное. Варенье у него къ чаю, медъ.

V.

Началъ проживать Любимъ, а теперь Агапій, въ своей хибаркѣ. Строптивость въ немъ дѣйствительно была, и сказывалась въ томъ, что онъ ни въ комъ не нуждался. Если зайдетъ къ нему кто изъ иноковъ, онъ благословеніе приметъ, сядетъ за столъ и возрится на гостя. Самъ молчитъ и только смотритъ.

— Отчего ты никогда ничѣмъ не потчуешь пришедшихъ? — намекалъ Пимень.

— Чтобы трактиръ ничто не напоминало. У меня пустыня. Птицы поютъ, олени ходить, зимой даже лось приходилъ. А тутъ я вдругъ такой постоялый дворъ заведу? Да и добро бы голыды были, а то въ обители все сытые шюки.

Никого Агапій не трогалъ, и не желалъ, чтобы его трогали. Самъ дрова колотъ для себя, самъ воду носилъ. Послушникъ Федя, кто носилъ ему хлѣбъ изъ трапезной, дѣлалъ это охотно, такъ какъ Агапій иногда ему двугривенный давалъ. И неизвѣстно, когда дастъ. То продолжительный періодъ такъ безъ даваннй проходилъ, то въ одну недѣлю три раза дастъ. Зимю, когда темнѣло рано, онъ зажигалъ керосиновую лампу, садился въ жесткое кресло и сидѣлъ такъ неподвижно часовъ до шести. Потомъ пилъ чай и ложился спать.

— И не скучно тебѣ? — осведомлялся Теофилъ, котораго онъ посѣщалъ акуратно разъ въ мѣсяцъ.

— Чего скучать? Слушаю, какъ въ теръ гудитъ, какъ мышъ скребетъся.

— Ты бы конку завелъ.

Агапій долго соображалъ.

— Вѣдь она мышей давить начнетъ?

— Для того конекъ и заводятъ. Вонъ у насъ въ обители стадо цѣлое, а то мыши и крысы одождя бы насъ.

— Меня не одождявають, а только всю ночь скребутся...

Весною, когда снѣгъ начиналъ подтаивать отъ горячаго свѣта солнца, и начинали ручейки разговаривать то тамъ, то тутъ, Агапій подолгу сидѣлъ на скамеечкахъ, что были сооружены съ трехъ сторонъ домика: одна — для утра, другая — для дня, третья — для вечера.

Тогда голубой цвѣточекъ фіалки скромно пробивался между сырой прошлогодней травкой, Агапій срывалъ его и ставилъ передъ образомъ въ стаканчикъ съ водой.

— Это какъ будто католичество? — посмѣивался Пимень.

— Ничего не католичество, а Божій цвѣточекъ.

— Убери.

— Не уберу.

— Я выкину.

— А я новый поставлю.

— Сколь много въ тебѣ строптиваго духа? Переломи его!

— Не желаю.

— Но ежели ты грѣхъ совершилъ?

— Это къ дѣлу не касается.

Однажды они, весною, когда уже наступили теплые вечера, и показались комарики, пили чай «на воздушку». Пимень, опроставъ четвертый стаканъ, съ остатками прошлогодняго малинскаго варенья, — спросилъ:

— А какъ сумма была?

Агапій зорко уставился на него.

— Ты насчетъ чего?

— Насчетъ той суммы?

— Это тебя не касается.

— Какъ же не касается? И гдѣ они?

— Тоже не твоѣ дѣло.

Они помолчали. Агапій гадѣлъ на красную повою заплата, а Пимень, чмокая, пилъ пятый стаканъ.

— Ежели бы все ты на обителѣ отдалъ, — сказалъ онъ вдругъ, отдуваясь, — другое дѣло, а то...

Агапій ничего не сказалъ. Онъ записалъ тѣмъ, что щелкалъ себя по шеѣ, рукавъ и щекамъ: очень любилъ его комары. У ногъ его валялось много ихъ труповъ; но смерть товарищей не смущала

новья полица, и они храбро летѣли на двухъ большихъ двуногихъ, что забралась въ ихъ дѣла, точно хотѣли взять съ нихъ кровавую податъ.

— А вотъ мы бьемъ комаровъ и лишася ихъ живота, — вдругъ заговорилъ Агапій. — Имѣемъ ли мы на это право?

— Имѣемъ, — возразилъ Пимень.

— Можешь объяснить, почему?

— Могу. Они прихвляють назъ боль.

Боль предупреждаетъ насъ о вредѣ, накопленномъ нашему тѣлу. «Никто же овою плоть возненавидѣлъ», говорится въ писаннн. И ради обереганія ея мы и сгоняемъ вредное насѣкомое.

— Сгоняемъ — да, но надлежитъ ли убивать? Вотъ вчера сидѣлъ я, какъ во время всенощнаго бдѣнія отецъ Ириняръхъ

Ежегеліе шпалъ, а комаръ ему на високъ сѣлъ и кровью его упиивать началъ. Сначала Ириняръхъ какъ будто безчувствіе къ сему сосанно опазывалъ. А потомъ вдругъ

провелъ рукой по лицу, и кровью весь лобъ измазалъ. Прнмѣчно ли это?

— Ты все думя, — возразилъ Пимень, — говоришь мало съ дѣмъ, оттого глумня

мѣли тебѣ и не даютъ покоя, и въ голову тебѣ, какъ комары въ комнату, наби-ваются.

— Почему же мои мысли глумня? Можеть, побороть?

— Пимень опять хихикалъ сталь.

— Попробуй мнѣ, что глумня. Были бы умны, я такъ бы и сказалъ, а то совсѣмъ ништенныя. Такъ — сотрясеніе воздуха, когда ты говоришь, а пользы никакой: на церквя, на люднмъ...

VI.

Когда началась война, шюки ззшевелились. На нихъ точно живой водой брызнуло. Способствовалъ этому и новый игумень Тимонъ, что былъ назначенъ мѣсто Теофила, который перешелъ куда-то за Уралъ. Тимонъ былъ еще человекъ не старай, червобордый и прямой. Онъ выпивалъ въ обители три газеты и сразу не влюбилъ Агапія.

— Коли жить хочешь въ обители, пострнись.

— Недостойнъ.

— А коли недостойнъ, то и жить тебѣ съ достойными шюками не слѣдъ.

— Что жъ, я и уйти могу.

— Сдѣлай милость! Живешь ты: ничего не дѣлаешь, работаешь только на себя.

— Я наслу думалъ завестн и медъ для обители...

— Долго ты думаешь. Четыре года въ обители члелншь-ся, и все въ думкахъ. Только соблазнъ развощншь.

Прошло два три. Опять пришелъ Агапій

кь Тимою. Тотъ ожидаетъ, что онъ ух- дитъ, и въ этомъ смыслѣ спросилъ у него.

— Это поспѣю, отче, чего торопить- ся, а вотъ я осидомитъся припелъ: на рашенныхъ мы собирать будемъ?

— Ты почему это спрашиваешь?

— Желаетъ бы свою лепту внести.

— Какую?

— Триста рублей.

Тимоня какъ будто посмотрѣлъ на него благосклонно.

— А лазарета мы здѣсь не откроемъ?— продолжалъ Агапій.—Здѣсь у насъ для вы- здоровленія чудесно. Чистота воздуха.

— Можеть и устроимъ,—загадочно сказалъ Тимоны.

— Я бы по мѣрѣ силъ...

Тимоня сталъ доискиваться, а много ли у Агапія денегъ. Единственный человекъ,

который могъ бы дать на этотъ счетъ от- вѣтъ, Пимень, говоритъ, что не знаетъ.

Пыталъ онъ не однажды объ этомъ Агапія, но тотъ уперся и не раздвигалъ устъ. Ка- значей тоже дать неопредѣленны свѣ- дѣнія.

— Пожалуй, нѣсколько тысячъ у него есть,—сообразилъ онъ.—И держать онъ ихъ въ подушкѣ, либо въ тюфякѣ. Потому что въ изодѣ у него ключей нѣтъ и все отперто. Ежели онъ уйдетъ отъ насъ, и деньги съ нимъ уйдутъ. И монастырю ре- монтъ дѣлаетъ. Въ прошломъ годѣ онъ ста- тую Николая угодника эмалевыми краска- ми на свой счетъ подновилъ. Золоченіе по одеждѣ и все прочее. Потомъ перешлетчику платилъ дважды по счетамъ, когда распа- танныя книги тотъ поправлялъ. Вообще человекъ не вредный для обители. Я хо- тѣлъ подбить, чтобъ онъ весь иконостаеъ въ придѣлѣ Неопалимой Купины позоло- тить. Да теперь не такое время...

Тимоня рѣшилъ Агапія не трогать и пересталъ обращать на него вниманіе. И Агапій къ нему не хо- дилъ, и только, когда Пимень ему замѣ- тилъ, что игумень недоволенъ, что Агапій лишился себя московскую газету выни- сать, замѣтилъ:

— Я ему не монахъ, чтобъ онъ надо мной повелѣваетъ; самъ я знаю, что сдѣлать мнѣ дѣлать, что не сдѣлать. Пусть ужъ онъ надъ вами измываетъ, а я человекъволь- ный. Потому и иночества не принимаю, чтобъ величійеръ личныхъ не слушаться. А ежели онъ желаетъ, чтобъ я еще сто руб- лей даю, то могу,—только пунай меня въ покоѣ оставить.

ВІІ.

Къ вечеру Агапій совсѣмъ пересталъ хо- дить. Онъ осунулся, глаза точно потухли, а борода изъ бѣлой стала желтой.

— А почему онъ въ храмѣ никогда не бываеетъ?—спросилъ разъ Тимоны.

— Говорить, неудавался.

— Тогда врача ему надо тѣлеснаго.

— Тутъ помѣщикъ Березинъ гомеопатіей лечитъ. Многие довольны,—объясняетъ казначей.—Особенно отъ живота помо- гаеетъ. У меня на костышкахъ бутры вду- лись, онъ тоже помогъ. Забываетъ иногда онъ къ намъ.

— Ну, вотъ, какъ забудетъ, пусть по- смотритъ Агапія.

Березинъ самъ ходилъ въ очкахъ, а ко- гда прѣбывалъ куда, надѣвалъ поверхъ од- ныхъ еще другія... Ему сказали, что игу- мень проситъ его осмотрѣть одного жителя монастыря.

— Уединенецъ?—весело переспросилъ Березинъ.—А онъ со мною бесѣдовать со- гласенъ? Ежели не согласенъ, и вѣдь и не пойду. Даромъ лечитъ, да еще дорожаетъ слушать.

Его удивилъ, что «уединенецъ» ника- кихъ дороостей ему не наговорилъ.

— А вы лечитъ право имѣете?—спро- сить Березина игумень.

— Въ смыслѣ помощи ближнего— имѣю,—уклончиво сказалъ помѣщикъ.

— А какъ влади къ нему относится?

— Становой отъ чиревъ мазы просилъ. Полегчало.

Лейчикъ И. А. ОРЛОВЪ, получившій за боевыя отличія три Георгіевскихъ креста, чинъ прапорщика и Анненскій томлякъ.

— Ну, тогда Господь благослови,—тво- моль, я помирать къ вечеру собрался и очень прошу притти...

Агапій желалъ уже шестой день и не оставалъ. Въ хибаркѣ было довольно гряз- но, но Агапій былъ человекъ вонзбало- земный и неприхотливый. Березинъ и не то видѣлъ. Поэтому пренебречь клоамаи, что сидѣли на подушкѣ, мало стѣсняясь дни.

— Вотъ припелъ, ежели возможно, об- легченіе вамъ сдѣлать.

— Облегченіе, я думаю, сдѣлать мнѣ не- возможно,—сѣвѣлъ большой.

— А мы попробуемъ. Любовь къ ближ- нему,—вѣдь она горами двигаетъ.

— Горами-то, можетъ, вы и будете дви- гать, а вотъ плечетъ меня,—ничего не выйдеть.

— Почему такъ?

— Нура у меня нѣтъ. Чувствую, что ушло оно.

— Куда же оно ушло?

— Не знаю куда, а только—ушло.

— Да что вы чувствуете, расскажите?

— Рассказывать—противно. А только предѣтъ мой близокъ, и такъ какъ завѣ- щанія у меня нѣтъ, то послѣднюю волю желаю заявить...

Повѣрилъ онъ это тяжело, едва слышно, съ трудомъ переводя духъ.

— Они ничего не слушають пятый день,—завилъ послушникъ Феодъ, что хо- дилъ за нимъ.—Говоритъ «не желаю», и хотить, все отню... Три тысячя...

— А остальные,—продолжалъ Ага- пій,—оставляю... на раненыхъ... Сиротамъ что-бъ,—ну, калѣкамъ которымъ... такъ и запиши...

— А сколько?—сѣвѣдился Павелъ.

— Остальные. А вскрыть желѣзный сундучокъ послѣ смерти моей при свидѣ- теляхъ, что здѣсь. Сундучокъ запечатанъ.

— А гдѣ онъ?

— А онъ подъ елочкой, что противъ хи- барки. Закопанъ. Вотъ принесите сюда.

Казначей повалъ служку; Пимень тоже ухватилъ. Взяли въ сѣняхъ лопату и по- чей, а игумень... Такъ вы скажите, что, шай.

Отецъ Пимень его исповѣдывалъ и до- вольно долго, глазъ на глазъ. А когда во- шли прочіе, онъ сказалъ:

— Грѣхи ему отпущены, и во всемъ онъ раскаялся. А въ чемъ, того я никогда го- ворить никому не буду.

И отецъ Пимень, шамкая вѣтальми гу- бами, не смѣлся, а былъ непривѣчно серьезенъ и даже руки у него дрожали.

— Ты что же это и впрямь помирать собрался?—спросилъ игумень.

— Впрямь. Чего-жъ мнѣ не помереть? Вотъ на войнѣ теперь сколько молодыхъ помираетъ.

— Такъ,—сказалъ Тимоны.—Ты что же сказать хотѣлъ?

Наступила пауза. Слышно было, какъ за осномъ капалъ съ крыши таинный на солнышъ свѣтъ.

— Вотъ и я такъ ухожу, какъ свѣтъ,— вдругъ прошепталъ большой.

— Ну, что ты сказать хотѣлъ намъ? Вотъ и отецъ казначей тутъ и бумагу съ чекизнами принесъ.

— Принесъ? Ну, пусть вышетъ. Послѣ меня деньги останутся. Такъ на двѣ ихъ части. Монастырю три тысячя,—на что чуждымъ, что здѣсь. Три тысячя...

— А остальные,—продолжалъ Ага- пій,—оставляю... на раненыхъ... Сиротамъ что-бъ,—ну, калѣкамъ которымъ... такъ и запиши...

— А сколько?—сѣвѣдился Павелъ.

— Остальные. А вскрыть желѣзный сундучокъ послѣ смерти моей при свидѣ- теляхъ, что здѣсь. Сундучокъ запечатанъ.

— А гдѣ онъ?

— А онъ подъ елочкой, что противъ хи- барки. Закопанъ. Вотъ принесите сюда.

Казначей повалъ служку; Пимень тоже ухватилъ. Взяли въ сѣняхъ лопату и по- чей, а игумень... Такъ вы скажите, что, шай.

Въ комнатѣ было тихо. Большой тяже- ло дышалъ. Изъ окна было видно, какъ рыли землю,—сперва съ одной стороны, потомъ—съ другой.

— А предусмотрительный старикъ былъ,—замѣтилъ отецъ казначей.

Пимень ничего не отвѣтилъ: онъ те втягивалъ въ ротъ губы, то вынычивалъ: это обозначало въ немъ волненіе.

Когда принесли холодный ящикъ въ комнату, перевязанный и припечатанный, и показали Агапію, онъ сказалъ:

— Тотъ самый. А ключъ на шеѣ. Когда помру—снять. А ящикъ пока возьмите.

Вечеромъ, въ десять часовъ, онъ умеръ. Тимоны спрашивалъ:

— Послѣ похороны отидомъ? Торо- питься нечего?

Похорошили Смосуу прилично,—крестъ бѣлый поставили. Березинъ на похороны прѣхалъ,—рѣшено было сейчасъ по окон- чаніи обряда сундучокъ вскрыть.

Собрались все въ покояхъ игумна. Крѣ- мѣ свидѣтелей, набралось еще человекъ десять. Березинъ старыя очки надѣлъ.

— Печати цѣлы,—показалъ всемъ отецъ казначей.

Веревки были обрѣзаны, ключищъ щелк- нулъ. Содержимое ящика было обернуто въ газетную бумагу. Содержимое имѣло до- вольно внушительный видъ. Но никто ни- чего не сказалъ. Развернули бумагу. Была и рента, были и деньги.

Казначей началъ деньги считать. Бумаж- ки были все крупныя.

— Одиннадцать тысячъ четыреста,— сказалъ онъ.

— А прочаго,—спросилъ игумень,—на сколько?

Казначей отодвинулъ деньги и прѣдсе- нулъ «прочее». Считалъ онъ долго, на лбу появились даже крупныя капли пота.

— Ну?—спросилъ игумень, когда онъ кончилъ.

— Пятьдесятъ семь тысячъ.

Отецъ Пимоня пошелъ къ свѣжей мо- гилѣ и долго смотрѣлъ на нее.

— Вотъ ты какой!—пробормоталъ онъ.—Ну, тоже! И прокурать... Больше шестидесяти тысячъ! А? скажите, какой!.. И все на солдатиковъ... А?.. На ране- ныхъ... Скажите!..

И. Гибдичъ.

Литературныя замѣтки.

Идейная борьба съ Германіей.

Народная борьба, какъ вѣрно ска- зать поэтъ, не кончается на по- ляхъ сраженій,—она всегда незримо длится въ «невидимой области ду- ха». И если мы не позаботимся о посѣд- ней, намъ грозитъ послѣ войны медленое, но вѣрное нарастаніе прежней неволи, воз- становленіе едина рухнувшей «крѣпостной зависимости».

А иначе, какъ «крѣпостными» и не на- зовешь тѣ странныя отношенія, въ кото- рыя вылилась за послѣднее время идейная связь Россіи съ ея ближайшей западной сосѣдкой. Экономисты отмѣчаютъ, что хо- зяйственная зависимость Россіи отъ Гер- маніи возрастала съ каждымъ годомъ, осо- бенно со времени несчастнаго торговаго до- говора, состоявшагося десять лѣтъ назадъ. Ну, а люди «философствующіе» и вообще интересующіеся развитіемъ русской «от- влеченной» мысли не могутъ не замѣтить, что совершенно такое же нарастаніе нѣ- медкаго могущества произошло за тотъ же самый срокъ и въ этой области, притомъ опять-таки особенно за періодъ послѣдняго десятилѣтія, когда мы только и умѣли твердить «отсѣльва-досѣльва»: одни «по Ницше», другіе «по Ринкертю», третьи «по Когену».

Мы вдругъ точно забыли, что мы сами имѣемъ широкія развитія умственной жизни—имѣемъ «своихъ» славянофиловъ и

БИТВА НА ИЗЕРЪ.

Германские снаряды рвутся надъ деревней, занятой Англичанами.

НА ВОСТОЧНОМЪ ФРОНТѢ.

ОТПРАВКА ВЪ РАЗЪѢЗДЪ.
Начальникъ разьѣзда объясняетъ полученную задачу.

Хорунжий Н. И. Зиминъ.
Убитъ въ бою.

Легчайшъ И. И. Кульневъ.
Погибъ во время развѣдки.

западниковъ, имѣемъ зачатки національнаго взгляда и національныхъ интересовъ въ гуманитарныхъ наукахъ, въ философіи, въ исторіи. Все это «впало въ забвеніе»—и на первомъ планѣ водворилась Ницше и Риккертъ, Риккертъ и Ницше.

Никогда, ни въ какія времена гегельства, марксизма, увлеченія Молеоттомъ и проч., не было этого «процесса германизации». При Гегель мы только еще начинали мыслить, и естественно было у кого-нибудь «поучиться». Да и Гегель, при всѣхъ своихъ минусахъ, былъ все-таки действительно гениаленъ. Между тѣмъ, даже относительно его русская мысль очень быстро заняла независимое положеніе (Хомяковъ и др.). Въ 60-е и въ 90-е годы русскій материализмъ и русскій экономизмъ были скорѣе параллельнымъ европейскому явленіемъ, и въ той или иной формѣ эти теченія переживались и въ другихъ странахъ. Напротивъ, исключительность нѣмецкой философіи была исключительно русскій «отраднымъ» явленіемъ. Рѣшительно ни для кого,—ни во Франціи, ни въ Англии, ни въ Италиі, ни въ Америкѣ.—Риккертъ и Когенъ не представляли великанами, и легко рвущееся кружево «умышленнѣхъ» философическихъ построений, сплетенное въ душныхъ нѣмецкихъ аудиторіяхъ, не уловляло въ свою сеть ничьихъ мозговъ, кромѣ русскихъ. Общеєвропейскимъ и, следовательно, мировымъ явленіемъ за эти годы (кромѣ уже отцвѣтшаго на Западѣ Ницше)

Германскіе «чемоданы», захваченные у города Кальваріа.

можно назвать только прагматизмъ, суга для «переоцѣнки цѣнностей», которая одновременно вспыхнула и во Франціи, и въ англо-саксонскихъ странахъ.

Мнѣ не хочется называть именъ. Но, чтобы не остаться голословнымъ, я приведу только одинъ примѣръ: литературно-жизнѣйскую судьбу одно время очень шумѣвшаго Андрея Бѣлаго. Начавъ съ яраго ницшеизма, онъ зацѣпился затѣмъ довольно прочно въ марбургско-фрейбургскихъ сѣтяхъ, и наконецъ въ началѣ войны довелось прочесть о немъ курьезное сообщеніе. Оказывается, что, увлеченный подъ конецъ нѣмецкой (конечно!) повѣйшей теософіей, нѣкогда «многообѣщавшій» поэтъ не только переселился совсѣмъ въ Германію, но даже приобрѣлъ сдѣ-то подъ Мюнхеномъ особый участокъ земли, на которомъ предполагалось воздвигнуть зданіе для совершенія въ немъ правобѣрныхъ теософическихъ мистерій, но всѣмъ правлалъ верховнаго мага и волшебника Р. Штейнера. Но—тутъ примѣшивается коическій элементъ. Вздвигнувшись въ своей «тевтоноской ярости» Нѣмцы, не разобравъ въ эту сложную обстановку, конфликовали, въ числѣ прочей русской собственности, и этотъ, купленный для прославленія «армавскихъ же откровеній», участокъ и даже разрушили уже начатая постройка! Самъ Бѣлый, кажется, такъ и застрялъ въ Германіи «военнопленнымъ» и, вѣроятно, имѣетъ теперь достаточно до-

Согласитесь, что вся эта нелѣпая исторія удивительно типична, и, такъ какъ дѣло дѣтъ о «символизмѣ», то ей можно даже придать символическое значеніе. Мнѣ кажется, у многихъ изъ насъ за эти годы по ту сторону германскаго рубежа былъ приобретенъ, на «кровныя» деньги русскаго ума и русскаго чувства, нѣкій «небольшой участокъ», на которомъ предполагалось воздвигнуто «замѣть души», задумав-

Плѣнный германскій унтеръ-офицеръ объясняетъ нашимъ офицерамъ устройство германской в.м.овки.

Капитанъ В. А. Алексѣевъ.
Убитъ въ бою.

У союзников.

Английский король ГЕОРГЪ V раздаетъ солдатамъ знаки отличия.

Василій Павловичъ ЗНГЕЛЬГАРДТЪ.
Имя его связано съ цѣлыми трудами по астрономіи, историческими изысканіями и заслугами въ музыкальномъ мѣрѣ.
† 6 мая 1915 г.
См. статью на 184 стр.

ТИПЫ ГАЛИЦИИ.— Въ праздничный день.

ный по нѣмецкимъ чертежамъ, но, къ счастью, оставшіяся недостроеннымъ. Конечно, нужно было имѣть не только безтолковую тевтонскую грубость, но и всю современную нѣмецкую слѣпоту, чтобы такъ неосмотрительно однимъ взмахомъ разъ навсегда «конфисковать» все эти замки!

Да, это несомнѣнно: послѣ войны Нѣмцамъ придется жестоко пожалѣть о легкомыслии своего «милитаризма», между прочимъ и въ этомъ отношеніи: вмѣстѣ со всеми «матеріальными» колоніями, они безвозвратно потеряли и духовную свою колонію, Россію. Мы уже свергаемъ ихъ это. Начался этотъ «бунтъ» съ памятнаго вечера, устроеннаго еще осенью московскимъ обществомъ «памяти Владиміра Соловьева». Громадная аудиторія Политехническаго музея была тогда вся биткомъ набита слушателями, горячо принимавшими тезисы лекторовъ. Особенное впечатленіе произвело тогда (и послѣ вызвало много споровъ въ печати) утвержденіе однимъ изъ лекторовъ внутренней «имманентной» связи между «последнимъ словомъ» современной милитаристической Германіи — усовершенствованными орудіями Крупна и «классической» германской философіей. Лекторъ видѣлъ прямое соотношеніе между тѣмъ «гильотинированіемъ» божественнаго міроваго начала, которое совершено Кантомъ въ лабиринтѣ его «Аналитики»,—и этимъ внезапнымъ зудомъ къ покоренію всего міра, которое одолѣло нѣкогда столь смиренныхъ Нѣмцевъ. Если надъ міромъ нѣтъ высшаго судьи, то въ мірѣ, очевидно, остается одно только «право сильнаго», въ которое и увброваль «философски» утратившій все инья вѣрованія Михель. Отсюда и ницшеанское «все позволено», отсюда и бисмарковское «сила есть право» и отсюда же стараніе заткать открывшуюся пропасть хитро сплетенной паутины гносеологической «методологіи».

Я думаю, что русское мышленіе вступило въ этой борьбѣ за самоосвобожденіе на правильный путь. Коренное различіе русской мысли отъ нѣмецкой лежитъ, «систематичность» и прочія «научныя» дѣйствительно, тутъ въ томъ, что русско-мудрому глазу (равно какъ и романскому, и лажетса, Бѣлинскій,—замѣтилъ, что всякій англо-саксонскому) міръ представляется, Нѣмецъ, равно какъ и Германія «вообще» какъ красочное и живое цѣлое,—тогда разрываются на эти два полюса: 1) на

Главнокомандующій итальянской арміей генераль НАНЕВА.

Проф. Петроградской Консерваторіи Мих. Мих. Черновъ, прапорщ. запаса. Раненъ.

ТИПЫ ГАЛИЦИИ.

Деревенскія дѣвушки «гуцулки».

Шиллера и 2) на кухарку. Это, можно сказать, вневременное определение. И, если «безлентность» немецкой «идеалистической» философии дает себе чувствовать с первого же шага в ее «лабиринты», то, пожалуй, еще знаменательнее в этом отношении общий характер немецкого искусства. Уж, кажется, живопись есть искусство по преимуществу «плотское» — такое, в котором без «материи» не обходится. Но посмотрите, как безрасчетны, почти безвзвешны великие мастера старой Германии, в которых особенно безпримесно сказались чистый немецкий дух, — Дюрер, Крахт, даже Гольбейн. Все они как бы стремятся к гравюру, в которой величайшей из них, Дюреру, и выразился особенно ярко. Да и новейшие германские художники, такие, как Бёклинг, Штук, Менцель, — какой «умышленностью», какой «отвлеченностью» впечатлительны достигают они своих целей! Но также «умышленна» и вся германская литература. Разве не пафосом философичны Гете и тот же «глубокоглазый» Шиллер? И что такое «Фауст»; как не сборник словесных гравюр? Сравните это с нашим Пушкиным, с картинами «Евгения Онегина», с красочностью его пейзажей, с жизненностью всего его лиризма. Стоять сдвигать это сопоставление, чтобы увидеть, есть ли какой-нибудь смысл нам ехать в Германию и «покупать участки» там?

Но мы кажется, что в нашей «эмиграции» от гевторского крепостного права нужно, чтобы подрать окончательно стены темницы, углубить вопрос до основного «материала». Не философией, а религией определяется народный дух. И в глубинах германизма укоренены Кант, который мог влиять лишь на интеллигенцию, а Люттер, влиставший на весь германский народ и на самого Канта в том числе. Истолкование христианства, данное немецким народом в протестантизм (ближе: в лютеранство), — вот в чем выразилась сущность немецкого духа. Та же безрасчетность, та же «отвлеченность» — и здесь, в религии, что в искусстве и в науке. Уныло-окрытый вид протестантской кирки — это та же «схема», что в лирическом лабиринте Гете, что на рельефно-сухих полотнах Дюрера. Войдите в лютеранскую церковь; в ней еще можно слушать (органы; вичная проповедь, т.-е. собственно «научная» лекция пастора), — но в ней не на что смотреть. И при этом (что особенно характерно) не только нечего смотреть по стенам и в обстановке храма, но нечего видеть и в людях, там собравшихся. Войдя в любую католическую церковь, вы почти всегда найдете в углу, перед картиной или статуей, молчающую, гордо-жающую фигуру. А наши, по нашим православным церквам, вереницы ждущих исповеди вечером каждой пятницы долгаго Великого поста? Вот что никогда не увидишь ни в одной протестантской кирке! В них нет зрелища покаяния, — и собственно, если задуматься, именно тут лежит корень всех, так удививших мир немецких «звезд». Для протестантизма, как для религии, характерно это отсутствие чувства греха. Нет покаяния собственно потому, что не все же каются (в тайной мысли) не перед Богом, каются. Христианству германизм дал истолкование чисто-человеческого, «героического» мироощущения, и Спаситель мира для него есть почти языческий герой-благодетель, тот же Лоэнгринг или Зигфрид. Здесь находится себе объяснение и нольно-безумное утверждение современных немецких «ученых», что И. Христос был члестропный Германец! Германизм не умел Его мыслить иначе, как «поставленным в исторические условия» предстателем собственного духа. Ирраслу-

НА ВОЙНУ. — На перевалах еще сыглы

тая тюрингенская школа только договорилась что и самый факт теперешней войны в ее своем отрицательном богословии то, распределение лагерей в ней является что с самого начала было дано в про-как нельзя больше естественными. Это тестанство. В последнем счете Германия так и есть в самой «природе вещей»: нец в своей религии имать дело лишь с одной стороны, «абстрактный», лишь с самим собой и с собственным «идеальным». Подскажет ему его «категорический императив» свое «ты делай, жень!» — хорошо; не подскажет — тоже ладно...

Отсюда понятно это отсутствие молитвы мытаря в лютеранстве: «Боже, милостив, буди ко мне, грешному!» Грех? Покаяние? Но какой, откуда грех? И как, в чем же каются? Нельзя же каяться перед самим собой, хотя бы и был собою недоволен. Для протестантизма возможна только ошибка («научная», «отвлеченная» форма греха), а в ошибках нет надобности каяться. Очень характерно, что у Немцев бывает обшая, грубая исповедь — не как редкий случай религиозного экстаза, как у нас, а тическим отношением к религиозным как обычная, общепринятая и вполне спокойная форма. Здесь уничтожено самое зорко покаяния — его интимность.

Когда удумываешься в этот свершено особый, ни на какой другой непохожий строй германской души, с его безукорной самоуверенностью (проникающей главным образом от этой изолированности), тогда приходишь к выводу, ний в среде служителей алтаря. В ро-

Главномачальствующий Москвы, генерал-адъютант князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон. Скульптура работы бар. К. К. Рауш-фон-Траутенберга. С фот. Ксен. Глибовской.

мань г. Марка Криницкого «Ваши казенный» * героем является также священник, но автор желает сдвигать его действующим лицом всего лишь любовной драмы. Он связан брачными узами с женой, к которой давно уже стал равнодушным, и его любовь к другой, вспыхнувшая внезапно, ставить его в условия, из которых трудно найти выход. Такое положение, конечно, могло бы точно также послужить темой для захватывающей драмы. И если в драме священника Рогова читатель остается совершенно равнодушным, то главным образом по той причине, что любовь героя романа г. Криницкого носит какой-то пошловатый характер. Рогов — инспектор и преподаватель женского энархального училища, а героиня романа, Тасия, одна из энархалок. Все отношения между ними и ею ограничивались, при начале вспыхнувшей у него любви, тем, что он спрашивал, а она отвечала урок; но при этом, —

стараясь не смотреть, он видит ее высокую, тяжело волнующую его талию с бллым пышным бантом назади и склоненный затылок с пушистой, точно прозрачно желтой косою и чуть заметным узором свѣтлого пуха на шеѣ. Такой же пушок покрывает у нея видную часть руки и, вѣроятно, все тѣло.

Рогову приходила было в голову мысль, что «нехорошо так думать», но, в концѣ концов, он «твердо не знает, хорошо это или нехорошо». В сущности, каждый подросток, когда в своем воображении он представляет себе женщину без всяких покровов, знает, что это «нехорошо». Но герой романа г. Криницкого, отец семейства, человек не очень уже молодой, и притом посвятивший себя пастырскому служению, — этого не знает. Во всех его мечтах о любимой дѣвушкѣ, чего нибудь такого, что говорило бы нам о его интересѣ к ее духовной жизни, мы стали бы напрасно искать, — все его грезы о счастье вдвоѣм так же примитивны, как и волнующая его мысль о покрывающем шею Тасии пушистик. Столь же примитивен и весь роман Рогова, — «два часа счастья» с Тасией, — и если бы автор не закончил роман трагическим финалом — самоубийством героя, то можно было бы подумать, что мы имѣем дело с попыткой дать читателю сатирическую повесть из быта духовенства. Но автор в самом концѣ раскрывает свои карты и устами одной из учениц Рогова, рекомендуемой им в качестве дѣвицы отменно умной и чуткой, промѣтть всех тѣх, кто не пожелал бы в романѣ Рогова и Тасии видеть настоящей, высокой трагедии:

О, сѣрые, пудные люди, которые гордятся вашими законами и вашей моралью. Почему среди вас нѣту мѣста для тѣх, кто не может жить по вашему шаблону? и т. д.

Таким неожиданным вольтом слабый человек, запутавшийся в сетях самой незамысловатой чувственности, превращается чуть ли не в титана, смѣло бросающего вызов предрассудкам, в которых погрязло человечество. Это уже не только не умно, но и попросту смѣшно.

в. ю. п.

Разказы с моралью.

Маріэтта Шагининъ обратила на себя внимание цѣлымъ талантливымъ лирическимъ стихотвореніемъ — «Orientalia». Отъ восточныхъ мотивовъ до «жизно-повѣстей», или до разказовъ, в которыхъ на первомъ планѣ стоитъ не художественное изображение жизни, а мораль, вытекающая изъ послужившихъ темой для разказа со-

* Маркъ Криницкій. Ваши казенный Романъ. Изд. «Современная библиотека». Москва. 1915. Стр. 215. II. 1 р. 25 к.

бытій, — скачок довольно таки большой, так что при чтении книги «Узкія врата» мы могли бы, пожалуй, даже подумать, по являемся ли мы жертвой недоразумения и не имеем ли мы дѣло съ двумя различными авторами, случайно посящими одну и ту же фамилию. Стремление автора къ м-рализованію вопію опредѣленно выражается уже въ первомъ разсказѣ «Узкія врата». История о горбуны-Румынѣ, показавшемся очень неприятнымъ всѣмъ обитателямъ одного заграничнаго пансіона своею претенциозностью, а на самомъ дѣлѣ, какъ это выяснилось послѣ его самоубійства, бывшемъ глубоко несчастнымъ человѣкомъ, напрасно искавшимъ хоть тѣни сочувствія своей жалкой судьбѣ, — даетъ поводъ обитателямъ пансіона разсказывать разные истории на тему объ отношеніи людей къ ихъ близкому. Мораль же произведенія заключается въ томъ, что проникнуть въ узкія врата, ведущія въ райскія обители, можно только тому, кто свой житейскій путь совершалъ со «спутниками», а не пребывая въ горделивомъ одиночествѣ, хотя бы и вызванномъ его стремленіемъ къ самоусовершенствованію. Изъ второго разсказа — «Праздникъ лукавцы», — какъ предупреждаетъ слушателей самъ разсказчикъ, вытекаетъ «наказаніе о томъ, какъ съ пользою для себя и родины, слабый побѣждаетъ сильнаго». Въ «Загадочномъ завѣщаніи» отецъ оставляетъ завѣщаніе, согласно которому всѣ его миллионы переходятъ къ тому изъ двухъ его сыновей, который въ присутствіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ «согласится раздѣть свою супругу до-наги и заставить ее въ такомъ видѣ обойти всѣхъ присутствовавшихъ». Старшій сынъ, вопію пріличной драматичности, не протестуетъ противъ того, чтобы его благословителю супруга выполняла этотъ пунктъ завѣщанія. Но второй сынъ, отвергнутый отцомъ при жизни за то, что онъ женился на кафешантанной пѣвицѣ, съ негодованіемъ отказывается отъ исполненія этого дикаго условія. Послѣ этого выясняется, что отецъ хотѣлъ такимъ способомъ испытать своихъ сыновей, на самомъ же дѣлѣ онъ рѣшилъ оставить свое состояніе тому, кто понимаетъ «чтѣ стыдливость и достоинство женщины есть лучшее украшеніе мужчины». Правочленіе изъ всего этого вывести не трудно. Мораль разсказа «Владѣ» извѣстна всѣмъ изъ дѣтскихъ правочленительныхъ исторій: истинное счастье не въ деньгахъ, и мы находимъ часто кладъ не тамъ, гдѣ мы его ищемъ. Морализуетъ авторъ и въ болѣе крупныхъ вещахъ — повѣсти «Капризъ миллионера» и «Кино-повѣсти» «Золушка». Въ послѣдней дѣвушкѣ съ простымъ, но любящимъ сердцемъ ухажеромъ возродитъ къ жизни русскаго эмигранта-неудачника, страдающаго отъ того, что онъ ни въ чемъ не можетъ найти «опредѣленности». Самая мораль всѣхъ исторій г-жи Шагиняны въ достаточной степени незатѣйлива, и если бы мы могли принимать ее въ серьезъ, всѣ эти разсказы, гдѣ мелькаютъ передъ нами миллионеры, ихъ завѣщанія, капризы и т. п., могли бы показаться довольно незамысловатыми. Но тонъ повѣствованія г-жи Шагиняны повременамъ таковъ, что читатель начинаетъ думать, не мистифицируетъ ли его авторъ, и это спасаетъ послѣдній отъ упрека въ банальности.

Ю—въ.

Плѣвать про «нѣчто и туману даль».

Если бы воспитаній Пушкинскимъ Владимиръ Ленскій, обладавшій душою «чисто геттингенской» и прославлявшій въ своихъ стихахъ «нѣчто и туману даль», задумалъ написать романъ, онъ далъ бы ему вѣроятно заглавіе, которое уносилось бы отъ скудной земли съ ея надобливою прозою куда-то въ заблуженныя страны. Исходя, очевидно, изъ того положенія,

* Мариэтта Шагиняны. Узкія врата. Изд. М. И. Семанова. Петроградъ. 1915. Стр. 191. Ц. 1 р. 25 к.

ГРУППА СКОМОРОХОВЪ-ПРЕСТУПНИКОВЪ.

(Организова въ 1914 г.)

что «имя обязываетъ», мало кому извѣстный, хотя не лишешій претензій, романистъ, г. Вл. Ленскій озглавилъ свой романъ такъ, чтобы читатель сразу могъ понять, что рѣчь пойдетъ о чемъ-то весьма возвышенномъ: «Бѣлые крылья». «У меня выросли бѣлые крылья!» — говоритъ одинъ изъ героевъ романа. «Если бы у людей были крылья, они не умирали бы никогда», — мечтаетъ другой; когда онъ видитъ летающихъ вокругъ него голубей, «ему кажется, что и у него самого за спиной такія же бѣлые, прекрасныя крылья». Чтобы подчеркнуть контрастъ между безкрылой дѣйствительностью и крылатой мечтой, авторъ рисуетъ цѣлый рядъ исторій, связанныхъ подразъ между собою чисто механически и объединенныхъ только однимъ общимъ настроеніемъ автора. Если въ иныхъ изъ этихъ исторій можно еще найти нѣчто, напоминающее дѣйствительную жизнь, то другія очень похожи на тѣ дамскіе романы, которые сочинялись въ первой половинѣ прошлаго вѣка для услажденія нашихъ бабушекъ. Напримеръ, одна изъ

* Вл. Ленскій. «Бѣлые крылья». Романъ. Московское книгоиздательство. Москва. 1915 г. Т. I. Стр. 232. Т. II. Стр. 264. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.

героиня «Бѣлыхъ крыльяхъ», молодая дѣвушка Аня, прѣхавшая изъ провинціи въ Петроградъ, чтобы учиться на медицинскіхъ курсахъ, встрѣчаетъ на студенческой вечеринкѣ гвардейскаго офицера, при первомъ же взглядѣ на котораго «ею мгновенно овладѣла такая слабость, что она не могла продолжать танцевать». Онъ также «сверкнулъ на нее своими черными глазами», въ которыхъ «вспыхнуло не то удивленіе, не то восхищеніе», а черезъ день они уже гуляли вдвоемъ на Елагиномъ островѣ, «онъ увлекъ ее въ бѣлую каменную бесѣдку и обнялъ ее, тихо умолая: Аня, Аня, я хочу тебя поцѣловать!» На другое утро она заболѣла тифомъ, пролежала патора вѣснца въ больницѣ, а такъ какъ она не знала ни имени, ни фамиліи гвардейца, то уѣхала изъ Петрограда на родину съ мечтой о немъ, но безъ всякой надежды когда-нибудь увидѣть его снова. По настоянію матери она вышла замужъ за нелюбамаго ою человека. Гвардеецъ однако цѣлый годъ искалъ ее, попалъ, наконецъ, на ея сады и прѣхаетъ въ тотъ городъ, гдѣ она жила, какъ разъ наканунѣ ея свадьбы. Мамаша сумѣла однако выпроводить его такъ, что дочка и не узнала объ этомъ, и это дало автору возможность разыграть

Дозадутъ ли?

Кар. Эн-Эр.

одну изъ своихъ многочисленныхъ вариаций о бѣлыхъ крыльяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Аня такъ расплодѣла и расплылась, что отъ ея прежней красоты не осталось и слѣда, на станцію, которую содержалъ ея мужъ, забѣгаетъ тотъ самый гвардеецъ, все еще тоскующій по своей «Ани». Первымъ ея побужденіемъ было «признаться, сказать ей, что она, напомнитъ о томъ далекомъ подлудствѣ, которое они пережили вмѣстѣ», но, вспоминая о томъ, какой безобразной она стала теперь, она отрывается отъ самой себя, хотѣ и видитъ по его глазамъ, что онъ узналъ ее, видитъ это «по ужасу, отраженному въ нихъ». Кончается эта «прежалостная история о несчастной Ани и вѣрномъ гвардейцѣ», какъ и полагается, самоубійствомъ героини. Съ такими же романтическими пополюзованіями встрѣчаемся мы и въ исторіяхъ о любви Нины къ Итальянцу Паоло Руокка или Павла къ Гречанкѣ Натальѣ. Здѣсь уже самыя имена, равно какъ и національность — итальянская въ первомъ случаѣ, греческая во второмъ, — являютъ данью автору тому условному романтизму, которымъ пропитанъ весь романъ.

Н.

Философія религіи.

Въ послѣдніе вышла только первая историческая часть ученаго труда проф. Боголюбова. Появленіе книги весьма своевременное, потому что интересъ къ религіи теперь заметно усилился. Авторъ хорошо изучилъ литературу предмета и широко знакомъ съ ней читателя въ своемъ трудѣ; отношеніе къ предмету, изслѣдованіе спокойное, осторожное. Стремленіе автора вложить въ рамки опредѣленной классификаціи религіи историческій матеріалъ вызвало, однако, нѣкоторую узость и односторонность въ ознакомленіи съ историческими религіями.

Религія каждаго культурнаго народа настолько разнообразна въ разные періоды и у разныхъ представителей религіознаго сознанія, что классификація сама широкая всегда будетъ прокрустовымъ ложемъ для живого тѣла религіи. Исходя изъ теоретическихъ классификацій, а не внимательнаго только историческаго наблюденія, легко пропустить мимо сознанія черты, которыя одинаково присущи каждому религіозному проявленію человѣческой мысли; а это помѣшаетъ правильно опредѣлить то зерно безсознательныхъ религіозныхъ исканій и тиготній, которое является чѣмъ-то природнымъ чело-вѣку. Поэтому было бы болѣе желательно, если бы вмѣсто подробнаго знакомства съ теоріями классификацій, авторъ исторически провелъ наблюденіе надъ развитіемъ религіи культурныхъ народовъ. Болѣе широкое историческое наблюденіе дало бы болѣе богатый матеріалъ для выводовъ.

Ф. В.

Геометрія для простыхъ людей.

«И все-то мы можемъ: только бы рас-четъ знать!» Это восклицаніе поставилъ на обложкѣ своего труда прив.-доцентъ В. Лермонтовъ, написавшій «примѣнимую геометрію для всѣхъ неквижныхъ людей, кому надо знать кое-что изъ геометріи для своего дѣла». Въ этой книгѣ нѣтъ систематическаго курса геометріи для учениковъ, которые будутъ дальше учиться, ибо она предназначена для ремесленниковъ, нуждающихся въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по геометріи для пониманія разговора архитекторовъ и инженеровъ и для расчета по своему дѣлу. Такіе писатели, говоритъ авторъ, не стануть

Боголюбовъ, Н. проф. «Философія религіи». Киевъ, 1915 г., т. I, стр. 453, ц. 3 р.
* В. Лермонтовъ. Примѣнимая геометрія, основанная на опытѣ. Петроградъ. 1915 г. Ц. 85 коп.

учиться «въ запасъ», имъ нужны свидѣнія, прямо приемыма къ дѣлу. Поэтому и изложеніе научныхъ истинъ и терминовъ идетъ въ перемѣску съ примѣрами ихъ примѣненія въ ремеслу и другимъ надобностямъ жизни. Здѣсь есть, напр., главы «о вычерчиваніи выкроекъ жестяниковъ и котельщиковъ», находеніе размѣровъ сосуда назначенной емкости, вычерчиваніе винтовъ и гаекъ, ремешковъ шкивовъ, формы колесъ, колеса и шестерни и т. п.

Въ такой книжкѣ давно была нужда, и не мало хорошихъ мастеровъ-самоучекъ скажутъ сердечное спасибо чловѣку науки, пришедшему къ нимъ на помощь. Это, впрочемъ, не первая его работа въ этомъ направленіи, и, какъ и предыдущія, хорошая и полезная, и жаль, не пожелать ей самаго широкаго распространенія.

Василій Павловичъ Энгельгардтъ.

См. портретъ на 181 стр.

Скончавшійся недавно въ глубокой старости въ Дрезденѣ на своей виллѣ, В. П. Энгельгардтъ хорошо памятенъ заслугами своими въ русскомъ музыкальномъ мѣрѣ, историческими изысканіями и, въ особенности, астрономическими трудами.

Глинка былъ въ свойствѣ и очень друженъ съ семьей Энгельгардтовъ, и по его указаніямъ В. П. сталъ заниматься музыкой съ дѣтства. У отца его былъ крѣпкой оркестръ, которымъ управлялъ Кароль. Въследствіи В. П. близко сошелся съ Одетскимъ, Даргомыжскимъ, Трягунъ, Сьровымъ (товарищемъ по правотѣднію), а Глинкѣ сдѣлались друзьями. Благодаря этому, В. П. сохранилъ для потомства автографы партитуры «Жизнь за Царя», сдѣлать по памяти много аралжировокъ произведеній Глинки и собралъ богатую музыкальную коллекцію.

Все это передано В. П. въ Императорскую публичную библиотеку, частью въ казанское отдѣленіе И. р. м. о., куда послѣ его смерти долженъ поступить его большой подаренный Казанскому университету, по-прежнему и музыкальными коллекціями, находящимися въ Дрезденѣ. Его стараніями перевезено и тѣло Глинки изъ Берлина въ Петербургъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ В. П., по его словамъ, охоту «наблюдать небо». Переселившись, въ концѣ 60 годовъ, окончательно на жительство за границу и лишь изрѣдка потомъ ненадолго посѣщая Россію, В. П. имѣлъ возможность осуществлять свое желаніе заниматься астрономіей. Для

Турокъ.—Ну, теперь, мой другъ, я уступаю вамъ это мѣсто: съ меня довольно. „Punch“.

служы В. П. были почтены избраніемъ его въ члены Императорской Петроградской Академіи Наукъ и доставили ему степень доктора философіи университета въ Киль (въ Германіи) и доктора астрономіи Казанскаго университета.

По прекращеніи астрономическихъ занятій В. П. началъ свои военно-историческія изысканія относительно швейцарскаго похода Суворова, собирая на мѣстѣ, по Суворовской тропѣ, не только сохранившіеся документы, но преданія, рассказы и вещи, относящіяся къ памяти великаго полководца. Такимъ образомъ, составилась у него богатая коллекція суворовскихъ предметовъ, впоследствии переданная имъ въ Суворовскій музей въ Петроградъ и помещающаяся тамъ въ особомъ «Залѣ В. П. Энгельгардта», и не менѣе цѣнный «Суворовскій сборникъ В. П. Энгельгардта» рукописныхъ матеріаловъ въ коллекціи, оставшейся послѣ смерти биографа Суворова, генерала А. Ф. Петрушевскаго.

Покойный до конца жизни не оставилъ занятій, интересуюсь въ послѣднее время греческой и римской мифологіей. Война, которую онъ предсказывалъ задолго, несомнѣнно ускорила его кончину. В. П., приходившійся внуцатымъ племянникомъ князя Потемкина Таврическаго, былъ горячій патриотъ и глубоко страдалъ, находясь вдали отъ родины. Свое состояніе завѣщалъ онъ обсерваторіи своего имени, считая, что бездѣльнымъ людямъ слѣдуетъ оставлять свое состояніе родной странѣ, на пользу общую.

В. П. Энгельгардтъ окончилъ училище правослѣдія въ 1847 году. Высоко дароватый, разносторонне образованный, просвѣщенный и тонкій мыслитель, онъ представлялъ собою одинъ изъ лучшихъ образцовъ русскаго чеювѣка.

д. и. д.

Редакторъ Б. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

СКАНДИНАВІЯ

Skodsborg Badesanatorium

SKODSBORG (ДАНИЯ).

Сам. больш. **САНАТОРІЯ** (кр. годъ) Скандинавіи и **ПАНСИОНЪ** для отдыха, живописно расположены в. б. «Сундетъ», 16 килом. отъ Копенгагена, окружены королевскимъ паркомъ п. н. «Dyrehave» съ великол. прогулками. Курортный Отдѣлъ Санаторіи оборудованъ (1913 г.) всеми модными аппаратами. Всевозм. призн. врачами физик. и діетическ. способы леченія примѣняются. Великолѣнные результаты. Цѣны: полный пансионъ 8—12 кронъ въ сутки. Требуется иллюстрированные проспекты Курорта.

ЛАРЧИКЪ

Содержащій полный наборъ косметическихъ средствъ «Сильфиды» необходимъ каждой женщиной для уюта за

КРАСОТОЙ

и для сохраненія ея

въ изящномъ футлярѣ:

- 1—бѣнку Крема для лица;
- 2—Фланковъ Жидкой пудры
- 3—бѣнку Румянъ для губъ;

- 4—бѣнку Пѣты для полировки ногтей;
- 5—Фланковъ Жидкихъ румянъ;
- 6—бѣнку Крема для бѣланы кожи;

По рекламной цѣнѣ: Руб. 8.50 за футляръ, во всѣхъ первоклассныхъ и авторскихъ магазинахъ или непосредственно по полученіи почтовыхъ марокъ на 60 коп. для почтовыхъ расходовъ отъ:

ДЖОНЪ ФАРМЕРЪ, В. О., Большой пр., 83, Петроградъ.

съ тѣмъ чтобы получить остальныя деньги въ Руб. 2.00 наложеннымъ платежомъ.

ТУАЛЕТНЫЯ СРЕДСТВА «СИЛЬФИДА» ПРЕВОСХОДЯТЪ ВСѢ ДРУГІЯ.

PRE BY. JOHN FARMER LONDON S. W.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШІАСЯ,

простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдопъ Д-ра Стора.

Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдопъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВСЯКАЯ НАГРАДА

И. ВИНКОУРОВЪ И СИННИКІЙ Садовая 29.

Гостиница Дворъ (у Главъ вѣн) Московскій проспектъ 115/1

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ и гармоніковъ.

УБѢДИТЕСЬ

САМОКРАСИЯ ГРЕЙДЕККИ.

Электрич., безъ красокъ... 10 р.

СЪЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІИ

Петроградъ, Морская, 83.

Въ книжныхъ и газетныхъ У-ва А. С. Суворина—
«Новое Время»

Г. Торнъ (Gue Thorne)

Когда наступилъ мракъ...

Исторія одного великаго разговора.

Съ англійскаго.

Цѣна 1 руб.

И для немущих, и для учащихся он сдѣлал неизмѣримо больше, чѣм профессионалы около молодежи и профессионалы около житейского гора,—имя же имъ легионъ. Но, поистинѣ, эти люди старались для своего имени, натирали мѣломъ пуговицы своего мундира и звали внимание всѣхъ къ этому мундиру, — а Гурье думалъ и заботился о самомъ человѣкѣ, о бѣдномъ въ нуждѣ и объ учащемся около книги. О себѣ же въ этихъ заботахъ онъ ничего не думалъ, и отъ этого сохранялъ въ себѣ все достоинство и, позволимъ выразиться, все величіе русскаго гражданина и русскаго просвѣщеннаго человѣка. Здѣсь и «ключъ» къ его неопытности. Онъ всегда былъ гордъ дѣйствительными заслугами передъ отечествомъ и передъ обществомъ, и чувствовалъ силу стоять на своихъ ногахъ, ни на кого не опираясь, ни къ кому не прислоняясь, ни за кѣмъ не слѣдуя и вообще не присоединяясь ни къ какому чужому мнѣнію. Онъ былъ всегда «въ своихъ мнѣніяхъ», достаточно вооруженныхъ для самозащиты. «Съ волками не выль», а «жить» ему приходилось часто и долго «среди волковъ» (70-е и 80-е годы нашей «общественности»). И, конечно, ему это не проналось людьми такого склада ума и характера, какъ приснопамятный Ник. К. Михайловскій и его многочисленное «окружение»...

Послѣднее время Влад. Ив. Герье посвящалъ изученію и изложенію предметов, которые можно объединить одною темою: какъ и какими лицами построился европейскій идеализмъ. Идеализмъ и сердечный (св. Францискъ), идеализмъ и умственный (бл. Августинъ, Гердеръ и Гегель), идеализмъ и дѣловой (римское папство въ золотой его вѣкъ; французское политическое строительство). Въ томъ въ высшей степени важны.

Герье въ значительной степени самъ и въ своей личности объединяетъ и подводитъ итогъ одной золотой страницѣ русской исторіи XIX вѣка,—являясь каюдръ всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ. Послѣ Грановскаго, Кудрявцева и Ешевскаго, онъ является какимъ-то зрѣлым и естественнымъ «заключеніемъ»... Ихъ молодое волшебство слова и рѣчи было слишкомъ афористично и кратко; они не дали обширныхъ трудовъ, примыкающихъ къ главнымъ темамъ всемірнаго идеализма, всемірной старательности, всемірнаго идеального строительства. Герье построилъ какъ бы «общее руководство» къ этимъ разрозненнымъ афоризмамъ,—какъ бы соединивъ базами и рвами отдѣльные бастионы, давъ одну цѣльную «рѣчь». Такими частями его исторической триады: «Блаж. Августинъ», «Западное монашество и папство», «Расцвѣтъ папской теократіи» (печатается),—объединенныя однимъ общимъ заглавіемъ: «Зодіе и подпиратели Божьяго Царства». Такова только что появившаяся книга—«Философія исторіи отъ Августина до Гегеля» (Москва, 1915 г.). Такова его обширная и превосходная работа—«Французская революція въ освѣщеніи Тана» (1911 г.). Послѣдняя имѣла, кажется, большое вліяніе на пониженіе того болѣзненнаго, патологическаго жара, съ какимъ русская учащаяся молодежь относилась къ кумиру новой исторіи. Сдѣланная адвокатами, риториками и голодными, эта революція болѣе разрушила, чѣмъ создала,—болѣе «порвала кружева», чѣмъ сколько ихъ соткала... Лично отъ Влад. Ив. Герье приходилось слышать, какъ много пришлось ему перенести упрековъ за критическое отношеніе къ революціи отъ старшихъ своихъ сверстниковъ и товарищей по каюдрѣ, Чичерина и С. М. Соловьева (въ именахъ могу ошибиться), питавшихъ культъ этого «просвѣтительнаго переворота». Добрая и непреходящая сторона Герье, что онъ искалъ Вѣчнаго Свѣта, а не просто Свѣта. Онъ всегда хотѣлъ прочнаго и успокаивающаго въ исторіи, а не возбуждающаго и чего-то мелькающаго. Сказать ли догадку напу,—что «бѣдные Москвиты», на которыхъ онъ положилъ столько сердца

и ежедневной суровой работы, внушили ему безмолвными взглядами и мольбы и благодарности эту мысль,—что «строить вѣчно тотъ», кто строитъ покой и утѣшеніе человечеству, а не раздражаетъ его и не волнуется эффектами, зрѣлищами, восторгами и разочарованіями.

В. Розановъ.

Благодарность.

Изъ Эдм. Де-Амингиса.

Смертельно раненый, травой прикрытый, лежалъ солдатъ, одинъ за нѣтъ бранной; Цвѣтами были вокругъ поля убранны, Ихъ цвѣтъ былъ бѣлый, какъ его ланиты.

Онъ повернулся, кровью весь залитый, Своей почти не замѣчая раны, И взоръ его, блуждающій и страшный, Вдругъ озарился радостью забытой.

Приникъ съ участіемъ засквозь къ нему я, Но были сомкнуты уста страдальца, Лишь взглядомъ мнѣ сказалъ онъ: «Умираю».

Ощупалъ землю онъ крутомъ сырую, Сорвалъ цвѣтокъ, съ трудомъ сжимая пальцы, И, бросивъ мнѣ, палъ, кровью потекая.

О. Г. Каратыгина.

Кончина Императора Александра I въ воспоминаніяхъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова.

Въ послѣдніе годы въ нашей исторической литературѣ кончина императора Александра I сдѣлалась предметомъ самаго обстоятельнаго изслѣдованія. Поклонники легенды о сибирскомъ старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ всѣмъ старались доказать, что Александръ I, вопреки исторіи, не умеръ въ Таганрогѣ въ 1825 году, а удалился отъ міра и въ лицѣ Федора Кузьмича дожилъ до 1864 года, предаваясь молитвѣ и аскетическимъ подвигамъ. Въ особенности горячо развилъ это фантастическое положеніе кн. В. В. Барятинскій въ своей книгѣ: «Царственный мистикъ», основывая свои доказательства главнымъ образомъ на мелкихъ противорѣчіяхъ въ показаніяхъ свидѣтелей кончины государя въ Таганрогѣ. Въ ряду этихъ показаній особенно важное значеніе имѣютъ показанія лейбъ-хирурга Дмитрія Климентьевича Тарасова, сопровождавшаго императора въ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и присутствовавшаго при его кончинѣ. Тарасовъ писалъ свои воспоминанія о своей службѣ при Александрѣ I уже въ старости, никакія постороннія истинныя соображенія не могли вліять на него. Но воспоминанія его послѣ его смерти были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1871—1872 гг. его сыномъ и съ тѣхъ поръ получили значеніе великаго историческаго матеріала для описанія послѣднихъ мѣсяцевъ жизни императора Александра, хотя, будучи затеряны въ старыхъ книжкахъ почтеннаго журнала, они почти недоступны теперь широкой публикѣ. Появленіе воспоминаній Д. К. Тарасова въ отдѣльномъ изданіи, безъ сомнѣнія, удо-

ветворить давнимъ желаніямъ любителей русской исторіи, въ особенности интересующихся уясненіемъ легендарныхъ слуховъ и «великихъ толковъ» объ обстоятельстве кончины Благословеннаго монарха. Нѣкоторыя неточности въ описаніи событій, вкрапившіяся въ воспоминанія Тарасова по его старости, отнюдь не измѣняютъ общаго фона нарисованной имъ картины боляки и кончины императора въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Въ виду существовавшихъ и существующихъ толковъ о подмѣнѣ тѣла императора, показанія Тарасова получаютъ еще большее значеніе, потому что онъ не только присутствовалъ при кончинѣ государя, но и сопровождалъ его набальзамированнымъ тѣломъ до самаго Петербурга, подвергая его медицинскому осмотру въ те же пути пять разъ. Поклонникамъ легенды о Федорѣ Кузьмичѣ достаточно шипнуть къ безыскусственно-бравдинъ разсказъ Тарасова объ этихъ печальныхъ событіяхъ, чтобы навсегда проститься съ увлекательной мыслью о возможности связывать личность таинственнаго сибирскаго старца съ именемъ императора Александра Павловича.

Д. К. Тарасовъ, какъ ближайшій помощникъ лейбъ-медика баронета Вилліе, состоялъ при особѣ государя уже съ 1819 года и успѣлъ приобрести его расположеніе и довѣріе до такой степени, что Вилліе почувствовалъ ревность и началъ устранять своего помощника отъ медицинской помощи государю, принимая ее всецѣло на себя. Къ сожалѣнію, такое отношеніе Вилліе къ Тарасову особенно проявилось именно во время путешествія Александра по Крымскому полуострову, когда у государя обнаружились признаки злокачественной крымской лихорадки. Государь скрывалъ отъ врачей свои страданія, отвергалъ предложенныя Вилліе лекарства, а Тарасовъ лишенъ былъ всякой возможности даже обмѣняться по этому поводу мнѣніями со своимъ начальникомъ. По возвращеніи Александра въ Таганрогъ 5 августа, болѣзнь его усилилась настолько, что Вилліе, не имѣвшій мужества настаивать передъ своимъ царственнымъ пациентомъ на необходимости правильнаго леченія, потерялъ голову, но и тогда призвалъ на консультацию не Тарасова, хорошо изучившаго натуру и привычки императора, а лейбъ-медика императрицы Штофрегена и доктора Рейнгольда. Тарасовъ былъ призванъ къ государю по собственному его желанію лишь 14 ноября, когда императоръ уже не могъ вставать съ постели.

«Въ девять часовъ вечера, — разсказываетъ Тарасовъ,—его величество потребовалъ меня къ себѣ. Надобно здѣсь замѣтить, что я во время болячки императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ частью отъ баронета Вилліе (не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ опочивальню государя), а частью отъ лейбъ-медика Штофрегена. Меня нашли у барона Дибича, бывшаго тогда не совсемъ здоровымъ. По докладѣ императору я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ болѣзненномъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, оставаясь при мнѣ. Якову Васильевичу (Вилліе) одному трудно, онъ устаетъ, и ему во временахъ нужно успокоиться. Посмотри мой пульсъ.

«При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться. Это печальное предчувствіе я секретно сообщилъ г. Рейнгольду, который видѣлъ его 12 ноября и вполне раздѣлил со мною такое предсказаніе.

Объ этомъ, вѣроятно, сообщено было императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ ко-

торая уже въ двѣнадцатомъ часу вечера вошла къ государю и, въ присутствіи Тарасова, предложила своему супругу принять св. Тайны.

На другой день, 15 ноября, императоръ Александръ исповѣдался и причастился еще въ полномъ сознаніи изъ рукъ таганрогскаго протоіерея Федотова и затѣмъ безпрекословно подчинился распоряженіямъ врачей. Но болѣзнь уже была запущена, средства, употребленныя врачами, уже не сказывали должнаго дѣйствія, угнетеніе мозговъ было очевидно, и государь рѣдко приходилъ въ сознаніе. Къ вечеру 18 ноября Александръ началъ очевидно слабѣть. Къ десяти часамъ вечера императрица пришла въ кабинетъ умирающаго и сѣла подѣ него на стулъ, постоянно своею лѣвою рукой держа его правую руку. Въ этомъ положеніи она оставалась, по разсказу Тарасова, ровно двѣнадцать часовъ, до самой кончины своего супруга. По временамъ она плакала. «Я всю ночь безотходно, позади императрицы,—говоритъ Тарасовъ,—стоялъ у ногъ государя... Дѣвъ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно... Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. Распятіе. Послѣдніе взоры его были столь умилятельными и выражали столь спокойное и нежное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣнномъ рыданіи, проливаемому были невыразимымъ благоговѣніемъ... Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая, великая душа его возлетѣла на небо...»

Въ тотъ же день, 19 ноября, по разсказу Тарасова, «въ десять часовъ вечера, у барона Дибича (анимавшаго должность начальника главнаго штаба), былъ чрезвычайный комитетъ, который составляли: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генераль-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ, духовникъ-протоіерей Алексѣй Федотовъ, лейбъ-медикъ Вилліе и я. Комитету этому предложено было составить государственный актъ о кончинѣ императора Александра I. Актъ этотъ немедленно былъ составленъ, я тутъ же переписалъ его набѣло, и всѣ члены, равно и я, его подписали. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, изображено: «Императоръ Александръ I, 19 ноября 1825 года, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ, въ городѣ Таганрогѣ, скончался отъ горячки съ воспаленіемъ мозга».

Тарасовъ принималъ ближайшее участіе и во вскрытіи тѣла императора Александра, причѣмъ составилъ и редакцію этого акта. Набальзамированіе тѣла было произведено настолько удачно, по отзыву Тарасова, что, по прибытіи его 8 марта 1826 года въ Царское Село «тѣло императора и форма его лица были совершенно сохранены».

Для сопровожденія гроба съ останками императора назначенъ былъ особый эскортъ подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, а для медицинскаго наблюденія избранъ былъ императрицей Елисаветой тотъ же Тарасовъ.

«— Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору,—сказала она ему,—и потому никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за охраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Порученіе это молодой докторъ исполнилъ самымъ тщательнымъ образомъ и провожалъ останки императора до Петербурга въ теченіи двухъ съ половиной мѣсяцевъ. За это время онъ, въ присутствіи другихъ лицъ, пять разъ совершалъ подробный осмотръ тѣла; при одномъ изъ этихъ осмотровъ, въ Новгородѣ, находився и «вѣрный другъ» императора Але-

* Императоръ Александръ I. Послѣдніе годы царствованія, болѣзнь, кончина и погребеніе. По личнымъ воспоминаніямъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. Съ иллюстраціями. Петроградъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина.—«Новое Время». 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Павшие смертью храбрых.

Подпоруч. К. А. Бутюгинъ.
Нагр. орденомъ св. Георгія 4 ст.

Ротмистръ Л. А. Панаевъ.
Наград. Георгіевскимъ оружіемъ.

Полковн. Д. К. Захаровъ.

Шт.-кап. В. А. Устиновичъ.

Корнетъ Вл. А. Воинляръ-Лярскій.
Умеръ отъ контузіи.

Под'есаулъ Е. А. Себриноль.

Поруч. В. В. Грамматчиковъ.

Поруч. Г. В. Мирченко.

Мичманъ Г. И. Ильтоновъ.

Мичманъ А. Н. Алеамбаровъ.

Подпоруч. Н. Н. Толстой.

Поруч. Б. В. Ещенко.

Подпоруч. В. В. Ещенко.

Прапорш. В. И. Мочаловъ.

Подпоруч. А. П. Корватскій.

Прапорш. Е. А. Ассъ.

Подпоруч. Г. И. Сафроновъ.

Прапорш. К. К. Алєнстевъ.

Подпоруч. Б. А. Полтарскій.

Прапорш. Н. Г. Срединскій.

Его Императорское Высочество Великий Князь **КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ**.
Род. 10 августа 1858 г., в Стрельне. † 2 июня 1915 г., в Павловскъ.
Съ фот. П. Жукова, в Петроградѣ

царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойнымъ. Въ 11¼ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ вѣдъ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перебралъ на рукахъ императора бѣлые перчатки (прежня нѣсколько измѣнили свой цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спусти нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполне выразить оную... «Должно было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, по его величеству не изъясилъ на то своего согласія, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія оного въ Таганрогѣ уксусно-древесной кислотой, которая, впрочемъ, ни мало не измѣнила чертъ лица».

Въ Петербургъ тѣло императора Александра привезено со всѣми подобающими почестями 11 марта—въ годовщину кончины его родителя, императора Павла Петровича.

Ген.-отъ-кавал. **Р. П. КАЛИТИНЪ**.
Награжденъ орденомъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени за то, что въ бытность начальникомъ отдѣльной казачьей бригады, 14 декабря 1914 года, получивъ приказаніе спѣшно двинуться къ гор. Ардагану на выручку другого отряда, окруженнаго значительно превосходящими силами Турокъ, объединилъ подъ своимъ командованиемъ отдѣльные отряды, противодѣйствовавшіе обходу турецкихъ войскъ со стороны Олы и Чорухского края, повелъ энергичное наступленіе на восточный Туркменъ гор. Ардаганъ и совмѣстными дѣйствіями съ отрядомъ генерала Истомина выдѣлъ его. Послѣ этого отъ форсированнымъ маршемъ двинулся на Олы и съ боемъ 30 декабря занялъ ихъ; дальнѣйшими своими дѣйствіями съ 1 по 13 января, оперируя на путяхъ сообщенія Турокъ и присужденъ неоднократно мѣнять путь отступленія разбитаго 10-го турецкаго корпуса, въ значительной мѣрѣ способствовалъ полному разгрому турецкой арміи.

Сестра милосердія **Е. Е. АНИЧКОВА**. Работала въ бояхъ подъ Лодзью, за нихъ получила медаль на Георгіевской лентѣ. Попавъ въ плѣнъ, недавно она освобождена изъ него.

ксандра, графъ Алексѣй Андреевичъ Аралчевъ. Наконецъ, по прибытіи тѣла въ Царское Село, съ нимъ прощались члены императорской фамиліи.

«10 марта, — рассказываетъ Тарасовъ, — отъ князя Голицына получилъ я приказаніе поспѣшно явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

«— Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

«Я отвѣтилъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ».

«Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловъ-Денисовѣ, со всею акуратностью открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобы императорская фамилія могла вся, кромѣ

Старшая сестра милосердія 16 передового отряда **В. Д. ШЕДОВА**. Ранена и контужена.

Шт.-кап. **ГОЛУШЕНКО**. За отличие въ бояхъ произведенъ въ капитаны и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

воспроизведеніе текста ихъ, напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» 1871—1872 гг., и снабжено необходимыми примѣчаніями и нѣкоторыми иллюстраціями; изъ послѣднихъ обращаетъ на себя вниманіе рисунокъ очевидца, изображающій императора Александра на смертномъ одрѣ. Въ особомъ «предисловіи» къ «Воспоминаніямъ» дана критическая оцѣнка ихъ, какъ историческаго матеріала. Нельзя не пожелать этому интересному изданію широкаго

Таковы, въ главнѣйшихъ чертахъ, показанія ближайшаго очевидца болѣзни, кончины и погребенія императора Александра Павловича. Показанія эти тѣмъ болѣе драгоценны для потомства, что они не предназначались составителемъ ихъ для печати и вслѣдствіе этого не могутъ быть заподозрены въ неискренности. Нельзя не прибавить при этомъ, что Д. К. Тарасовъ, по влѣнію своего недоброжелателя, баронета Вилліе, послѣ кончины Александра, удаленъ былъ отъ двора съ назначеніемъ на должность главнаго врача въ военномъ госпиталѣ и нѣтъ не былъ вознагражденъ за службу свою при императорѣ вслѣдствіе отзыва Вилліе, что онъ и безъ того награжденъ былъ достаточно: лишь въ 1829 году Тарасовъ почтенъ былъ званіемъ лейбъ-хирурга «за службу при императорѣ Александрѣ I», да и этимъ онъ обязанъ былъ представителю Дибича.

Настоящее изданіе воспоминаній Тарасова представляютъ собою точное

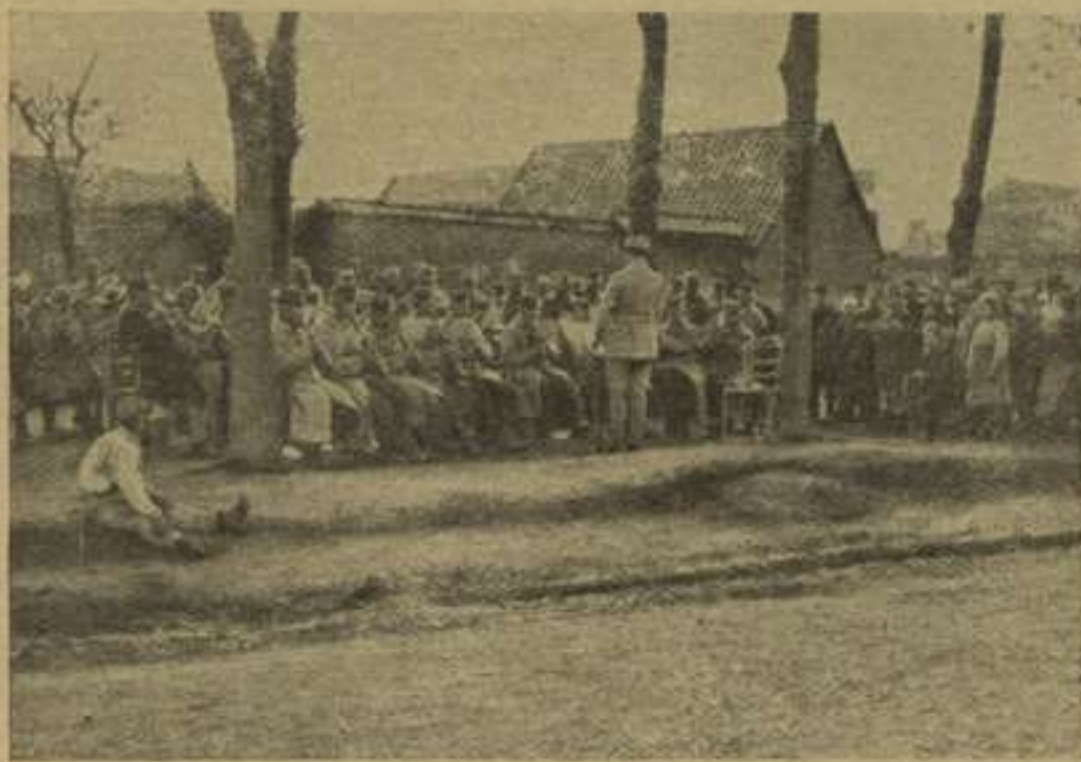

Группа русскихъ плѣнныхъ, отправленныхъ на работы на занятую нѣмцами войсками французскую территорию. Отсюда имъ удалось убѣжать къ французскимъ войскамъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ **Е. М. КОЗАНОВИЧЪ**, дважды р. немой. Награжденъ орд. св. Георгія 4 ст.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Концертъ въ деревнѣ въ честь выступления Италіи.

НА ФРОНТѢ СОЮЗНИКОВЪ.

Бельгійскіе пулеметчики, защищенные респираторами противъ ядовитыхъ газовъ, употребленныхъ Нѣмцами.

НА ВОЙНѢ.

Салерный батальонъ на бивуакѣ.

Санитарный отрядъ.

распространенія между любителями историческаго знанія. Вѣнкомъ автора, Д. А. Тарасовымъ, онъ посвящено великому князю Николаю Михайловичу, столь существенно содѣйствовавшему своими трудами выясненію личности и исторіи императора Александра I.

Е. Шумиловскій.

Злая „душа“.

Изъ неприятныхъ воспоминаній.

Какъ-то никого не было дома, а я усердно зубрилъ «Политическую экономію». Меня окликнула горничная и сообщила:

— Пришла милосердная сестра Ткаченко.

Сестра Ткаченко посѣщала насъ часто. Она была воспитанницей покойной бабушки и знала маму еще въ молодости...

Признаться, я не долубливаю эту сестру Ткаченко: противная она казалась, похожа на монашенку, кажется, ханжа, а главное—лицо у нея сѣраго цвѣта, какіе-то запыленные глазки, блѣдныя губы, бантъюкомъ и медоточивый голосъ. Не знаю, чудится мнѣ только, или это правда, но, по-моему, отъ ея платья, нухлыхъ блѣлыхъ рукъ съ ямочками пахнетъ, крокъ карболки и йодоформа, какой-то неуловимой затхлостью...

Я, конечно, выругался, такъ какъ къ австрійскому экзамену успѣлъ пройти только шесть билетовъ.

«И чего шляется?.. Мѣшаетъ только!..»
Но, вспомнивъ, что мама будетъ недовольна, если я приму г-жу Ткаченко не-любезно,—подавилъ досаду и вышелъ въ гостиную.

Сестра сѣдла въ креслѣ, чинно сложила ручки на животикъ, и улыбалась.

— Здравствуйте, Коленка!

— Здравствуйте.

— Что это вы похудѣли, милый?.. За-нимаются?..

— Запимаюсь... завтра экзаменъ...

— Ахъ, такъ я помѣшала?.. Идите учи-теся, а я посижу, подожду мамашу...

«Знаемъ мы, какъ ты подождешь ма-ману!»

Въ душѣ проклинала гостью, и изобра-зила на лицѣ необычайную любезность и началъ увѣрять, что нѣсколько она не по-мѣшала, что я уже все выучилъ, и съ удо-вольствіемъ побесѣдую съ ней...

— Ну, какъ у васъ въ больницѣ?

— Да какъ?.. Трудимся, лечимъ стра-ждущихъ... утѣшаемъ тоскующихъ... Не-веселая вещь, да что-жъ дѣлать... Зато Господь видитъ!

— Да, да... жизнь ваша—подвигъ...

Молчаніе. Я придумываю, что бы ска-зала еще, но напрасно. Въ головѣ насто-ящая окрошка изъ Римскаго права, которое

держалъ вчера, изъ «Политической эконо-міи», которую только что зубрилъ, и ни-чего не могу придумать...

А собесѣдница потираетъ ручки. Она спокойна, и точно наслаждается моимъ смущеніемъ... Тфу, подлость!..

— Знаете, я сегодня очень скверно спала. Голова болитъ...

— Почему бы это? Ужъ не сонъ ли ка-кой видѣли, Коленка?

— Да, сонъ...

— Страшный?

— Очень.

— Да, бываетъ это... Говорятъ демоны бѣснуются... А надо перекрестить подушку, да кругомъ, кругомъ все закрестить.

— Гм...

— Вы вотъ, Коленка, улыбаетесь, а я, какъ вы знаете, человекъ религіозный, и Господь Богъ меня за это однажды отъ дѣйствительнаго демона спасъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ такъ ужъ было!

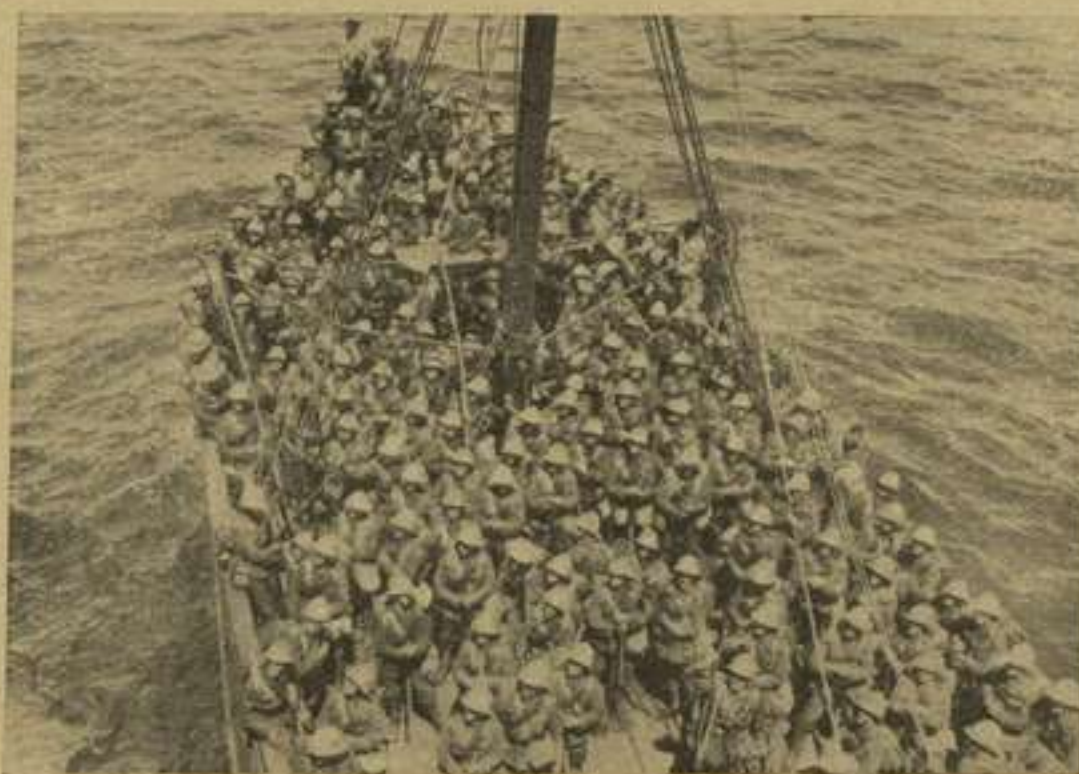
— Расскажите.

— Да видѣ странно. Спать опять не будете!

— Нѣтъ, ничего... Я все равно забуду къ вечеру.

— Да, было! Давно это было,—лѣтъ.

къ войнѣ съ турціей.

Англійскій транспортъ «НИЛЬ» съ десантомъ въ Дарданеллахъ.

примерно, восемь назад. Служила я тогда отъ общины на частной практикѣ въ женской лечебницѣ. Лечебница богатая. Доктора одинъ,—изъ Полянокъ, кажется,—открылъ... Хорошая лечебница! Да, такъ вотъ было это самое въ октябрь. Привезли къ намъ старушку одну. Боль у нея въ желудкѣ была; рѣшили, что ракъ, и надо операцию дѣлать. А, надо вамъ сказать, старушку-то привезли не въ мое дежурство. Только прихожу это я къ девяти часамъ, а сестра Бюкова, Анна Петровна, покойница (въ прошломъ году умерла въ Болгаріи, отъ тифа), и говоритъ: «Ну,—говоритъ,—Сонечка, пойдите въ 10-й номеръ, тамъ,—говоритъ,—такого чорта привезли (тфу, тфу,—извините, Коленька),—глядѣть, милая, странно». — «Ну, что вы,—говорю,—Анюта, развѣ можно такъ про больную? Грѣхъ,—говорю,—Богъ накажетъ...» — «Ну,—говоритъ,—увидите сами»,—и ушла...

И, конечно, сдѣлала больнымъ, что надо, и захожу въ десятую палату... Гляжу, лежитъ старушка,—такъ себѣ, сухонькая, худенькая, а глазки черные, черные, страшные, страшные, да громадные, такъ это поблескиваютъ, такъ и пронизываютъ.

— Здравствуйте, больная!—говорю.

Молчитъ и все смотритъ. Думаю, не слышитъ...

— Здравствуйте, больная!—говорю еще разъ.

Опять молчитъ, а глаза такъ и горятъ, такъ и сверкаютъ, какъ уголья. Страшно мнѣ тутъ чего-то стало...

— Какъ,—говорю,—ваше здоровье?—да громко такъ.

А она вдругъ тихо-тихо,—ну, ей-Богу, правда,—шепчетъ:

— Здравствуй, стерва, толстая, здравствуй, анагема, здравствуй... давно я тебя, чертиху, поджидала...

Я не дослушала—убѣжала... Ну, конечно, докладываю врачу. А онъ мнѣ:

— Ахъ,—говоритъ,—сестра, не обращайтесь вниманія. Когда человѣкъ страдаетъ, онъ всегда раздражителенъ. Она больная лежитъ, а вы такая,—госорать,—здоровая красавица (это они, конечно, похвастали, но я, дѣйствительно, тогда была моложе, свѣжее)... Меня,—говоритъ,—тоже сегодня одинъ больной въ общинѣ по-лицеомъ назвалъ. А это, Коленька, дѣйствительно сущая правда... бываетъ это, такая ужъ служба наша...

Ну, я пошла снова, такъ часу въ двѣнадцать. Отворила дверь—и глазамъ своимъ не вѣрю. Сидитъ старуха на полу и рычить, а руками за живость держится. Вскрикнула я тутъ... Сбѣжались, уложили мы ее въ постель, а когда ухотили, она насъ опять выругала... «Ахъ, такія-сякія,—говоритъ,—и помощи отъ васъ нѣтъ, отъ мерзавокъ!»

А ночью она, старуха-то, умерла, около двухъ часовъ. Ну, вскрывали ее по просьбѣ наследниковъ (тамъ, знаете, какой-то споръ изъ-за завѣщанія вышелъ... старуха-то, знаете, богатая, изъ купчихъ)... Нашли—ракъ въ печени. Тѣмъ дѣло и кончилось...

— Ну-у, — разочарованно протануль я.—Что-жъ тутъ страшнаго? Просто старуха ваша очень страдала, а поэтому и грудила всѣмъ, больше ничего!...

— Да вы постойте, Коленька,—вѣдь это только начало, а вотъ что дальше будетъ,—обидѣлась сестра.

— Хорошо-съ...

Она оправила косынку и продолжала:

— Такъ, вотъ, Коленька, ровно черезъ мѣсяцъ, 28-го ноября, случился у насъ прѣстрашный случай... Въ той самой палатѣ десятой, гдѣ эта самая старуха умерла, лежала одна генеральша тяжело-больная... Вынули ей только что почку: туберкулезъ, говорятъ, былъ... Ну, дама, знаете, слабая, нервная, долго-ли до грѣха?—умреть тихонько, и не услышать... Поэтому докторъ приказали дежурить у моего

Славазюкина, Клавдія Васильевна, очень и все прочее». А Клавдію-то все свое: «съ удовольствіемъ!» Ну, хорошо! Заявила

заявляя, очень опытная, можно сказать, «Умереть, да умереть». Даже докторъ осер-

чала: «Мнѣ все равно, кто сидитъ, лишь-бы сидѣлъ. А съ зубами, понятно, шутить нельзя»...

Пока обдѣлась, да пока дошла, да пока дозволилась, да попросила принять, да пока врачъ этотъ возился съ зубами, да назадъ дошла,—ну, вѣрно, такъ часъ съ небольшимъ прошелъ.

Возвращаюсь,—глядь: лѣстница освѣщена, приемная тоже.

— Что за притча?—думаю,—ужъ не экстренную ли больную привезли. Отворяетъ мнѣ швейцаръ Федоръ, да какой-то, смотрю, растерянный, ошалѣлый, и вдругъ брякнулъ:

— Сестрица спончалась!

— Какая сестрица?—спрашиваю, а у самой сердце такъ и упало.

— Новенькая,—говоритъ,—эта запасная чухонька.

А тутъ и сидѣлки прибѣжали, и служителя, и фельдшеръ. Разсказываютъ: въ два часа,—вдругъ звонокъ изъ десятой палаты. Сидѣлка дежурная знаетъ, что тамъ сестра сидитъ. Значитъ, думаетъ, такъ себѣ, случайно кнопку придавили, и не пошла. Агъ опять звонокъ, да такой долгій, долгій. Пришла, а больная крикомъ кричитъ, дрожитъ сердечная, а сестра-то, чухонька, на лѣвой сторонѣ въ ногахъ у больной лежитъ. Сидѣлка думала, можетъ заснула, потрясла ее за плечо, а она по-ползла, поползла, да и рухнула съ постели на полъ, и лежитъ—не дышетъ. Ну, позвали доктора, унесли сестру, думали, обморокъ отъ усталости... Бываетъ это часто съ нами. Успокоили больную, а та и разсказываетъ:

— Спала я,—говоритъ,—крѣпко, и вдругъ будто проснулась. Смотрю,—и вижу, будто около постели моей бѣгаетъ старушонка,—такъ себѣ, сухонькая, худенькая, да маленькая, въ бѣломъ саванѣ или балахонѣ какомъ-то, въ чепчикѣ, а изъ-подъ чепчика глазки, какъ уголья, такъ и горятъ, такъ и сверкаютъ, и все ворочить себѣ мнѣ въ ноги на лѣвую сторону, а тамъ сидитъ уже какая-то женщина молодая,—полная такая, красивая, вотъ эта самая, какую унесли сейчасъ. (А надо вамъ, Коленька, замѣтить, что больная спала вѣдь, когда мы дежурствомъ съ этой Гильдой обмѣнялись).

— Бѣгала,—говоритъ,—бѣгала старушонка, и такъ забѣжигать, и этакъ,—да вдругъ какъ взизгнетъ, какъ кинется къ стѣнѣ. Я очнулась,—слышу, часы бьютъ два, и въ ногахъ на постели лежитъ эта самая женщина.

Правда, сестру эту вскрывали потомъ и нашли порокъ сердца, что ли, но ужъ мы-то все ни за что не хотѣли въ ту палату дежурить итти. Пакъ и устроили изъ нея бѣлѣвую кладовую.

— Какъ же вы объясните этотъ случай?—спросилъ я.

— Да какъ,—очень просто! Злая душа была старуха эта. Ну вотъ, и являлась на свое мѣсто въ часъ смерти. Вѣдь безъ покаянія умерла...

Не знаю, насколько правдивъ былъ рассказъ сестры Ткаченко, но только я очень долго думалъ о немъ, думалъ весь вечеръ, сидя надъ учебникомъ...

Ночью мнѣ приснилась старушонка.—«такъ себѣ сухонькая, худенькая». Она душила меня толстымъ томомъ «Corpus Juris Civilis» и все приговаривала:

— Много васъ, поганцевъ, лодырей развелось!

Я въ ужасѣ проснулся, пошелъ на экзаменъ и векорѣ профессоръ возвратилъ мнѣ зачетную книжку, сказавъ со вздохомъ, вѣско и развѣльно:

— Мнѣ стыдно за васъ, господинъ студентъ! Вы ничего не знаете. Надѣюсь, что на слѣдующей сессіи вы разскажете мнѣ больше... А пока,—не-у-до-вѣ-дѣ-тель-но!

Я же подумалъ:

— Ахъ злая душа!—и печально побрѣлъ домой...

Василій Аванасъевъ.

Большой Князь КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ въ роли «Иосифа / римавейскаго», въ пьесѣ покойнаго Есл. Кн. «Царь Иудейскій», шедшей въ Эрмитажномъ театрѣ. Снималъ фот.-худ. П. И. Волковъ.

первая въ нашей общинѣ. Вотъ, значитъ, чали: «Стыдно вамъ—говоритъ—при вашемъ возрастѣ, камнемъ-то глубокимъ снамъ сидитъ это она,—ну и, понятно, дремлетъ; часъ поздній, больная заснула... И вѣрнѣе... Очевъ даже стыдно». Ну, Клавдія, что больная спала вѣдь, когда мы дежурствомъ съ этой Гильдой обмѣнялись).

— Бѣгала,—говоритъ,—бѣгала старушонка, и такъ забѣжигать, и этакъ,—да вдругъ какъ взизгнетъ, какъ кинется къ стѣнѣ. Я очнулась,—слышу, часы бьютъ два, и въ ногахъ на постели лежитъ эта самая женщина.

Правда, сестру эту вскрывали потомъ и нашли порокъ сердца, что ли, но ужъ мы-то все ни за что не хотѣли въ ту палату дежурить итти. Пакъ и устроили изъ нея бѣлѣвую кладовую.

— Какъ же вы объясните этотъ случай?—спросилъ я.

— Да какъ,—очень просто! Злая душа была старуха эта. Ну вотъ, и являлась на свое мѣсто въ часъ смерти. Вѣдь безъ покаянія умерла...

Не знаю, насколько правдивъ былъ рассказъ сестры Ткаченко, но только я очень долго думалъ о немъ, думалъ весь вечеръ, сидя надъ учебникомъ...

Ночью мнѣ приснилась старушонка.—«такъ себѣ сухонькая, худенькая». Она душила меня толстымъ томомъ «Corpus Juris Civilis» и все приговаривала:

— Много васъ, поганцевъ, лодырей развелось!

Я въ ужасѣ проснулся, пошелъ на экзаменъ и векорѣ профессоръ возвратилъ мнѣ зачетную книжку, сказавъ со вздохомъ, вѣско и развѣльно:

— Мнѣ стыдно за васъ, господинъ студентъ! Вы ничего не знаете. Надѣюсь, что на слѣдующей сессіи вы разскажете мнѣ больше... А пока,—не-у-до-вѣ-дѣ-тель-но!

Я же подумалъ:

— Ахъ злая душа!—и печально побрѣлъ домой...

Сестра дѣлаетъ торжественную паузу и медленно произноситъ:

— Вѣдь такъ и вышло: умерла больная въ 9 утра послѣ перевязки!.. Хорошо-съ... А 28-го декабря выдалось мое ночное дежурство... И такъ на грѣхъ неудачно вышло, что надо было мнѣ въ той самой десятой назвѣт сидѣть... Молодая одна дама тамъ лежала, перитонитъ у нея былъ, кажется, или еще что-то,—ужъ хорошо теперь не помню... И жутко мнѣ, а сиди, что-жъ подблещь!.. Только этакъ въ двѣнадцать приблизительно часовъ начинаеть у меня, понимаете-ли, зубъ болѣть... Дѣ вѣдь какъ болѣтъ!.. Ночью, ночью,—мѣста не нахожу, и чѣмъ дальше,—тѣмъ все сильнѣе... Выкинула я еще часокъ, примѣрно, позвала сидѣлку... Позови,—говорю,—запасную сестру дежурную... Пришла запасная. Молоденькая она была, всего второй мѣсяцъ въ общинѣ, изъ чухонекъ. Звали ее,—дай Богъ памяти!—кажется, Гильда, а вотъ фамилія не то Беркелийнень, или Режильинень,—както мудрено, словомъ... Ну, да невдалеко это не въ этомъ дѣло... Дѣвушка, можно сказать, кровь съ молокомъ, здоровая, румяная... Посидите,—говорю,—за меня, дупечка, пока я къ зубному доктору сбѣгаю, тутъ всего двѣ улицы. «Покажу,—говорю,—я съ удовольствіемъ!»

— Ахъ,—говоритъ,—милая, смерть за мной пришла... Ну, Клавдіюша, понятно, ей:

— Что вы,—говоритъ,—больная, успокойтесь, вредно вамъ въ положеніи такомъ волноваться. Богъ милостивъ, — говоритъ,—и не такая больная еще, какъ вы, выживають... Ну, понятно, дали ей морфію—ничего, успокоилась и разсказываетъ: «Ахъ,—говоритъ,—между это я и будто не сплю, и будто вѣжу—сидитъ у меня въ ногахъ по лѣвую руку какая-то старуха, маленькая такая, сухонькая, сморщенная, въ саванѣ бѣломъ и чепчикѣ, а изъ-подъ чепчика глаза черные-черные, страшные-страшные глядятъ, и танеть она меня за ногу къ себѣ». Понимаете: точка въ точку тотъ-же сонъ обѣ видѣли!..

Клавдіюша, конечно, и виду не показала, чѣмъ тутъ пахнетъ: опытная она была, да и приказъ намъ всѣмъ былъ строгій отдавать, чтобы больныхъ никакъ шептѣть не тревожили,—хоть пожаръ, хоть что угодно,—молчи и все тутъ! Ну, понятно, смолчала больная, а какъ смѣнилась съ дежурства,—пошла къ врачу, да и говоритъ: «Умереть наша больная». «По- кажу,—говоритъ,—я съ удовольствіемъ!»

Сидѣла тамъ сестрица въ порядкѣ—и температура, и пульсъ, да вѣдь все онъ на первыхъ-то порахъ

являя, очень опытная, можно сказать, «Умереть, да умереть». Даже докторъ осер-

чала: «Мнѣ все равно, кто сидитъ, лишь-бы сидѣлъ. А съ зубами, понятно, шутить нельзя»...

Пока обдѣлась, да пока дошла, да пока дозволилась, да попросила принять, да пока врачъ этотъ возился съ зубами, да назадъ дошла,—ну, вѣрно, такъ часъ съ небольшимъ прошелъ.

Возвращаюсь,—глядь: лѣстница освѣщена, приемная тоже.

— Что за притча?—думаю,—ужъ не экстренную ли больную привезли. Отворяетъ мнѣ швейцаръ Федоръ, да какой-то, смотрю, растерянный, ошалѣлый, и вдругъ брякнулъ:

— Сестрица спончалась!

— Какая сестрица?—спрашиваю, а у самой сердце такъ и упало.

— Новенькая,—говоритъ,—эта запасная чухонька.

А тутъ и сидѣлки прибѣжали, и служителя, и фельдшеръ. Разсказываютъ: въ два часа,—вдругъ звонокъ изъ десятой палаты. Сидѣлка дежурная знаетъ, что тамъ сестра сидитъ. Значитъ, думаетъ, такъ себѣ, случайно кнопку придавили, и не пошла. Агъ опять звонокъ, да такой долгій, долгій. Пришла, а больная крикомъ кричитъ, дрожитъ сердечная, а сестра-то, чухонька, на лѣвой сторонѣ въ ногахъ у больной лежитъ. Сидѣлка думала, можетъ заснула, потрясла ее за плечо, а она по-ползла, поползла, да и рухнула съ постели на полъ, и лежитъ—не дышетъ. Ну, позвали доктора, унесли сестру, думали, обморокъ отъ усталости... Бываетъ это часто съ нами. Успокоили больную, а та и разсказываетъ:

— Спала я,—говоритъ,—крѣпко, и вдругъ будто проснулась. Смотрю,—и вижу, будто около постели моей бѣгаетъ старушонка,—такъ себѣ, сухонькая, худенькая, да маленькая, въ бѣломъ саванѣ или балахонѣ какомъ-то, въ чепчикѣ, а изъ-подъ чепчика глазки, какъ уголья, такъ и горятъ, такъ и сверкаютъ, и все ворочить себѣ мнѣ въ ноги на лѣвую сторону, а тамъ сидитъ уже какая-то женщина молодая,—полная такая, красивая, вотъ эта самая, какую унесли сейчасъ. (А надо вамъ, Коленька, замѣтить, что больная спала вѣдь, когда мы дежурствомъ съ этой Гильдой обмѣнялись).

— Бѣгала,—говоритъ,—бѣгала старушонка, и такъ забѣжигать, и этакъ,—да вдругъ какъ взизгнетъ, какъ кинется къ стѣнѣ. Я очнулась,—слышу, часы бьютъ два, и въ ногахъ на постели лежитъ эта самая женщина.

Правда, сестру эту вскрывали потомъ и нашли порокъ сердца, что ли, но ужъ мы-то все ни за что не хотѣли въ ту палату дежурить итти. Пакъ и устроили изъ нея бѣлѣвую кладовую.

— Какъ же вы объясните этотъ случай?—спросилъ я.

— Да какъ,—очень просто! Злая душа была старуха эта. Ну вотъ, и являлась на свое мѣсто въ часъ смерти. Вѣдь безъ покаянія умерла...

Не знаю, насколько правдивъ былъ рассказъ сестры Ткаченко, но только я очень долго думалъ о немъ, думалъ весь вечеръ, сидя надъ учебникомъ...

Ночью мнѣ приснилась старушонка.—«такъ себѣ сухонькая, худенькая». Она душила меня толстымъ томомъ «Corpus Juris Civilis» и все приговаривала:

— Много васъ, поганцевъ, лодырей развелось!

Я въ ужасѣ проснулся, пошелъ на экзаменъ и векорѣ профессоръ возвратилъ мнѣ зачетную книжку, сказавъ со вздохомъ, вѣско и развѣльно:

— Мнѣ стыдно за васъ, господинъ студентъ! Вы ничего не знаете. Надѣюсь, что на слѣдующей сессіи вы разскажете мнѣ больше... А пока,—не-у-до-вѣ-дѣ-тель-но!

Я же подумалъ:

— Ахъ злая душа!—и печально побрѣлъ домой...

Начальник Императорского Воспитательного Общества благородных девиц, светлейшая няня Елена Александровна ЛИБЕНЦЪ.
† 28 мая. См. № 14086 «Нов. Вр.».

Генерал ГУРО, новый командир французского экспедиционного корпуса в Дарданеллах.

новых способов создать себе карьеру. Эпоха была тревожная: во всей Европе начиналось смутное и тайное брожение социального характера. И вот в умь его блеснула блестящая идея — стать агентом-провокатором среди рабочих, посеять смуту, осведомляя в то же время правительство об успехах своей пропаганды, и дать возможность в избыточную минуту крутыми репрессиями пресечь движение в корябь.

Министр полиции одобрил его идею, и через несколько месяцев мы находим Штибера уже в качестве управляющего заводами Шеффель в Силезии.

Молодой, изощренный 29-летний адвокат быстро втирается в доверие семьи, кружит голову дочери старшего хозяина — Гедвиги Шеффель, завоевывает симпатии рабочих горячими речами об уничтожении наследственных привилегий, об обязательном труде для каждого гражданина... словом, проводит полностью программу самого утопического социализма.

В 1848 году под его влиянием на заводе вспыхивают беспорядки, являются войска, происходит усмирение, причем дело не обходится без многих жертв: старший сын Шеффеля приговорен к многолетнему тюремному заключению в крестовице, а Штиберь бьжит в Берлин, куда за ним слѣдует и Гедвига Шеффель, вполне поджавшая под его влияние. Семья Шеффель убивается слишком поздно, что пригрѣла змею на своей груди!

В Берлине Штиберь продолжает свою двойную игру — онъ выступает в качестве защитника всѣхъ лицъ, привлеченных по обвинению в беспорядках, добивается их полной откровенности, проникает вполне в организацию социального движения, забывает имена скомпрометированных лицъ и... верно докладывает все полиции.

Благодаря искусной политике ему удается создать себе ореол вождя социального движения, и когда 20 марта 1848 г. король Фридрих-Вильгельм рѣшается объѣхать верхомъ улицы мѣтежаго Берлина, Штиберь выступает героемъ дня, руководя уличнымъ шумомъ и искусно регулируя настроение толпы. Онъ же, съ краснымъ флагомъ в рукахъ, приближается къ королю и шепчетъ ему: «Не бойтесь ничего, ваше величество, а держите ихъ в рукахъ!»

Но наступилъ день, когда карты были открыты, и Штиберу пришлось бѣжать. Когда все утихло, король вспомнилъ его заслуги, призвалъ его в Берлинъ и назначилъ советникомъ полиции. Это была

серьезная ступень в карьерѣ будущего короля шпионовъ.

Однако честолюбие Штибера не могло ограничиться этими первыми успехами. Чтобы войти в доверие къ монарху, онъ организовалъ весьма тщательный надзоръ за всѣми принцами и особами двора. Эта мѣра дала ему возможность составлять весьма ликантные доклады, и король Фридрих-Вильгельмъ приобрѣлъ привычку принимать каждый вечеръ своего докладчика по тайной скандальной хроникѣ дворцовой жизни.

Эти доклады составлялись съ крайней точностью, иногда, в ущербъ этикету. Такъ, напримеръ, в одномъ мѣстѣ «Мемуаровъ», посвященномъ брату короля — принцу Адальберту, увлекавшемуся по временамъ виномъ, мы находимъ слѣдующія мало почтительныя строки:

«Его высочество легъ вчера в полночь, поужинавъ в 11 часовъ 20 минутъ весьма основательно и выпивъ порядочно коньяку. Сегодня в 10 часовъ 45 минутъ дежурный офицеръ былъ отправленъ за врачомъ профессоромъ Д., который прибылъ в 11 часовъ 15 минутъ. Консультация продолжалась 11 минутъ. По выхѣ изъ спальни его высочества профессоръ скалъ такъ напиваться изо дня в день!»...

Чтеніе подобныхъ докладовъ забавляло короля чрезвычайно, и престижъ Штибера росъ не по днямъ, а по часамъ.

Но Штиберу мало этого: в головѣ его созрѣлъ цѣлый планъ грандіозной сѣти шпионажа и интригъ. Подъ его давлениемъ король вынуждаетъ рейхстагъ воплотить Штиберу кредитъ в 100,000 рублей на организацию «системы, которая доставила бы государству блага своевременныхъ и полезныхъ осведомленій».

Съ этимъ кредитомъ в рукахъ Штиберь пышно развертываетъ свои способности шпиона. В самомъ непродолжительномъ времени онъ становится самымъ страшнымъ человекомъ в государствѣ: в его рукахъ всѣ тайны правительства и двора, предъ нимъ трепещутъ горожане, придворные, министры, сановники и принцы крови.

Король в восхищеніи отъ рапортовъ, которые ему доставляютъ «национальный шпионъ». В 1858 году Штиберь сталкивается съ графомъ Бисмаркомъ, и будущій «железный канцлеръ» сразу угадываетъ в немъ цѣннаго помощника.

Карьера Штибера направляется по нѣсколькимъ иному руслу.

Внутри страны спокойно, теперь на очереди вѣнныя враги, и на первомъ

Подъ сердцемъ его не носила И жизни в терзанияхъ и мукахъ ему по дала. Меня претворившейся страсти великая сила Въ крещенъ страданія изменемъ мать на- рекла. Отъ сердца, которое матери скорби узнало, Приемъ же, услыши молитву, о чистой Мать! Все горе, что в жизни ему бы на долю упало, Позволь на себя мѣть принять.

Вѣра Рудичъ.

Основателемъ регулярнаго и официальнаго шпионажа в Пруссіи явился нѣкій Штиберь, прославившійся на этомъ поприщѣ, создавшій цѣлую школу шпионства и достигшій высшихъ отличій и наградъ. Лучшее всего можно прослѣдить его карьеру по его собственнымъ «Мемуарамъ», гдѣ онъ съ цинической откровенностью выставляетъ самые низкіе поступки, какъ подвиги, достойные похвалы и подражанія.

В 1847 году Штиберь былъ назначенъ адвокатомъ при берлинскомъ окружномъ судѣ. Ничтожный заработокъ, терни на этомъ пути и непомерное тщеславіе и честолюбіе принудили его искать

Отецъ прусскихъ шпионовъ.

Германія несомнѣнно побилла всѣ рекорды в области шпионажа — это было достаточно доказано еще задолго до войны, но, къ сожалѣнію, союзныя державы не обратили должнаго вниманія на этотъ вопросъ и не приняли крутыхъ и энергичныхъ мѣръ для своевременнаго пресѣченія этого зла.

Въ сущности, психологія германскаго народа весьма любима въ этомъ направленіи. Не говорилъ ли самъ Фридрихъ II — великій человекъ в семь Готцоллерновъ:

«Если выгодно быть честными, — мы будемъ честными! Въ противномъ случаѣ мы съ такимъ же успехомъ можемъ прибѣгнуть къ обману, лжи и коварству. Главное во всемъ — цѣль!»..

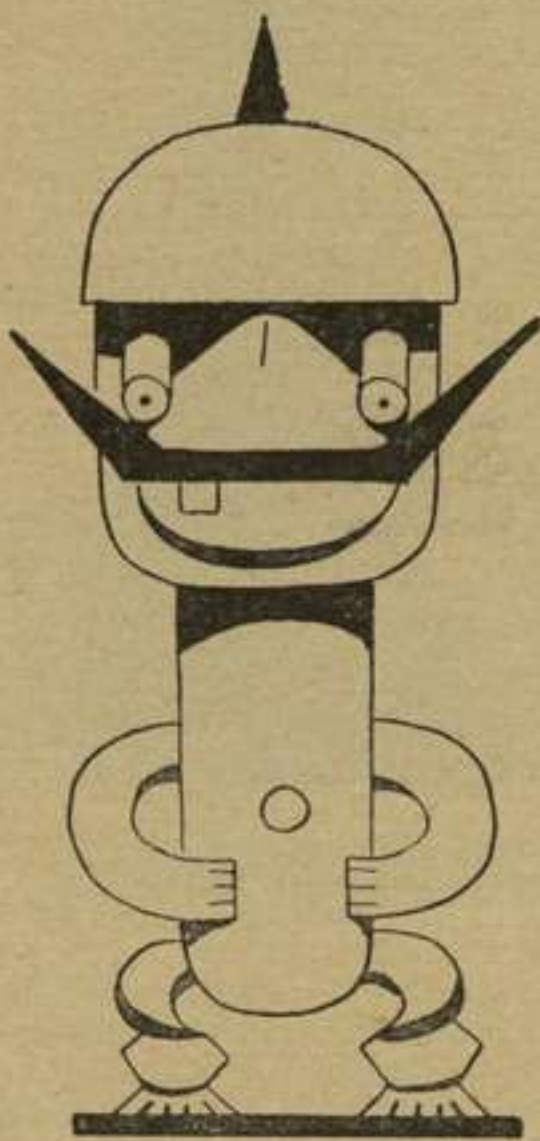
И это ученіе нашло послѣдователей в Пруссіи: шпионажъ разсматривается тамъ, какъ весьма выгодное и даже почетное занятіе. В 1882 году принцъ Саксен-Мейнингенскій хвастался тѣмъ, что состоитъ шпиономъ на службѣ у генеральнаго штаба!..

ВЪ ДЕРЕВНѢ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

НА СЕЛЬСКОМЪ СХОДѢ обсуждаютъ вопросы, связанные съ нуждами военного времени. Съ фот. Нат. Семпликовичъ.

О ВОЙНЕ В НАРИНАТУРЕ.

Повелитель диних, изображенный другим динаром. Скульптура одного из обитателей Конго, воспроизведенная журналом "Риск".

ствуюющего фотографа, завтра в качестве фокусника или корзинщика, продавая статуэтки или фивольных пьесок, — шагает он по странам в течение двух лет.

Здесь он вербует агентов, там отбывает интересные данья... Ни один шаг не сбавляя даром, ничто не может укрыться от зоркого ока шпиона.

Разразилась война, и вчерашний фокусник облекся в парашютную форму бывшего начальника полевой полиции. Эта кампания была триумфом Штабера. По общему мнению, никто не мог позарядить досады, что движение армий в неопределенной стране могло быть до такой степени облегчено при помощи одного человека.

На каждом привале все дома для помещения штабов и офицеров были заранее отмечены условными знаками, известными штабу, и весть крестьян-шпионов, искусно симулировавший ужас пред насилием, сообщал о месте, где можно было найти гренады и фуражки.

По окончании кампании Штабер удостоился почёта Бисмарка, провозглашенного его «королем шпионов», и даже сумрачный и скучный на слова Мольте замечал угрюмо: «Да это великолично, ей-Богу, это великолично!»

В вознаграждение за эти услуги Штабер получил звание директора высшей полиции государства, — титул, равносильный по значению и влиянию титулу министра...

В один прекрасный день Штабер высадился на территории Франции с большим чемоданчиком в руках, лично посетил всех 1800 шпионов, разбросанных уже до того по северу и востоку страны, реорганизовал их в Брисселе, Женеве и Париже, и вернулся на берега Шпрее с требованием доставить ему немедленно 5.000 садовников, огородников, каменщиков и плотников, до 9.000 жевачин, назначенных на места в кафе, трактиры, прилуги в семьи и т. д., 50 крамеек Нёмок для службы в гарнизонных трактирах и 200 образованных дьячков на места коньячных или гувернанток. Вся эта армия, надлежавшая образом стилизованная, разбрелась по северу Франции и осела в Париже к осени 1867 г.

В эту эпоху сотни ложных прусских дезертиров занялись на работы по укреплению Меца в качестве каменщиков и цылая туча акварелистов, фотографов и художников бродила по долинам Вогезов под видом туристов.

Весною 1870 года Штабер объявил правительству, что кампания вполне подготовлена, и, действительно, с первых же дней её французская армия оказалась замкнутой в тесную сеть предательства, интриги и измены.

Не было шага, который не стал бы немедленно известен врагу, любая отчаянно-героическая попытка парализовалась в корит дьявольской осведомленности неприятеля. Шпионов находил повсюду: среди сестер милосердия международного Красного Креста, докторов, санитаров, рабочих на фермах и т. д. Эти шпионы носили на шею небольшие медальоны с условными буквами — для распознавания «своих».

Штабер продолжал всю кампанию при генеральном штабе германской армии и

Футуристическая парикатурка на Еллы еллы II. Английский журнал приписывает ее чибазиле-шпиону русскому футуристу Артиненко.

после занятия Версаля, немедленно выписал сюда всех своих шпионов, составивших «толпу» для приветствования короля на улицах бывшей резиденции «Борола Солнца».

После этого похода Штабер получил ленту Красного Ора и достиг высших ступеней почестей и влияния.

В 1892 году Штабер умер.

Редактор Б. А. Суворинъ. Издание Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

планш стоит Австрия, которую нужно сломить, и подчинить Габсбургам железной рукой Гогенцоллернов. Штабер отправляется в Чехию со специальной миссией — приготовить все для германской армии в момент объявления войны.

Он бродит по всей стране от Дрездена до Праги и далее до Садзы — заранье обозначенного места для решающего сражения. Сегодня под видом стран-

Продолжение карьеры Штабера мы находим в труд П. Лануара: «Знаменитые шпионы».

Окрыленный первым успехом на поприще международного шпионажа, Штабер с вдохновением выработывает план раскинуть сеть шпионажа во Франции. Для этого он запрашивает 300.000 рублей кредита и полную свободу действий.

Значные, модные нолье, нулоны, но ьца, медальоны, браслеты, броши, запонки, булочки, и. т. п. у фирмы „Драгоценные камни“ К. А. НАСОНОВОЙ в Енаторинбургъ, сущ. съ 1892 г.

МОЙ ИДЕАЛЪ МЫЛО, ПУДРА КАЗИМИ. ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЪ. КАЗИМИ НЕПАРОВОДНОГО РОМОНДЕЛ.

Музыкальные инструменты: виолончель, скрипка, гитара, контрабас, труба, саксофон, флейта, кларнет, рожок, барабан, перкуссия, фортепиано, орган, мандолина, гитара, скрипка, виолончель, контрабас, труба, саксофон, флейта, кларнет, рожок, барабан, перкуссия, фортепиано, орган, мандолина.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ СБОРНИКЪ НАССЫ ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТ. РИЖСКАГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА. ВЪ ТЫЛУ Литературно-художественный Альманахъ. Цена 2 руб. В 6 частей доплач въ пользу раненныхъ воиновъ и недостаточныхъ студентовъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время» Петроградъ, Невскій, 40. Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ продаются новыя книги ДЛЯ ЮНОШЕСТВА: ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО. Очерки и рассказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ. Н. Наринцева. Съ иллюстрациями. (Св. Женевельва, Кедмонъ и Беда, епископъ Амвросій, Томасъ Моръ, Стеколяръ Паллиенъ, Даманъ де-Вестеръ, Дж. Говардъ, Дж. Чосеръ, Робертъ Борнсъ, Чарльзъ Диккенсъ, Пьеръ де Шаванль и др.) Петрогр. 1915 г. Цѣна 2 р. 25 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ ШВЕДСКАГО НАРОДА въ обработкѣ для дѣтей Н. Наринцева. Съ рисунками художниковъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. переплетѣ 2 р. 50 к. ДВА ДРУГА. Изъ жизни въ лѣсахъ Африки. Повесть для дѣтей и юношества. Н. Наринцева. Съ рисунками художника С. Платонова. Петроградъ 1915 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. переплетѣ 2 р. 25 к. ВЪ ЛѢСНЫХЪ ДЕБРЯХЪ. Рассказы Ч. Робертса. Переводъ съ англійскаго Володина. Съ рисунками С. Платонова. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ коленк. перепл. 2 руб. ДИКОВИНКИ ЗЕМЛИ. Популярныя очерки пазъ жизни нашей планеты П. Е. Васильковскаго. Съ 88 рисунками въ текстѣ. Петрогр. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ коленк. перепл. 2 р. 50 к. ЧУДЕСА ПОДВОДНАГО ЦАРСТВА. Популярныя очерки пазъ жизни обитателей моря П. Е. Васильковскаго. Съ раскрытымъ таблицемъ и 106 рисунками. Петрогр. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ коленк. перепл. 2 р. 25 к. Исполняются заказы на всѣ книги: научныя, учебныя, для дѣтскаго чтенія, для легкаго чтенія, справочныя и проч.

Вышло изъ свѣта 4-ое изданіе книги женщины врача М. М. БОЛОСОВОЙ „НАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ПОЛНОТЫ И ОЖИРѢНІЯ“ по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ. Цѣна 80 коп. Складъ изданій въ издани. магазинѣ „Новаго Времени“.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ. Электрич., безъ красокъ, 10 р. СКАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ П. Петроградъ, Морская, 88.

ОКРАСКА КОЖИ на мебели не снимая, совершенно стару, при-возу въ прежній видъ, всѣхъ дѣтвотъ. Луановъ, Гороховая, д. 32, кв. 44. Тел. 613-96

ГЕМОРРОЙ При геморроѣ, запорахъ слѣдуетъ, чтобы желудокъ не былъ переполненъ, принимайте Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ устраняетъ запоры, не раздражаетъ кишечника и производитъ послабление по своему дѣйстви близкое къ нормальному. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ выписано полностью. Запоры

Михаил Григорьевич ЧЕРНЯЕВЪ.
Къ пятидесятилѣтію взятія Ташкента.
(15 июня 1865—1915 г.г.).

Домъ въ Ташкентѣ, гдѣ жилъ М. Г. Черняевъ.

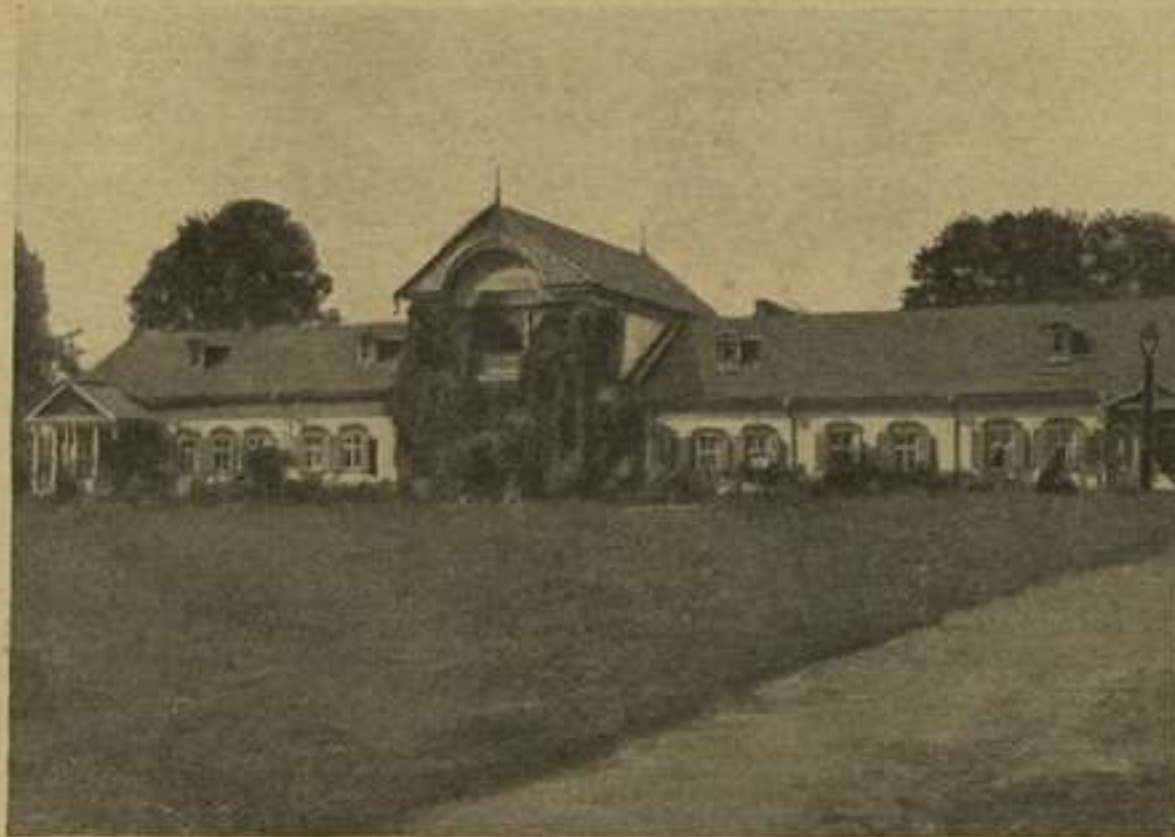
Каиновъ дымъ.

Двѣ жертвы Господу сожгли два брата—
Одинъ плоды, другой же кровь и плоть.
И жертва кроткаго была принята,
А жертву злобнаго отвергъ Господь.
Приникъ къ землѣ, какъ демонъ иску-
шенья,
Тяжелый срадный дымъ—и брата брать
убилъ...
Безъ счета шли вѣка, и жертву всеожженья
Духовной жертвою Спаситель замѣнилъ.
Но Каинъ все живетъ. Съ кровавою пе-
чатью,
На вѣчный страхъ и горе обреченъ,
Изгнанникъ, преданный небесному про-
клятью,
Онъ бродитъ внѣ людскихъ законовъ и
время.
И нынѣ тамъ, гдѣ смерть обильно жатву
коситъ,
Нечистою рукой, безуміемъ томимъ,
Онъ злобные дары свои опять приноситъ
И стелетъ по землѣ смертельный, срад-
ный дымъ!

Гемма.

На родинѣ Гончарова

1.
«Тихимъ шагомъ пробирается Райскій
въ рогожной кибиткѣ по соннымъ улицамъ
города къ своей усадьбѣ...»
Такъ, кажется, начинается та глава
«Обрыва», гдѣ великій романистъ подхо-
дитъ къ описанію своего родного Поволжья, съ деревянными показываются каменные.

Домъ въ селѣ Тубышкахъ, Могилевской губ., гдѣ жилъ и скончался М. Г. Черняевъ.

благословенной Малиновки, въ которой II стоять они просторно; видно, что мѣ-
повластно царить въ живописномъ ве- ста здѣсь много зсѣмъ, жить не торопится
ликобѣи стараго помѣщичьяго быта и не тѣснить...

Татьяна Марковна Березжова. Симбирскъ—родина Гончарова, колыбель
его лучшихъ творческихъ замысловъ, та
богатая сокровищница, въ которой почер-
нулъ онъ и не меркнувшую красоту своего
пейзажа и неотразимое очарованіе своихъ
лучшихъ художественныхъ образовъ.

Кипучая энергія, нервный типъ жизни
быстро сметаютъ слѣды старины, и, если
бы судьба выбрала родиной Гончарова ка-
кой-нибудь другой изъ городовъ Волги—
оживленный торговый узелъ,—едва ли бы
сохранился на пегъ отпечатокъ того прош-
лаго, которое писатель обезсмертилъ на
страницахъ «Обрыва».

Но Симбирскъ въ сторонѣ отъ бойкой
суеты. Это тихій, довольно благоустроенный
помѣщичій городъ съ «сонными улицами»,
которыя до сихъ поръ продолжаютъ бу-
квально утопать въ садахъ. Съ пристани
его не видно, онъ высоко на горѣ, больше
чѣмъ на 60 сажень подымается надъ Вол-
гой.

Послѣ долгаго подъема на гору по извѣ-
стнымъ дорогамъ въѣзжаешь на чистень-
кія улицы. Небольшіе деревянные домики
съ рѣзбой на воротахъ, на окнахъ, спря-
тавшіеся въ зелени, похожи на бесѣдки.
Грязнаго предмѣстья и въ поминѣ нѣтъ:
центру, дома дѣлаются больше и, рядомъ
съ деревянными показываются каменные.

Едва ли она очень измѣнилась съ тѣхъ
поръ, какъ молодой Гончаровъ пріѣхалъ
сюда послѣ окончанія университета, въ
особенности же съ того времени, когда въ
живописномъ затѣннѣ Биндаковки писалъ
онъ свой знаменитый романъ.

Кажется, что до нашихъ дней сохранилъ
городъ свою прекрасную фисіономію: дрем-
леть улицы въ кудрявыхъ кустахъ сире-
ни, которая бѣлыми и лиловыми гроздами
тяжело перевѣшивается черезъ красные
дощатые заборы, дремлютъ жители за ки-
сейными занавѣсками оконъ... Красиво и
уютно. Спокойствіе необыкновенное во
всемъ—и въ городѣ, и въ широко разли-
вшейся передъ нимъ Волгѣ, и въ людяхъ,
которыя идутъ по чистенькимъ тротуа-
рамъ...

— Къ намъ пріѣзжаютъ старики до-
живать свою старость,—шутя говорятъ
жители Симбирска.—Кто у насъ долго по-
живетъ, презыжнетъ, ни за что потомъ не
уѣдетъ, а если уѣдетъ—вернется. Такой
ужъ у насъ городъ—затягиваетъ!

Порядокъ, тишина, отсутствие торопли-
вости—вотъ тѣ черты, которыя бросаю-
тъ здѣсь въ глаза съ перваго же раза.

Порядокъ, тишина, отсутствие торопли-
вости—вотъ, что любилъ Гончаровъ. По-
мните, какъ онъ во время кругосвѣтнаго
плаванія на фрегатѣ «Паллада», увидѣвъ
морскую бурю, сказалъ:

— Какой безпорядокъ въ природѣ!
«Безпорядка» такого въ Симбирскѣ
нѣтъ. Въ ущербъ своему росту и эконо-
мическому процвѣтанію, должно быть по
волѣ самой судьбы, сохранилъ этотъ ти-
хий уголокъ Поволжья доное спокойствіе
мирнаго житія и какъ бы запечатлѣвъ въ
самомъ себѣ душу писателя, его вкусы и
привычки.

Потому ли, что велика сила воспомина-
ній, или дѣйствительно въ Симбирскѣ еще
вѣетъ гончаровскій духъ,—но когда идешь
по его улицамъ, особенно на окраинѣ, такъ
и кажется, что вотъ повиснетъ въ старин-
ной колымажѣ, съ сиринимъ на козлахъ
около кучера Егоркой, въ сбродѣ, не по
росту большой лиреѣ,—сама Татьяна
Марковна Березжова, совершающая свое
величественное турнѣ по городу, или вый-
детъ изъ-за угла вѣчно пьяный чиновникъ
Оценкинъ и будетъ бокалово оглядываться
по сторонамъ...

... А можетъ быть гдѣ-нибудь у забора,
пріоткрывъ калитку, стоитъ «рыжекудрая
Клеопатра»—Ульяна Андреевна—и ведетъ
любимую бесѣду съ м-г Шарлемъ,
учителемъ французскаго языка, въ то

время, как ея мужъ, Леонтій Козловъ, забывъ все на свѣтъ, погрузился въ Виргилія или Софокла.

Во великомъ случаѣ здѣсь ничто не мѣшаетъ этимъ воспоминаніямъ, и знакомые образы вереницей встаютъ въ головѣ, заслоняя дѣйствительность, унося далеко, далеко отъ сегодняшняго дня...

II.

На бывшей Большой Саратовской, теперь Гончаровской улицѣ, еще сохранился домъ, гдѣ родился писатель. Онъ перекрашенъ и перестроенъ: вмѣсто двухъ этажей—три, бѣлой штукатурки больше нѣтъ; на углу прибита черная мраморная доска съ барельефнымъ портретомъ романиста и обозначеніемъ даты его рожденія. Въ скоромъ времени откроется здѣсь и Гончаровскій музей.

Но къ этимъ реликвіямъ почему-то не тянетъ: музеи сохраняютъ вещи, а душа ихъ куда-то отлетаетъ. А здѣсь больше влечетъ къ себѣ живая память объ авторѣ и его произведеніи—тотъ знаменитый обрывъ, который идетъ отъ Киндяковки далеко по берегу рѣки.

Отъ города до Киндяковки по прямому разстоянію всего версты три, но гористая мѣстность и строящаяся теперь желѣзная дорога заставляютъ дѣлать большіе объѣзды, то спускаться, то подниматься по береговымъ кручамъ, и ѣзда на извозчикѣ туда беретъ больше часа времени.

Сначала ѣдешь по плоской горѣ—продолженію той, на которой стоитъ городъ. Волга видна отсюда версты на пятнадцать, далеко за большое село «Красный Яръ», которое расположено много правѣ Симбирска, на противоположномъ берегу, ближе къ Киндяковкѣ.

Не туда ли ѣздилъ Віра «за Волгу къ повадь»?..

Съ горы обрывистый спускъ, потомъ опять подъемъ, и открывается цѣлый дубовый лѣсъ,—это и есть Киндяковка. Имѣніе громадное, до семидесяти тысячъ десятинъ, и не видать ему конца края.

Дубовая роща спускается къ самой Волгѣ. На вершинѣ горы въѣздныя ворота, отъ нихъ дорога, направо и налево отъ дороги, отдѣленной столбиками отъ дубоваго лѣса, владѣнія Киндяковки, а дорога ведетъ къ селу того же названія. Усадьбы долго не видно. Пока ѣдешь по дорогѣ, она вся спрятана за паркомъ. Надо спуститься къ Волгѣ, потомъ подняться къ селу и уже оттуда, съ Деревенской улицы, открывается удивительной красоты видъ на двѣ громадныхъ горы: на одной городъ, на другой утопавшій въ сиреневыхъ заросляхъ старинный господскій домъ.

Въ крѣпостныя времена деревня была, говорятъ, очень невелика, дома стояли только на горѣ, и барскій садъ совершенно сливался и съ обрывомъ и съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ теперь нѣсколько крестьянскихъ избъ, а прежде стоялъ большой старинный каменный домъ—«старый домъ», въ которомъ поселилъ въ романѣ художникъ свою героиню и около котораго цѣлыми днями бродилъ влюбленный Райскій, ожидая, не поднимется ли лиловая занавѣска на окнѣ единственной обитаемой комнаты.

Здѣсь подстергала онъ ее, когда она возвращалась изъ обрыва, здѣсь, въ припадкѣ бышеной ревности, бросилъ онъ ей оскорбительный букетъ флеръ-д'оранжа...

За тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ старинный домъ, и начинается, какъ указываютъ жители Симбирска, «историческій обрывъ», хотя обрывъ, поросшій лѣсомъ и круто сбѣгающій къ рѣкѣ, идетъ отъ самаго въѣзда во владѣнія Киндяковки. На вершинѣ горы, передъ «историческимъ обрывомъ», поодаль отъ него,—красная бесѣдка, въ видѣ портика, изъ сѣраго камня, въ ней обелискъ съ бронзовымъ барельефнымъ портретомъ Гончарова, надписей нѣтъ. Этотъ памятникъ писателю воздвигнутъ года три назадъ владѣльницей Киндяковки. Поставленъ онъ отъ обрыва нѣсколько въ сторонѣ для того, чтобы ему

НЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ВЗЯТІЯ ТАШКЕНТА

Соборъ въ Ташкентѣ.

не грозило опусканіе береговъ. Бесѣдку эту далеко видно съ Волги.

Красиво выполненный памятникъ автору, и романъ, и мѣсто его дѣйствія. Бесѣдка и обрывъ—роковое въ романѣ и, вѣроятно, каждому, кто увидитъ ее, теперь поставленную такъ высоко, придуть на память эти слова: «—Боже, прости ей, что она обернулась!»

Кто любитъ и понимаетъ Гончарова, независимо отъ крайне пристрастной и несправедливой оцѣнки его творчества нашей публицистически настроенной критикой шестидесятихъ годовъ, которая не могла простить ему Марка Волохова, и потому смела почти на-лѣтъ огромное художественное значеніе романа; кто чувствуетъ единственную въ своемъ родѣ красоту гончаровскаго пера, тотъ многое пережи-

ваетъ въ тихомъ уголкѣ Поволжья—и въ «совномъ городѣ», и въ старой усадьбѣ. Каждая пядь земли расскажетъ ему цѣлую повѣсть, и невольно воскреснуть, можетъ быть, забытыя и заслоненныя иными впечатлѣніями страницы прекраснаго созданія нашей классической литературы...

У насъ почему-то вспоминаютъ писателей и пишутъ о нихъ только въ дни юбилеевъ, точно служить обязательная «литературныя панихиды», обрядъ совершаютъ во имя традиціи. Но можно ли гдѣ-нибудь въ актовомъ залѣ университета или въ громадной аудиторіи, переполненной публикой, слушая сухой академическій докладъ, неизбежно начинающійся словами: «Милостивые государи! въ сегодняшний знаменательный день, когда исполняется... и пр.», можно ли, спрашиваю я, при такой обстановкѣ почувствовать всю глубину и всю чарующую прелесть поэтическаго созданія, всю своеобразную красоту самого таланта, которая захватываютъ васъ, когда безъ всякаго вишняго повода, безъ всякихъ «дать» и «чествованій памяти», вы захотите соприкоснуться душой съ лучшими сокровищами нашего національнаго искусства?

Почему мы смотримъ картины великихъ мастеровъ, независимо отъ юбилеевъ, почему за границей мы не пропускаемъ ни одного музея, ни одной художественной галереи и считаемъ возможнымъ и писать, и говорить объ иностранныхъ художникахъ, когда намъ только этого захочется? А своихъ забываемъ!..

Отъ юбилея до юбилея не заглядываемъ мы въ наши заповѣдныя уголки, въ дорогія мѣста, и они гложутъ и разрушаются отъ одного пятидесятилѣтія до другого.

Что дѣлается въ Михайловскомъ, въ Тригорскомъ, въ Святыхъ Горахъ, гдѣ мѣстный земскій начальникъ въ баллюстрадѣ, окружающей надгробный памятникъ Пушкина и могилы его предковъ, хоронитъ своихъ родственницъ или знакомыхъ, гдѣ наполняютъ «домъ-музей» подбѣлкой потъ старинную мебель, а библіардъ Пушкина, разломанный, гниетъ въ сараѣ...

III.

«Мы лѣнны и пелобопытны»,—эти колкія жестокой правды слова поэта сбываются на всемъ, прежде всего на его собственной усадьбѣ. «Киндяковка» не заброшена. Она принадлежитъ—Англичанкѣ Е. М. Перси-Франкъ, племянницѣ нѣгнѣнаго англійскаго главнокомандующаго. И она на свои средства поставила памятникъ русскому писателю, она съ любовью бережетъ этотъ уголокъ потому, что тамъ жилъ нѣкоторое время Гончаровъ и тамъ обдумывалъ и составлялъ планъ своего произведенія. Въ памятные мѣста строго охраняются. Подходы къ обрыву окружены колючей проволокой, калитки закрыты на замокъ, но всемъ желающимъ выдаются бесплатныя билеты для осмотра Киндяковки и въ усадьбѣ есть специальный сторожъ, который провожаетъ всѣхъ посетителей, даетъ имъ объясненія очень вѣжливо и предупредительно. Когда сама владѣлица бываетъ въ усадьбѣ, она охотно знакомитъ съ гончаровскимъ уголкомъ, сообщаетъ семейныя преданія объ авторѣ «Обрыва».

Мнѣ не удалось увидѣть г-жу Перси-Франкъ,—она въ отъѣздѣ, куда-то временно отлучилась и управляющій, такъ что усадьбу показывалъ мнѣ кто-то изъ служащихъ и въ домъ пройти не пришлось.

—Безъ барышни намъ неудобно, да, кромѣ того, мы вамъ ничего и объяснить не сумѣемъ, если васъ что заинтересуетъ.

Усадьба поражаетъ образцовымъ благоустройствомъ. Хозяйственные постройки прочны, удобны, красивы; слуги для двора отличаются чисто англійскимъ комфортомъ и чистотой. Все предусмотрено, есть даже пожарный павильонъ съ вышкой. Въ конюшняхъ великолѣпные

Янъ ГУСЪ.

Нъ 500-лѣтію со дня его мученической кончины—23 июня 1415—1915 г.г.

Съ голландской гравюры начала XVIII столѣтія.

(См. статью на 196 стр.)

экземпляры англо-арабской породы лошадей, у нас существующих в России, кажется, только в двух местах. Сама хозяйка развела ее на своих заводах, она и наездница, и спортсменка, и агроном; в имении живет одна, поселилась еще молоденькой девушкой, получив его в наследство от родственников своих Киндяковых. И в город, и в деревни слышались о ней самые лучшие отзывы:

— На редкость барышня! Ласковая, обходительная, даже с простонародьем. Только удивляются на нее:

— Смѣлая, ничего не боится... Лошадей сама выѣзжает, во все входит.

Она настолько обрусѣла, что понимает и любит Россию, но и с Англией связи не порывает. Говорят, что русским языком владѣть прекрасно; умѣе чувствовать русское, — налицо в Киндяковѣ. Она все сдѣлала для того, чтобы не нарушать стили старинны: хозяйственные постройки совершенно отдѣлены отъ дома, спрятаны в зелени, — их и не видно, — видишь только старую Киндяковку, — домъ и около него флигель, даже не перекрашенный, не тронутый замѣтнымъ ремонтомъ.

Видно сразу, что не было сдѣлано ни одного грубаго прикосновенія къ прошлому, каждую облупившуюся колонну, треснутую ступеньку берегутъ, дѣлютъ.

— У барышни в домъ, — рассказываетъ сопровождающій меня по усадьбѣ поварь, — все, какъ было по старинѣ, ни одной вещи новой не поставлено, очень онъ за этимъ слѣдитъ, должно быть пристрастіе къ этому имѣютъ... Мебель самая давнишняя, простая.

Съ террасы дома открывается тотъ видъ на Волгу, который описываетъ Гончаровъ; Волга и луга, — красоты удивительной...

Такъ вотъ она, эта самая Малиновка — «рай земной».

Помните, бабушка подводила внука къ окну:

— Посмотри, Борисъ Павловичъ, чего тебѣ еще надо!

Дѣйствительно рай, сказка...

Фруктовый садъ тишея больше, чѣмъ на двадцати десятинахъ, яблони и груши стоятъ все бѣлая въ цвѣту; по горѣ къ дому густая заросль сирени, простой пчелы жужжать, а впередъ Волга серебромъ переливается на солнцѣ.

Для Гончарова пейзажъ не случайность, не просто декоративное описаніе: онъ чувствовалъ, что природа кладетъ на людей свою печать, и только здѣсь, въ Малиновкѣ, могли вырасти эти двѣ девушки, — Мароинька и Вѣра.

Для Мароиньки — новый бабушкинъ домъ, веселыя комнаты, залитыя солнцемъ, переливающимся на старомъ хрусталѣ, на позолотѣ пузатыхъ китайскихъ чайниковъ, для Мароиньки, — цвѣтникъ, садъ, гдѣ она порхаетъ вмѣстѣ съ мотыльками и поетъ своимъ свѣжимъ, павильнымъ голосомъ:

— Ненаглядный ты мой!

Старый домъ и дикая красота обрыва — для Вѣры.

Обрывъ весь заросъ дубами, кленами, кустарникомъ. Крутизна такая, что едва-едва удержишься на ногахъ, спускаясь внизъ, цѣпляешься за вѣтки, чтобы не упасть. Высота его больше сорока саженой, почти отвѣсная.

Наверху солнце, вѣтерокъ; въ обрывѣ отъ густыхъ зарослей постоянный сумракъ. Когда даже немного спустишься внизъ, волной заливаютъ пріятный аромат, голова кружится отъ запаха цвѣтовъ, который не разносится движениемъ воздуха и пропитываетъ здѣсь все. Сирень, медовые цвѣты, а ниже — коверъ ландышей...

Здѣсь природа точно колдуетъ, завораживаетъ васъ душистымъ «приворотнымъ зельемъ», здѣсь душу охватываетъ

Павелъ Андреевичъ ФЕДOTOVЪ, авторъ картинъ «Разборчивая невеста» «Свадьба маюра» и друг.
 Въ 100-лѣтію со дня рожденія.
 Род. 22 июня 1815 г.

По рисунку А. Г. Варнека, изъ музея Имп. Александра III.

мечтательная истома, жизнь и сказка по-оврага, съ влекущей и таинственной гурьплетаются, и воображеніе уносится да-бной этого всеми суевѣрно избѣгаемаго мѣста, съ мощными раскатами грозы на мѣстахъ...
 Дѣвушка, заколдованная красотой об-вѣлжскихъ берегахъ...
 рыва, его таинственностью, не могла лю-Здѣсь «съ шумомъ раздвигались кусты»
 бить слишкомъ простаго Пушкина, не и выскакивалъ обезумѣвшій Райскій и в могла искать себѣ жениха тамъ, наверху, злобномъ порывѣ увлекалъ въ обрывъ Полну Карловну Крицкую, которая въ в гостиную у бабушки.
 Кто бы онъ ни былъ, этотъ герой, ко-ужасѣ отступала отъ него:
 торый выстрѣлами вызывалъ Вѣру на — Что съ вами? Прошу, прошу васъ... свиданіе, жилъ на огородахъ у «Секлитен На днѣ обрыва показываютъ мѣсто бе-Бурдалаховой», писалъ «письма на си-сѣдки, — два небольшихъ продольныхъ ней бумагѣ» и появлялся въ бесѣдѣ съ углубленія, заплывшихъ землей, завален-ружьемъ въ рукахъ, — онъ долженъ былъ ныхъ сухими листьями... казаться привлекательнымъ ея романиче- Шагу нельзя сдѣлать безъ волненія на ски настроенной душѣ, потому что его этихъ мѣстахъ, и опять пытаешься отрез-обликъ сливался съ глухими зарослями вить себя:

къ пятидесятилѣтію взятія ташкента.

ТАШКЕНТЪ. — Пушкинская ул. и церковь св. Сергія.

— Да вѣдь это вымыселъ художника! Пусть такъ, но онъ захватываетъ силыѣ самой подлинной жизни.

Въ обрывѣ показывали мнѣ мѣста раскопокъ. Здѣсь были какіе-то каменные погреба, находили въ нихъ старинныя монеты, вѣроятно, время вѣлжскихъ разбойниковъ.

Старины много, самой сѣдой старины, когда о Малиновкѣ, ея герояхъ и художникѣ, ихъ изображавшемъ, не было и помину. Киндяковка, лежащая около «соннаго городка», кажется, создана для того, чтобы хранить память о прошломъ, хранить легенды.

IV.

Въ паркѣ усадьбы, тоже на горѣ, стоитъ большая, высокая, каменная часовня, полуразрушенная, облупившаяся. Крестьяне говорятъ, что подъ ней находили драгоценности; построена она надъ могилой одной изъ рода Киндяковыхъ. Должно быть очень давно это было, — рассказы путаются и никто точно не знаетъ, кто здѣсь погребенъ. Но въ Симбирскѣ отъ одного изъ стариковъ пришлось мнѣ услышать слѣдующую легенду.

Въ давнишнія времена здѣсь жила красавица-дѣвушка изъ рода Киндяковыхъ, которая, гуляя по парку со своимъ женихомъ, попросила его, когда она умретъ, похоронить ее здѣсь и указалъ мѣсто.

Черезъ нѣсколько дней она дѣйствительно умерла, будто бы отравленная изъ ревности другимъ поклонникомъ. Похоронили ее тамъ, гдѣ она пожелала, и поставили памятникъ-часовню. И вотъ одинъ разъ, много времени спустя, когда у хозяйки усадьбы сидѣли гости, его вызвали, сказавъ, что пришла и спрашиваетъ его какая-то незнакомая женщина. Хозяинъ, очень удивленный, вышелъ и увидѣлъ передъ собой даму въ бѣломъ платьѣ съ лицомъ, закрытымъ густой вуалю. Она сказала ему, что ее этой ночью вырыли изъ могилы и ограбили. Потомъ исчезла.

Испуганный помѣщикъ отправился вмѣстѣ съ гостями къ часовнѣ и тамъ, дѣйствительно, увидѣлъ вырытый изъ могилы, ограбленный трупъ...

Еще дальше за усадьбой, другая могила, — покосившійся деревянный крестъ на высокомъ берегу Волги... Кто погребенъ здѣсь, никто не знаетъ... Но когда видишь эти могилы и слышишь рассказы, становится понятнымъ то жуткое чувство ужаса, которое внушалъ обрывъ героямъ Гончарова. Авторъ сумѣлъ уловить настроеніе этого уголка, красиваго, таинственнаго, наполненнаго повѣртіями...

Жители Симбирска, особенно прѣзжіе, часто посѣщаютъ обрывъ. Много, какъ рассказываютъ, бывало здѣсь и иностранцевъ, особенно Англичанъ, вѣроятно, знакомыхъ или родственниковъ владѣльцы Киндяковки.

Даже романическая репутація этого мѣста сохранилась во всей своей силѣ не только въ романѣ, но и въ дѣйствительности.

— Сколько я сюда офицеровъ, когда полкъ уланскій у насъ стоялъ, перевозилъ съ барышнями... Страсть! — говорилъ мнѣ извозчикъ по дорогѣ изъ Киндяковки.

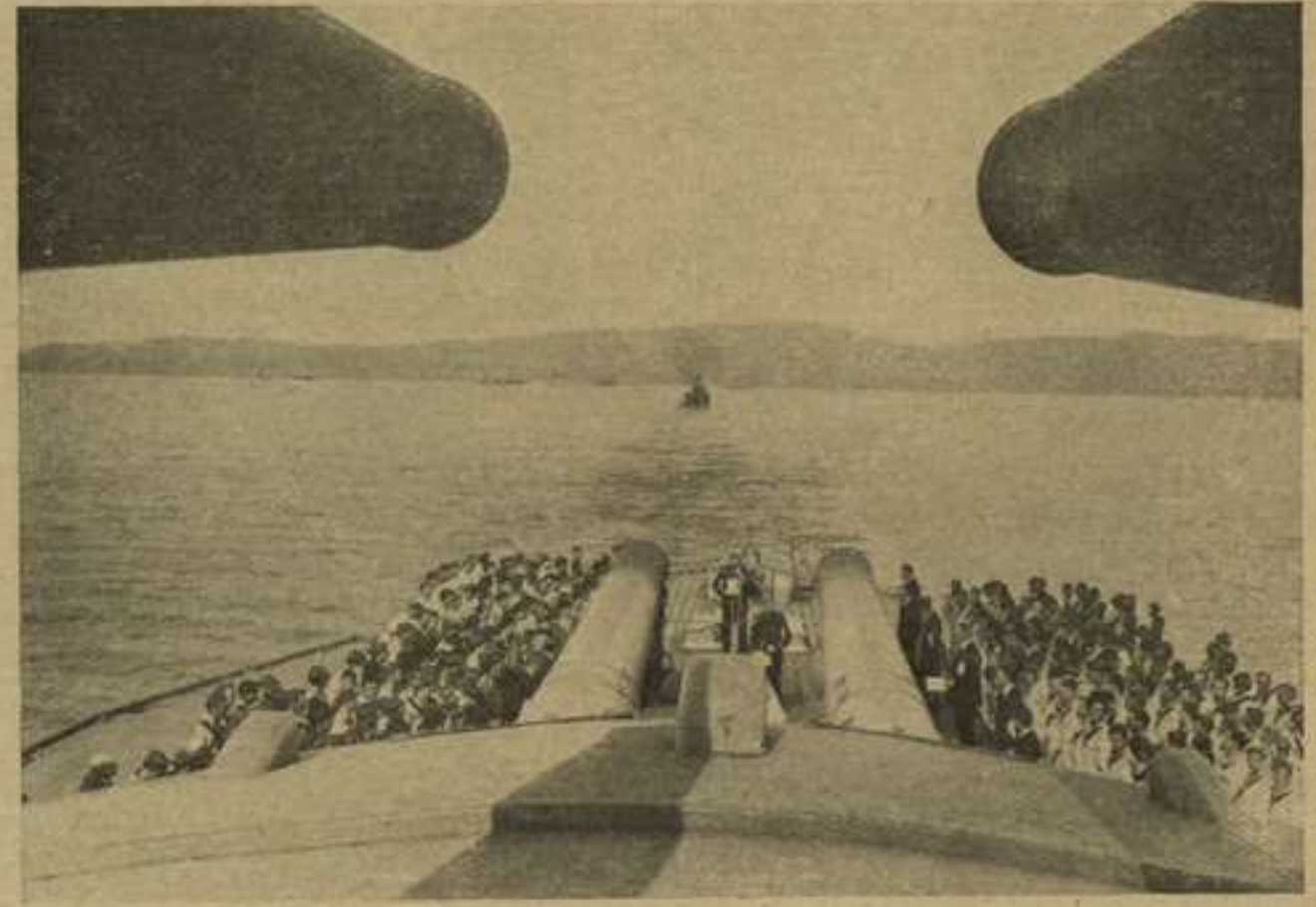
— Какъ ежели кто за кѣмъ ухаживаетъ, — сейчасъ кататься къ обрыву. Никуда въ другое мѣсто не поѣдутъ... Я съ измалѣтства въ городахъ, двадцать шестой годъ въ извозникахъ ѣзжу, и никакъ въ толкъ не возьму, что это господа по обрыву лазаютъ, чего они тамъ глядятъ? — не знаю!..

М. Курдюмовъ.

ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ.

Турецкій фортъ Седуль-Баръ, разрушенный бомбардировкой союзниковъ.

Обѣдня на борту англійскаго сверхдреднота «Королева Елизавета».—Надъ молчаливыми дула 16-дюймовыхъ орудій, величайше въ современномъ флотѣ.

Якъ Гусъ.

6 июля 1415—1915 гг.

Раннимъ субботнимъ утромъ 23 июня (6 июля) 1415 г. огромная толпа народа задъ и привязанными къ столбу руками, наполнила обширное поле, выходящее на ту окраину угрюмаго, тогда еще колпакъ. Все тѣло его охватывала просмо- швейцарскаго, городка Констанца на бе-

регу Боденскаго озера, что пыльные ба- дейскіе граждане именуютъ «Брэдъ», со- хранивъ пятисотлѣтнюю кличку.

Посреди поля сооруженъ былъ высокой костеръ. На немъ, до пояса обложенный дровами и соломой, со скрученными на- лонная веревка, не позволявшая сдѣлать

ни малѣйшаго движенія. Вотъ извился ог- ненный языкъ, лизнулъ костеръ, затрещи- ли дрова, и ужасный, повидимому, пре- ступивъ, предаваемый такой мучительной казни, вдругъ громко запылъ болѣзненно возмущенія тысячи сердецъ сватыя слова: «Христе, Сыне Бога живаго, помилуй мя грѣшнаго». Пестро одѣтые, бородастые гвардейцы императора Священной Римской имперіи, плотнымъ кольцомъ окружившіе костеръ, сурово нагнулись и, словно боясь выдать невольную дрожь, крѣпче сжали длинныя алебарды. Облако дыма и пла- мени почти уже скрыло изможденную фи- гуру казнимаго, но все еще слышалось, правда, все тише и рѣже изъ устъ его сла- вословіе Господне...

А смотрѣвшій издали на всю эту ужас- ную, но «безкровную» сцену кардиналъ въ эффектнй пурпурной мантіи, князь рим- ской церкви, многоученый Эней-Сильвій Пизиколемпини, впоследствии его свѣтѣйше- ства папа Пій II, тонкими, привычными къ сдержанности губами, шепталъ про себя будущее описаніе жизненнаго конца чеш- скаго священника, который «шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго призна- ка слабости, но до послѣдняго вздоха воз- носилъ онъ молитву къ Творцу».

Дрова догорѣли, и показалось обугли- шееся тѣло. Яростно набросались на него палачи, разрубили голову на мелкіе куски, вырвали сохранившееся сердце, наткнули на острую трость и изжарили особо. Остат- ки костра сложены были въ тѣлгу, вѣ- сть съ золою, и брошены въ близкій Рейнъ. Но нѣсколько преданныхъ повойному лю- дей сгребли мученичествомъ освещенную землю изъ-подъ костра и съ благоговѣ- ніемъ отнесли се въ Прагу, въ Виедем- скаую церковь.

Такъ погибъ ровно полтысячелѣтіе на- задъ, на 42 году отъ рожденія, великій церковный проповѣдникъ славянства Якъ изъ Гусинца чешскаго, занявшій всемірно- историческое мѣсто среди реформаторовъ челоѣчества по твердости характера, силѣ воли, глубинѣ убѣжденій и искро- пности вѣрованій, съ которыми онъ отстаи- валъ вѣковѣчныя истины евангельскаго христіанства противъ искаженій ихъ «ва- вилонскою блудницею» и всякаго стѣне- нія истинно свободнаго, разумнаго изслѣ- дованія запросовъ религіи.

Римско-католическое богословіе, собирая обвинительный матеріалъ противъ посяга- тельствъ Гуса на догматику и практику церкви, болѣе всего не могло простить ему его полнѣйшаго несогласія съ постановле- ніями такъ называемаго Латеранскаго со-

бора, съ 1212 году отбывшаго причаще- ніе мѣрянъ «подъ обоими видами» (sub utraque specie). Въ этомъ вопросѣ Гусъ стоялъ на старо-церковной точкѣ зрѣнія, единственно для него приемлеой, и требо- валъ Чашы для всѣхъ. Это было основное «заклужденіе» Гуса. Далѣе противъ него были выдвинуты цѣлый рядъ обвиненій, суть которыхъ сводилась къ тому, что рек- торъ Пражскаго университета въ своихъ проповѣдяхъ словомъ и перомъ рѣшителъ- но подрываетъ основанія католической іерархіи.

Отвергая значеніе церкви, въ смыслѣ папы, кардиналовъ, епископовъ и духовен- ства, имъ подчиненнаго, Гусъ, по форму- лировке его обвинителей, утверждалъ, что церковь не должна владѣть временнымъ, земнымъ имуществомъ. Разумѣется, про- славленное «симонією» латинское духовен- ство того времени сплоченными рядами возстало противъ проповѣдника громивша- го порочность, и говорило, что «дьяволъ вселенъ въ тѣло еретика».

Ратуя за вѣроисповѣднй прогрессъ хри- стіанскаго челоѣчества, призваннаго къ познанію правды, на основаніи испы- тываемаго Писанія, Гусъ далъ силь- нѣйшій толчокъ тѣмъ мыслямъ, кото- рыя, излитыя въ знаменитыхъ виттенбергскихъ тезисахъ упрямаго

ГЕРОЙ ДНЯ ВЪ АНГЛІИ.

Авиаторъ подпоручикъ УАРКФОРЪ (WARNEFORD), атаковавшій и уничтожившій нѣмецкій дирижабль.

въ ПАРИЖѢ.

Гусские солдаты, бѣжавшіе изъ нѣмецкаго плѣна во Францію, присутствуютъ на парадѣ въ Домѣ Инвалидовъ.

Полковникъ графъ Конст. Павл. НУТАЙСОВЪ. Награжденъ георгіевскимъ оружіемъ.

августинскаго монаха, черезъ сто лѣтъ откозали отъ католической твердыни окрѣпленную глыбу протестантства, создавъ эпоху реформациі.

Уча чешскій народъ на родномъ его языкѣ, постоянно вспоминая и помышляя о великихъ славянскихъ просвѣтителяхъ, святыхъ Кириллѣ и Меодіи, Гусъ всецѣло слилъ свою дѣятельность съ національнымъ вопросомъ. Ректоръ Прагскаго университета, заполненнаго до него нѣмецкой профессурой, достигъ своею энергіей обратнаго соотношенія. Вытѣсненные изъ чешскаго университета Нѣмцы, считавшіе себя призванными къ высокой миссіи германизированія славянскихъ народностей, покидая «неблагодарную» Прагу, разнесли съ собою по Европѣ ненависть къ чешской націи вообще, а къ ея талантливѣйшему сыну—особливо. Они-то и подготовили своими доносами и кривокозками благодарную

почву для осудившаго Гуса Констанцскаго собора.

Отправляясь на Констанцъ съ цѣлью систематически изложить свои взгляды и защитить ихъ, Гусъ имѣлъ неосторожность повѣрить выдаваемой ему императоромъ Сигизмундомъ «охранной грамотѣ», брашней «достопочтеннаго магистра» подъ покровительствомъ и защиту высокой императорской власти, почему и «дозволялось ему прохлать въ Констанцѣ, оставаться тамъ и свободно возвратиться (libere redire)». Но высокопарно составленная ахтѣ германскаго императора превратилась въ простой «ключекъ бумаги», надъ значеніемъ котораго онъ весьма недолго колебался.

«Изобличившій соблазнительную ересь» ужасной памяти Констанцскій соборъ отличался и многолюдствомъ, и пестротой своихъ сочленовъ. Достаточно сказать, что на него съѣхались 3 патриарха, 23 кардинала, 27 архіепископовъ, 239 епископовъ, 200 аббатовъ, 444 доктора богословія—всего 2,300 человекъ чернаго и бѣлаго духовенства. Мирянь набралось въ Констанцѣ до 80,000. Императоръ не пропустилъ ни одного засѣданія. Одинъ папа открылъ соборъ, другой закрылъ его. «Моральная сила» собора лучше всего выясняется изъ словъ одного изъ современниковъ, который, говоря о верившихъ на соборѣ прелатахъ, изложилъ свою скорбь въ достаточно энергичныхъ словахъ: «Господи, что не поразишь ихъ своимъ праведнымъ гнѣвомъ? Они погряли во грѣхахъ: кто изъ нихъ можетъ надѣяться на вѣчное спасеніе? Не соблюдаютъ даже наружныхъ приличій; навезли съ собою болѣе полуторы тысячи свидѣтелей цѣломудрія кардиналовъ, а тѣ всенародно хвастаются своими побѣдами. Всѣ понягя извращены: «добродѣтель слыветъ порокомъ, порокъ — добродѣтелью».

А въ это время, брошенный въ сѣрую, темную башню Доминиканскаго монастыря, нынѣ «Insel-Hôtel»,—страдая отъ мучительныхъ приступовъ каменной болѣзни, истомленный отвратительной пищей, по мощной величіемъ непреклоннаго духа, Гусъ, какъ благодѣянія, выпрашивалъ у стражи пера и бумаги, торопясь передать своему родному народу послѣднія предсмертныя заповѣди объ отстаиваніи славыштва отъ нѣмецкаго ига.

Пятистлѣтняя година мученической копичны славянскаго страстотерца совнала со временемъ напряженнаго выступленія почти всей Европы противъ германскаго духа, германскаго кулака. Но въ рядахъ славянскихъ бойцовъ за правое дѣло, увя, чешскаго народа пока нѣтъ. Черезъ сплошную щетину австрійскихъ и нѣмецкихъ полковъ, задвинувшихъ родину Гуса, трудно пробраться потомкамъ гуситовъ, шедшихъ когда-то на Нѣмцевъ съ своимъ страшнымъ для врага «Чашнымъ знаменемъ».

В. Анд-ъ.

Не гляди.

Не гляди на меня, не гляди на меня:
Онъ обманчивъ—мой обликъ земной,
Онъ безсиленъ увлечь тебя въ звѣздную
высь,
Обьянить о блаженствѣ мечтой.

Равнодушно скользнетъ по немъ жадный
твой взоръ,
Дивной тайны его не раскрывъ,
И замретъ безъ отвѣта на лживыхъ
устахъ,
Мой тоскливый, мой страстный призывъ.

Не гляди на меня, не гляди на меня:
Обликъ мой—это грубый покровъ,
Что таитъ отъ кощунственныхъ взо-
ровъ людскихъ
Красоту лучезарныхъ мировъ.

С. Анчкова.

Ген.-лейт. Владиміръ Алексѣевичъ АЛЬФТАНЪ. Награжденъ орденами св. Георгія 3 и 4 ст. и Георгіевскимъ оружіемъ.

Шт.-кап. А. А. ШАНОЕСКІЙ. Раненъ и контузенъ въ голову и ногу. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Литературныя замѣтки.

Драма В. П. Буренина.

Теорія учить насъ, что задачи, преслѣдующія драматическимъ произведеніемъ, до такой степени отличны отъ задачъ романа или повѣсти, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда драматургъ беретъ за сюжетъ, уже использованный романомъ, творчество его имѣетъ всѣ права на названіе оригинальнаго. Если въ действительности

Ген.-отъ-инф. А. ІЕВРЕИНОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за блестящія дѣянія 1 марта 1915 года, доставившія рѣшительную побѣду, съ захватомъ у Германцевъ 17 орудій, 12 пулеметовъ, 11 зарядныхъ ящиковъ, 11 офицеровъ и до 400 нѣмецкихъ чиновъ.

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князь Н. Б. ЩЕРЕБатовъ.

Павшіе смертю храбрыхъ.

Полковн. В. В. Храневичъ.

Подполк. С. В. Романовскій.

Подполк. Н. С. Мыловъ.

Подполк. К. П. Азбукинъ.

Шт.-кап. П. С. Денисовъ.

Шт.-кап. И. И. Шшмаревъ.

Шт.-кап. В. А. Кондратьевъ.

Подпоруч. В. А. Мещериновъ.

Прaporшч. М. А. Еськовъ.

Прaporшч. Х. Ш. Урмановъ.

Шт.-кап. А. А. Коронатовъ.

Подпоруч. В. И. Григорьевъ.

Поруч. А. Д. Шиллингъ.

Подпоруч. Б. Н. Миглевскій.

Прaporшч. А. В. Шрейдеръ.

Подпоруч. А. Вад. Нельдерманъ.

Капитанъ М. А. Радзивиловъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Вольноопр. А. А. Петро-Павловскій.

Вольноопр. П. Г. Горе. Нагр. Георгіевскіимъ крестомъ.

Подпоруч. Б. Н. Збергардъ.

мы
кото
чек
роу
зна
стан
диг
рог
раз
ВШ
горо
ворк
Кра
king
конч
рас
изве
ощу
дра
сам
къ ч
тере
встр
ство
себ
ства
лиц
дча
сона
дъви
агг
щес
Дра
нима
обла
ствен
энер
яхъ,
ство
рую
стави
ди не
жден
чгты
спосо
стор

И эт
Ты д
Я до
О, ес
Тогд
А не
Быт
Кото

Въ
сил
дари
рѣ х
ясне
его л
стало
къмъ
Менд
Хуан
гал—
сѣдн
тив
Делор
устро
щя о
корол
стера
пьем
ратур
и отъ
буют

Отно
Въ
«Дип
сией
кназе
чатан

* В
пяти
Краус
Петр
* Р
внчъ.
и Фр
ратор
1812.

мы видим часто, что пьесы, содержание которых заимствовано из беллетристических произведений, страдают некоторою безпомощностью и для тех, кто не знаком с их первоисточником, представляют мало интереса, то это происходит обыкновенно от отсутствия у авторов таких пьес самостоятельности в разработке избранного ими сюжета. Пьеса В. П. Буренина «Долоресь»*, по поводу которой автор счел нужным сделать оговорку о ее родстве с романом Марион Крауфорд «In the palace of the king», отличается тою цѣлностью и законченностью, которая составляет характерную особенность оригинальных произведений и не оставляет в читателѣ ощущенія неудовлетворенности. Элементы драмы, развертывающейся перед нами, сами по себѣ не сложны, но принадлежатъ къ числу вѣчно способныхъ возбуждать интересъ: любовь, стремящаяся преодолѣть встреченныя ею на пути преграды, чувство долга, доведенное до полного забвенія о себѣ самомъ, злобныя и мстительныя чувства, вызываемыя въ низкой душѣ зрѣлицемъ чужого благородства. Трудная задача—при изображеніи благородныхъ персонажей не впасть въ ходульность, а злодѣевъ изобразить не какъ искусственный агломератъ пороковъ, но какъ живыя существа, разрытая авторомъ превосходно. Драма, переживаемая Долоресъ, воспринимается нами тѣмъ острѣе, что сама она, обладая привлекательными чертами женственности, оказывается способной къ энергичнымъ дѣйствіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда къ этому призываетъ ее чувство. Но даже та сильная любовь, которую она питаетъ къ Хуану, не можетъ заставить ее помириться съ мыслью, что ради нея,—для того, чтобы не быть вынужденнымъ королемъ Филиппомъ разлучиться съ нею,—она могла бы оказаться способнымъ на предательство и перейти на сторону Мавровъ.

Нѣтъ, это невозможно
И этого не будетъ. Неужели
Ты думаешь, что до такихъ поступковъ
Я допущу тебя, когда люблю?
О, если бы я на это согласилась,
Тогда во мнѣ была бы не любовь,
А ненависть, предательство, измена,
Быть можетъ, худшая еще, чѣмъ та,
Которую задумалъ ты въ безумствѣ!...

Въ пьесѣ мы встречаемъ цѣлый рядъ сильно драматическихъ моментовъ, благодаря чему интересъ не ослабѣваетъ по мѣрѣ хода дѣйствія, а все нарастаетъ. Объясненіе между Хуаномъ и завидующимъ его лакеямъ, старающимся во что бы то ни стало найти поводъ для обвиненія его въ измѣнѣ королемъ Филиппомъ, сцена, гдѣ Мендоза принимаетъ на себя убійство Хуана, совершенное Филиппомъ, и другая—допроса его Филиппомъ, при чемъ послѣдній выказываетъ низость души, смутившую даже вѣрнаго его слугу, появленіе Долоресъ передъ гостями на праздникѣ, устроенномъ въ честь Хуана, и послѣдующія ея объясненія съ отцомъ, а затѣмъ съ королемъ. Все это написано рукою мастера. Къ несомнѣннымъ достоинствамъ пьесы нужно отнести и прекрасный литературный языкъ, которымъ она написана и отъ котораго насъ такъ старательно пробуютъ отучить наши драматурги.

В. Ю. В.

Отношеніе Александра I къ Наполеону*.

Въ только что вышедшемъ VI томѣ «Дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей», издаваемыхъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, напечатаны инструкціи Наполеона его посланцу

* В. П. Буренинъ. *Долоресъ*. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. (Изъ романа Марионъ Крауфордъ «In the palace of the king»). Петроградъ, 1915 г. стр. 92.

* Великій князь Николай Михайловичъ. *Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по повелѣніямъ посланцевъ императоровъ Александра I и Наполеона*. 1808—1812. Т. VII. Петроградъ. Стр. № 8 + 439.

ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Главнуполномоченный всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.
гн. Георгій Евгеньевичъ Избушскій.

въ Петербургѣ: Коленкуру и Лористону со стороны дунайскихъ княжествъ—Молдавіи и Валахіи—и готовъ вступить въ переговоры съ своей союзницей о раздѣлѣ турецкихъ владѣній въ Европѣ и Азій. Его готовность вступить на пути удовлетворенія русскимъ интересамъ пошла бы, быть можетъ, и дальше, если бы императоръ Александръ не охлаждалъ ее постоянно, требуя, прежде всего, охраны интересовъ Пруссіи и Германіи, и Наполеону приходилось говорить съ Россіей, главнымъ образомъ, о дѣлахъ германскихъ, затрагивавшихъ существенныя интересы и безпечность созданной имъ имперіи.

Но уже въ 1809 г. Наполеонъ убѣдился въ неискренности своего союзника, который, со времени Тильзита, готовился къ пограничной войнѣ съ ненавистнымъ Корсиканцемъ. Документы эти проливаютъ яркій свѣтъ на политику императора Александра I до 1812 г., повлекшую за собою разрывъ Россіи съ Франціей. Инструкція Наполеона къ его посланцу проникнута сознаниемъ важности для него русскаго союза, для сохраненія котораго онъ предпринимаетъ всѣ старанія. Чтобы придать дружбу русскаго императора, онъ готовъ идти на многія жертвы. Въ Тильзитѣ «изъ уваженія къ предстательству Россіи» онъ сохранилъ существованіе Пруссіи, которую онъ рѣшилъ уже стереть съ карты Европы. Въ Эрфуртѣ онъ гарантируетъ Россіи приобрѣтеніе Финляндіи и дунайскихъ княжествъ—Молдавіи и Валахіи—и готовъ вступить въ переговоры съ своей союзницей о раздѣлѣ турецкихъ владѣній въ Европѣ и Азій. Его готовность вступить на пути удовлетворенія русскимъ интересамъ пошла бы, быть можетъ, и дальше, если бы императоръ Александръ не охлаждалъ ее постоянно, требуя, прежде всего, охраны интересовъ Пруссіи и Германіи, и Наполеону приходилось говорить съ Россіей, главнымъ образомъ, о дѣлахъ германскихъ, затрагивавшихъ существенныя интересы и безпечность созданной имъ имперіи.

Г. П. ФРЕУШИМСКІЙ,
избранный предсѣдателемъ московскаго биржеваго комитета.

Въ 1809 г. Австрія объявила войну Наполеону, а Россія, по союзнымъ обязательствамъ, должна была двинуть на помощь ему противъ Австріи часть своихъ войскъ. Русская армія дѣйствительно вошла въ предѣлы Галиціи, но, по приказанію Александра, всячески избѣгала непріязненныхъ дѣйствій съ Австріяцами, которые были о томъ предупреждены. Князь Меттернихъ самъ заявилъ Французамъ: «Мы вовсе не вели войны съ Русскими, потому что не слышали и выстрѣла съ ихъ стороны».

Это поведеніе союзныхъ войскъ глубоко возмутило Наполеона, ожидавшаго отъ Александра честнаго соблюденія данныхъ имъ обещаній. «Императоръ не желаетъ,—писалъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Шамаганъ посланнику въ Петербургѣ Коленкуру 2 іюня 1809 г.,—чтобы я скрылъ отъ васъ, что послѣднія обстоятельства заставили его потерять вѣру въ русскій союзъ и что они служатъ для него указаніемъ дурнаго (la mauvaise foi) петербургскаго кабинета. Чувства императора оскорблены, и онъ не пишетъ теперь императору Александру, потому что онъ не можетъ въ настоящее время говорить о дружбѣ къ нему, котораго онъ болѣе не питаетъ». Тѣмъ не менѣе Наполеонъ заставилъ Австрію по Шенбрунскому миру уступить Россіи Тарнопольскую область съ 400,000 жителей русскаго происхожденія, но это только подало Александру поводъ жаловаться на ничтожность приобрѣтенія и на недостатокъ вниманія Наполеона къ интересамъ Россіи.

Наполеонъ и послѣ этого думалъ скрѣпить союзъ свой съ Россіей бракомъ своимъ съ сестрой Александра, но и этотъ планъ разбился о заглавное противодѣйствіе его союзника, сославшагося, впрочемъ, на волю своей матери императрицы Маріи Феодоровны. Въ это время Александръ уже не скрывалъ явнаго охлажденія своего къ франко-русскому союзу и стремленія противодействовать Наполеону въ Германіи, которой онъ являлся негласнымъ покровителемъ. Напряженность отношеній между двумя императорами-союзниками сказалась уже въ слѣдующемъ году въ вопросѣ о польской конвенціи, тарифѣ 1810 года, присоединеніи Ольденбурга къ Франціи. При этомъ, по замѣчанію самого Наполеона, Александръ, чтобы вывести его изъ терпѣнія и сложить на него отвѣтственность за разрывъ, усвоилъ себѣ особенную систему переговоровъ—жаловаться и, въ то же время, уклоняться отъ всякихъ объясненій (la Russie persiste dans son système ironique de se plaindre sans cesse et de ne s'expliquer sur rien).

Изъ всѣхъ напечатанныхъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ документовъ этихъ ясно видно, что Наполеонъ смотрѣлъ на войну съ Россіей, какъ на зло для себя, что онъ хорошо понималъ побудительныя причины дѣйствій Александра,—и тѣмъ удивительнѣе, что своимъ пашествіемъ на Россію онъ пошелъ навстрѣчу его планамъ, тогда какъ въ его рукахъ былъ надежный способъ воздѣйствія на чувства Александра,—дружескимъ давленіемъ на симпатичную ему Пруссію, во всемъ тогда готовую повиноваться западному владыкѣ.

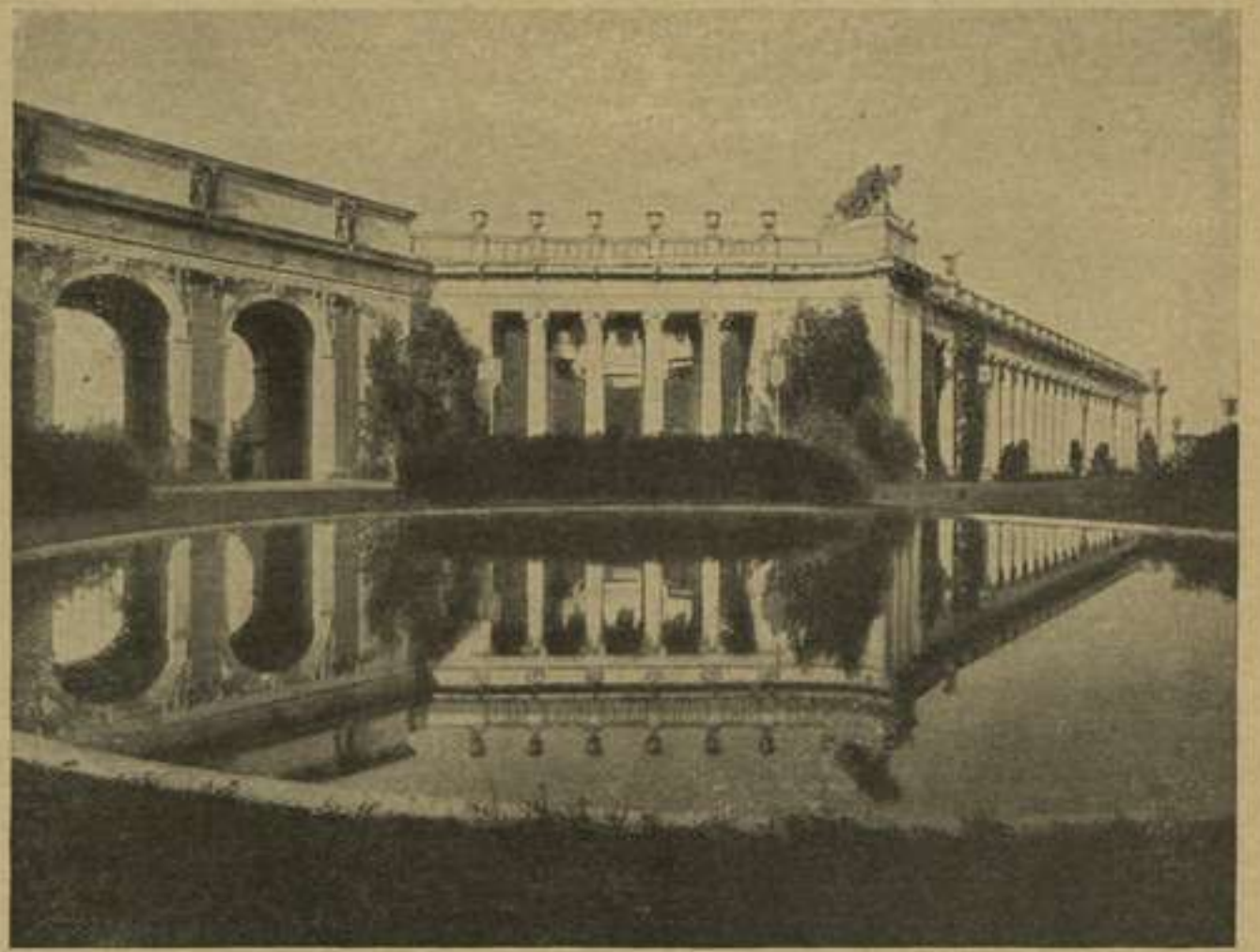
Изданіемъ дипломатическихъ документовъ этихъ великій князь Николай Михайловичъ оказалъ важную услугу русской исторической наукѣ: безъ нихъ дипломатическая исторія 1812 года до сихъ поръ представлялась бы по прежнему подъ угломъ зрѣнія официальныхъ историковъ, возмѣшавшихъ о ненасытномъ властолюбіи Наполеона, съ одной стороны, и о кроткихъ, миролюбивыхъ дѣйствіяхъ—съ другой.

Е. Шумигорскій.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНАМСКАЯ ТИХООКЕАНСКАЯ ВЫСТАВКА.

Вид на «Проспект пальм», съ «Башней драгоценностей», 435 ф. вышины.

«Темпль четырех времен года», выходящий на залив С.-Франциско.

Надъ моремъ житейскимъ *

Книжка бесѣдъ и статей известнаго проповѣдника и руководителя петроградскихъ трезвенниковъ прот. Миртова имѣетъ ближайшее отношеніе къ текущимъ событіямъ. Начинается она рѣчью, произнесенною по прочтеніи манифеста о войнѣ. Лучшія и наиболѣе яркія бесѣды посвящены вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ.

Въ лицѣ прот. Миртова, судя по его книжкѣ, является пастырь широко образованный, иногда головою стоящій выше обычныхъ рутинныхъ взглядовъ нашихъ богослововъ-схоластовъ, но въ то же время глубоко церковный. Образная, изысканная рѣчь, которая льется легко и свободно, полное отсутствіе риторика, широкое пользованіе литературой и исторіей,—все это выдѣляетъ книжку отъ дру-

гихъ подобныхъ трудовъ и обращаетъ на нее вниманіе. Большая половина книги посвящена темамъ общественнаго характера.

Хуторское хозяйство *

Судя по списку другихъ трудовъ К. К. Вебера, въ его лицѣ мы встрѣчаемъ живую энциклопедію всего сельскаго хозяйства. Его плодотворному перу принадлежатъ весьма солидные трактаты по 18 отраслямъ. Мукомольное, крахмальное, паточное, сахарное, каначное, веревочное, льконопильное, смолокуреное, маслобойное, солодовенное, поршинное и еще многія другія производства нашли въ его лицѣ авторитетнаго истолкователя.

* К. К. Веберъ. Хуторское хозяйство. Бесѣды по скотоводству и кормодобычанію. Для сѣверныхъ и пріозерныхъ губерній и для вечернопоземной полосы Россіи, съ 49 рисунками въ текстѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Добавьте къ этому руководства по сыроваренію, плодовому и ледному винодѣланію, ства. Сельскіе хозяева нашего пріозернаго района, изобилующаго безконечными болотами, не безъ интереса прочтутъ о томъ, какіе тучные и плодородные луга разбиваютъ Финляндцы на своихъ болотахъ, какъ разрабатываютъ они болотный торфъ и мохъ на удобреніе полей и на подстилку животнымъ, въ то время какъ у насъ скопленные въ болотахъ безконечные запасы растительныхъ веществъ почти нисѣмъ не используются и лежатъ втупомъ. Все эти свѣдѣнія и указанія не предствалютъ, правда, особой новизны, но и лишнее повтореніе ихъ въ новомъ изданіи во всякомъ случаѣ не можетъ считаться безполезнымъ.

и. г.

Редакторъ Б. А. Суворинъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ. Электрич., безъ красокъ, 10 р. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ Петроградъ, Морская, 28

ЮНОЕ ЛИЦО НѢЖНОЕЪЛОЕ ЛИЦО Гладитъ мягкія руки въ тропическомъ мылѣ ДЕРМОЗОНЪ. МЫЛО ДЕРМОЗОНЪ МЫЛО СОВЕРШЕНСТВО. МЫЛО АЛОЗОНЪ. Обращайтесь вниманіе на фирму 1-й СТОРАБЕРГЪ и П. ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕЧЕКСКИХЪ КОСМЕТИЧЕСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

И. ВИНУКОВЪ и СИНЦОВЪ Садовая 29. Гостиный Дворъ (у главнаго Невскаго проспекта №15). ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙС-КУРАНТЫ съ иллюстраціями всего музыкальнаго инструмента и граммофоновъ. ОБОИ О П Т О В Ы Е В С Е М Ъ

ХУДОЖНИКЪ А. Н. ЮДИНЪ ИСКУССТВО ВЪ СЕМЬѢ ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА. Цѣна 2 руб.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА, простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалонъ Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалонъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Новая книга В. ОПОЧИНИНА: Трезвы и Жизнь. Античные эскизы, Отклики войны, Краски жизни, Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія. Цѣна 1 руб. 50 коп. Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время», Попова и друг. Обложка Г. Нарбута. Издательство «Лукоморье»

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» Г. Торнъ (Gue Thorne) Когда наступилъ мракъ... Исторія одного великаго разговора. Съ англійскаго. Цѣна 1 руб.

Двѣ судьбы.

I.

Вечеромъ, какъ всегда, пришелъ Федя Дремовъ. Онъ привнесъ новыя книги и предложилъ пойти въ кинематографъ, гдѣ показывали большую и интересную картину, поставленную по одному изъ романовъ Майнъ-Рида—съ ковбоями, краснокожими и дико несущимися мустангами.

Если бы не существовало Федя Дремова, то, право, нельзя было бы себя представить, какъ в жизни въ этомъ году. Мама, недолечившаяся лѣтомъ за границей, съ окончательно разстроенными нервами, цѣлые дни вздыхаетъ и жалуется. Въ особенности тяжело дѣйствуютъ на нее газеты, которыя она тѣмъ не менѣе съ утра до ночи читаетъ и которыя являются неизбѣжаемымъ источникомъ постоянныхъ жалобъ и причитаній.

Замужняя сестра Саша—та попрежнему уравновѣшена и молчитъ о своихъ тревогахъ, но ихъ нельзя не прочесть совершенно ясно по ея блѣдному лицу, по взгляду, будто бы спокойному, а въ сущности выражающему одно лишь глубокое безучастіе къ окружающей жизни. Ея мужъ призванъ въ армию и недавно уѣхалъ,—съ тѣхъ поръ ихъ домъ сталъ неузнаваемъ: Саша живетъ только дѣтьми да письмами отъ Макса. Безъ него дѣйствительно очень скучно,—это была та-кой жизнерадостный человекъ, такой всегда радужный, гостеприимный хозяинъ, неутомимый устроитель всякихъ развлеченій. У нихъ прежде постоянно собирались, и бывало по настоящему весело.

Людмила себя часто упрекаетъ въ эгоизмъ. Кругомъ столько несчастій, столько робового горя, а она себя ловить на томъ, что отбываетъ все событія съ точки зрѣнія ихъ вліянія на личные ея интересы и настроенія. Мама удивляется, что Людмила почти не читаетъ газетъ. Конечно, это нехорошо—такое равнодушіе къ людямъ,—конечно, она эгоистка, но вѣдь ей всего двадцать три года, она еще не жила и только теперь впервые встрѣтилась съ человекомъ, которому она нравится, котораго, кажется, полюбила сама. Вѣроятно, полюбила, потому что видѣть Федю Дремова каждый вечеръ стало для нея потребностью.

Людмила некрасива—это она знаетъ. У ней рыжая черта лица, безцвѣтные глаза и безцвѣтные волосы, у нея часто

Управляющій военнымъ министерствомъ генералъ-отъ-инфантеріи
Алексей Андреевичъ ПОЛИВАНОВЪ.

съ фот. Рентца и Шрадера.

краснѣть носъ и краснѣють вѣки. Фигура тоже нескладная: тяжелая и неуклюжая. Но иногда—это она видѣла въ зеркалѣ—бываетъ такое милое и ласковое выраженіе глазъ, такая привѣтливая, влекущая улыбка свѣжаго рта, что ей кажется,—она все-таки понравится можетъ. Только почему-то до сихъ поръ еще никому не нравилась. Саша всячески старалась ее паразитъ и окружить кавалерами,—все они въ концѣ концовъ линули только къ самой Сашѣ, такъ что даже мама, вообще въ этихъ вопросахъ сдержанная, какъ-то громко проговорила: «Ну, съ Милинымъ замужествомъ придется намъ помучиться!»

Счастливая эта Саша... Какъ ея жизнь всегда складывалась радостно. Когда она была барышней, былъ еще живъ отецъ, и жили они совсѣмъ не такъ, какъ теперь: держали лошадей, устраивали приемы, постоянно ѣздили за границу. Саша очень хороша и имѣла всегда большой успѣхъ. Она законодательствовала въ домъ, капризничала и своевольничала, сколько хотѣла. Отказала двумъ женихамъ, одному очень солидному, состоявшему подъ особымъ покровительствомъ мамы, и вышла замужъ за третьяго, котораго выбрала сама, и котораго горячо и страстно полюбила.

Обыкновенно бываетъ такъ, что въ этихъ случаяхъ судьба наказываетъ дѣвушекъ за своеволие. Избранникъ ихъ не оправдываетъ надеждъ, и приходится мириться съ его измѣнами, съ горемъ, часто съ нищетой. Совсѣмъ не то вышло съ Сашей. Максимъ Александровичъ любитъ ее теперь, кажется, еще больше, чѣмъ

тогда. Онъ приличный пофренный и много зарабатываетъ,—они живутъ, ни въ чемъ себя не отказывая. А какой характеръ у этого милого Макса: всегда ровный, неизмѣнно веселый. У нихъ двое дѣтей, такихъ славныхъ,—мальчикъ и дѣвочка. Саша такъ и хотѣла: сына и дочь. Удивительно славныя, хорошо воспитанныя и вмѣстѣ съ тѣмъ простые и естественныя дѣти.

Съ Сашей все считаются: у нея репутація умной и разсудительной, и это репутація вполне заслуженная. Ея авторитетъ признается даже мамой, даже старой горничной Агафьей, которая высшимъ проявленіемъ житейской мудрости стала теперь считать правило: «какъ у молодой барыни Александры Петровны».

Саша очень прязнится и сейчасъ мужчинамъ. Если бы она хотѣла, то была бы окружена массой поклонниковъ, но это ее не интересуетъ. Она, конечно, инстинктивно кокетлива,—другой и не могла бы быть при своей женственности, но она очень даетъ понять, что допускаетъ только легкую полупріятную близость, что искренно и безраздѣльно любитъ своего мужа и никакихъ приключеній въ жизни не ищетъ и ими не обольщается. Даже для тѣхъ, кто готовъ довольствоваться такъ называемымъ флеритомъ, такая безоблачная ясность горизонтовъ скоро становится скучной.

Разумѣется, Саша права,—и можетъ ли сравниться съ вѣчной мятежностью тревогъ и обмановъ то прочное жизненное счастье, которое ей обеспечиваетъ семья? Это и есть счастье—встрѣтить человека, который далъ бы полное удовлетвореніе всемъ влеченіямъ и запросамъ жизни; мечутся и ищутъ только тѣ несчастные, что еще не успѣли или не могутъ найти.

Людмила хотѣла бы такого именно счастья. Но до нынѣшней осени она почти

У СОЮЗНИНОВЪ.

Фельдмаршалъ Френчъ и премьеръ-министръ Асквизъ въ англійской главной квартирѣ.

Вице-адмиралъ А. И. РУСИНЪ, начальникъ
морского генеральнаго штаба. Назначенъ
помощникомъ морского министра.

НА ФРОНТЕ СОЮЗНИКОВ.

Французские солдаты на передовых позициях, защищенные предохранительными масками против удушливых газов, употребляемых Германцами.

не рѣшалась объ этомъ мечтать. А вдругъ ее никто не полюбитъ? На это похоже. Съ каждымъ годомъ она будетъ грубѣть и еще дурнѣть; если не нашлось никого раньше, почему же найдется теперь? Очень возможно, что она со временемъ выйдетъ замужъ, приданого у нея нѣтъ, и никто, рѣшительно никто никогда не смотрѣлъ на нее такими глазами, въ которыхъ можно было бы найти ослѣплѣнное увлеченіе. Пожалуй, она сама въ этомъ пановата; вѣрнѣе иногда женщины гораздо хуже наружностью, онѣ умѣютъ вдругъ увлечь, опьянить мгновеннымъ захватомъ. А Людмила ждетъ чужой нищеты, она—робкая и неулыбчивая. И очень возможно, что никогда не дожидется. Такъ и суждено, вѣроятно, прожить никому не нужной, только въ книгахъ, читая эти завѣтные слова: «моя любимая, моя желанная». Часто въ постели она плакала, себѣ жалѣя, и такъ и засыпала въ слезахъ.

Но въ нынѣшнемъ году все перемѣнилось. Появился человекъ, который сталъ бывать въ домѣ изо дня въ день, который приходилъ исключительно ради нея, разговариваетъ съ нею, ласкаетъ ее внимательнымъ взглядомъ, ловитъ ее жапанія. И Людмила даже похорошѣла, какъ-то выпрямилась и стала изысканной, разлучилась щеки, заблестѣли глаза...

Жаль, что Саша теперь совсѣмъ не привязывается: какъ было бы весело на ее вечерахъ! Хочется праздничной обстановки, хочется свѣта и шумной, искрищейся жизни, чтобы люди видѣли, что ты живешь, что ты счастлива. И вдругъ—такой тяжелый годъ: все одинъ и тѣ же разговоры, крутомъ слезы и трауръ.

Мама заставляетъ Одея перечитывать ей газеты и досаждастъ политическими темами, а Сашу, которая такъ любила и оперу, и балетъ, теперь не затащишь даже въ кинематографъ. Вотъ неудача! Людмила и тутъ не повезло: жизнь ее стала интересоваться какъ разъ тогда, когда кругомъ вѣетъ смертью. Личное счастье теперь у всѣхъ въ такомъ пренебреженіи, никто не подумаетъ о завтрашнемъ днѣ, откладывая рѣшеніе на неопредѣленное будущее: «вотъ, когда кончится война»...

II.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы не было войны, то не было бы и Оеди Дремова. Не сдѣлай въ серединѣ июля императоръ Вильгельмъ своего рокового историческаго шага, Дремовъ бы, вѣроятно, не встрѣтился съ Людмилой. А если бы и встрѣтился, то не задержалъ бы, очевидно, на ней своего вниманія, равнодушно бы прошелъ мимо, какъ проходили другіе.

Впервые разговаривали они въ совершенно исключительной обстановкѣ на вокзалѣ въ Франкфуртѣ, гдѣ были заперты нѣсколькими часами поднятые русскіе путешественники. Съ матерью Людмила сдѣлала обморокъ, и случайно оказавшійся тутъ же Оедя доставалъ воду и помогъ ее привести въ чувство. Онъ послѣ побѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Гомбургъ и поселился въ томъ же пансіонѣ, для всѣхъ томленія продолжительнаго нѣмецкаго плѣна.

Оедя—студентъ послѣдняго курса,—единственный сынъ и наследникъ очень хорошаго состоянія. Въ Гомбургъ захватилъ всего на нѣсколько дней, путешествуя одинъ по Германіи, но здѣсь его неожиданно застало объявленіе войны, и пришлось прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ. Точно какая-то сознательная воля судьбы столкнула съ Людмилой, создать такую исключительную подходящую обстановку для сближенія.

Оедя выросъ уже послѣ смерти отца, выросъ около матери и съ дѣтства привыкъ къ постоянной заботѣ и ласкѣ. Это былъ первый случай, что онъ отправился путешествовать одинъ, думалъ не задер-

живаться за границей и какъ разъ попалъ на эти историческія испытанія. Самыя условности политическаго быта, которыми Людмилой и съ ея матерью сразу установились у него простыя и естественно близкія отношенія. Вмѣстѣ дѣлили всѣ тревоги и невзгоды подневольнаго существованія, вмѣстѣ приходилось хлопотать о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ и мелочахъ жизни, вмѣстѣ огорчаться и радоваться подъ вліяніемъ одинаково воспринимаемыхъ политическихъ извѣстій.

Когда установился и вылился послѣ первыхъ особенно тревожныхъ мгновеній болѣе или менѣе нормальный образъ жизни для гомбургскихъ плѣнниковъ, у каждаго изъ нихъ оказалась масса ниротѣмъ не занятаго, томительно свободнаго времени. Точно въ суткахъ стало сорокъ восемь часовъ.

Погода была великолѣпная, и теплая ночь выскли, какъ и всегда, неизмѣннымъ очарованіемъ. Безсилно поддаваясь этой миру баюкающей ласкѣ природы, люди забывали, сидя вечеромъ на балконѣ, обо всѣхъ ужасахъ, терзающихъ миръ, забывали о своей неволѣ. Какъ бы ни глушить жизнь и голосъ юныхъ настроеній, что старшая сестра Саша всегда сдержан-

властно проступаютъ неизменно-вѣчная влеченія, которая сильнѣе всѣхъ условностей политическаго быта, которыхъ не смутитъ окликъ часового, не испугаетъ звонъ цѣпей. Самые страстные романы разыгрываются часто среди каюркаль, среди обреченныхъ на вѣчное отреченіе.

Конечно, Людмила не можетъ сказать, чтобы Оедя ей, какъ мужчина, понравился сразу. Да и вообще слово «мужчина» къ нему не очень подходитъ. Это съ виду—типичный маменькинъ сыночекъ,—стоитъ на него взглянуть, и такое опредѣленіе тутъ же приходитъ въ голову. Онъ бѣлый, раскормленный, круглолицый, съ легкимъ свѣтлымъ пушкомъ вмѣсто бороды и усовъ,—такъ и кажется, что выросъ на молокѣ и сдобныхъ булкахъ. Но Оедя очень солиденъ и, пожалуй, даже самостоятеленъ. У него свои собственныя мнѣнія, и похоже на то, что глушестью въ жизни онъ вообще дѣлать не будетъ.

Съ этимъ человекомъ не пропадешь. Не такъ, конечно, рисовались воображенію Людмилы первая встрѣча съ героемъ ея жизни, если онъ появится. Уже на шить жизнь и голосъ юныхъ настроеній, что старшая сестра Саша всегда сдержан-

ПЕРЕДЪ РАЗСТРЕЛОМЪ.

— Смирно! Женщины налво! „L'Illustration“.

та, и въ романѣ ея не было ничего преступнаго, но все же въ тѣ дни, когда Максъ у нихъ бывалъ, какъ поклонникъ и какъ женихъ, чувствовалась всѣми ихъ любовь, рѣяло въ воздухѣ электричество. Максъ и Саша были мужчина и женщина, которые неудержимо влеклись другъ къ другу, и это ощущалось кругомъ. Съ Оедей отношенія складывались совсѣмъ по-другому,—установился простой, дружескій тонъ, какъ-то незамѣтно и постепенно переходившій въ заботливую ласковость.

Опять-таки содѣйствовали этому обстоятельству обоюдная безпомощность ихъ гомбургскаго плѣна и эти чудные лунные вечера, неизменно проводимые вмѣстѣ на балконѣ въ долгихъ разговорахъ, такихъ естественныхъ и неизбежныхъ, когда надо коротать безпредѣльно длительно время. Могу ли быть иначе,—чтобы двое молодыхъ людей, юноша и дѣвушка, чистые душой и тѣломъ, не полюбили въ концѣ концовъ другъ друга, живя въ подневольной праздности подъ однимъ кровомъ на чужбинѣ, да еще въ тѣ мгновенія, когда такъ хотѣлось найти поддержку и родственную близость?

Только о любви своей они не говорили ни разу, ни тамъ, въ Гомбургѣ, ни зимой дома. Людмила, конечно, не сомнѣвалась въ привязанности Оеди, онъ продолжалъ къ нимъ ходить каждый день и ходилъ исключительно ради нея, но скрытность эта, эта робость ей не нравились. Она бы хотѣла его вызвать на откровенность, заставить говорить ей все то, что она еще не слышала, но какъ? Неужели начать с-мой? Она вѣдь тоже неулыбчивая и тоже робкая. О, если бы онъ, наконецъ, рѣшился на признаніе!

Какъ часто были бы теперь прологичные вечера сестры Сашы, эти ужасы съ лишними божалами шампанскаго, зажигающими глаза мужичицъ, и шумными поѣздки за городъ, и пикники на тройкахъ. Кажется, даже мама, которая вообще очень покровительствуетъ Оеди и очень его одобряетъ, скоро спроситъ Людмилу: «Ну, а какъ твои дѣла?» Что-то она послѣднее время стала испытующе поглядывать. Мама вообще не изъ тѣхъ, которая стѣсняется и эмѣшляется, но она все зорко видитъ. Да и дѣйствительно—уже пора выяснить положеніе.

Оедя—еще студентъ и долженъ держаться экзаменовъ. Въ этомъ году онъ почти не занимался и, вѣроятно, ихъ отложитъ. Но вѣдь свадьбу можно отложить, важно только рѣшить окончательно. Надо думать, что его мать не позволитъ жениться раньше окончанія университета. Только едва ли она вообще будетъ противъ брака. Людмила бы очень хотѣлось скорѣе поговорить обо всемъ этомъ съ Оедей: какъ глупо, что онъ молчитъ!

Оедя такой славный, такой предупредительный,—имъ хорошо вмѣстѣ. Онъ серьезно смотритъ на ихъ отношенія,—это для нея ясно. Въ особенности стало ясно, когда она познакомилась съ его матерью. Онъ самъ на этомъ настаивалъ, и онъ намѣренно встрѣтился въ церкви послѣ обѣдни. По взгляду Дремовой, пристальному и внимательному, Людмила сразу поняла, что Оедя о ней много рассказывалъ.

Дремова не стара годами, но держитъ себя женщиной пожилой. Одыта безъ всякой претензіи на моду, во все темное, выгладитъ строго и сановито. Людмила она не очень понравилась: показалась сухой и какой-то слишкомъ серьезной, взвѣшивающей каждое слово, каждый шагъ. И разъ эта женщина сказала: «Я бы хотѣла съ вами ближе сойтись», то значить—Оедя уже говорилъ ей о своихъ намѣреніяхъ. Очень возможно, что онъ даже ждетъ ея окончательнаго слова. Это на нихъ обоихъ похоже.

Выходитъ такъ, что надо бы понравиться Дремовой, но и на это Людмила оказалась не очень-то способной. Она слишкомъ престоудна и слишкомъ лѣнива, чтобы добиваться цѣли всякими путями.

Павшие смертью храбрых.

Капитанъ А. И. Поповъ.

Капитанъ В. Ф. фонъ-Ридигеръ.

Подпоруч. А. А. Кушелевъ.

Сотникъ Б. М. Бардышевъ.

Прапорщ. В. И. Звѣревъ.

Лейтен. П. И. Матусевичъ.

Мичманъ С. I. Вольбекъ.

Мичманъ С. В. Печатикинъ.

Подпоруч. В. М. Таранцевъ.

Капитанъ Г. И. Кириченко.

Знакомство ихъ вышло какимъ-то тусклымъ, да и съ матерью Людмила Дремова тоже не сошлась. Въ сущности мама не права,—она должна была бы помочь дочери въ такомъ важномъ дѣлѣ. Вмѣсто того, чтобы бросать пытливые взгляды на нее и на Федю, поступилась бы своими разговорами о политикѣ и жалобами на разстроенные нервы, да постаралась бы сблизиться съ Дремовой. Вѣдь сама она нѣсколько разъ говорила, что все состояніе въ рукахъ вдовы, и что Федя безъ нея согласія не сумѣетъ ступить ни единого шага.

Многое бы сдѣлала, конечно, Саша, если бы только не этотъ годъ. Теперь она такая безучастная ко всему и такъ держится далеко и холодно, что чувствуешь стѣсненіе, неловкость съ ней говорить, просить ее о чемъ-нибудь, совѣтоваться...

Ужъ лучше обратиться прямо къ Федѣ.

III.

Вчера похоронили Макса.

Какъ это неожиданно и какъ это ужасно!

Да, для Людмилы это было неожиданно: она не думала, не отдавала себѣ отчета въ той опасности, которая грозила ежеминутно. Ей и въ голову не приходило, что такъ можетъ кончиться. Вотъ-то узнало на нихъ несчастье!

А она была такая радостная, такая счастливая послѣ своего объясненія съ Федей. Федя самъ началъ разговоръ, и такъ у него вышло легко и просто. Правда, совсѣмъ по-другому, чѣмъ она себѣ представляла признаніе влюбленнаго и предложеніе, но все-таки очень хорошо. Федя заговорилъ о своихъ экзаменахъ, о томъ, что вынужденъ ихъ отложить, но

что будетъ уславно заниматься въ будущемъ году, если только теперь все рѣшится, какъ онъ хочетъ. «Это зависитъ отъ васъ», сказалъ Федя, и Людмила почувствовала, какъ у нея сильно забилось гласно. И не хотѣлъ съ вами говорить, сердце и какъ кровь приливаетъ къ лицу. Она молчала, а онъ смотрѣлъ куда-то нечно, понимали, что только искренняя

привязанность заставляла меня бывать у васъ постоянно... Сами вы же рѣшайте, какъ хотите. Моя мама, согласилась бы на свадьбу даже теперь.

Милый, хорошій Федя! Какіе у него добрые глаза, и какъ будетъ съ нимъ всегда легко и просто.

У Людмилы сейчасъ же нашлись ответныя слова. Конечно, она тоже привязалась къ Федѣ и тоже не хотѣла съ нимъ разлучаться. Такъ она и сказала. О дѣлѣ свадьбы они еще успѣютъ подумать и потолковать: надо будетъ посоветоваться съ мамой. Но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

У Людмилы сейчасъ же нашлись ответныя слова. Конечно, она тоже привязалась къ Федѣ и тоже не хотѣла съ нимъ разлучаться. Такъ она и сказала. О дѣлѣ свадьбы они еще успѣютъ подумать и потолковать: надо будетъ посоветоваться съ мамой. Но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

У Людмилы сейчасъ же нашлись ответныя слова. Конечно, она тоже привязалась къ Федѣ и тоже не хотѣла съ нимъ разлучаться. Такъ она и сказала. О дѣлѣ свадьбы они еще успѣютъ подумать и потолковать: надо будетъ посоветоваться съ мамой. Но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Мама узнала обо всемъ только поздно вечеромъ, когда уже Федя ушелъ. Было еще слишкомъ ново и неловко говорить втроемъ. Сразу она очень обрадовалась, хвалила Федю и повторила нѣсколько разъ, что это исключительно хорошая партія. Сообщила по телефону Санѣ, которая тоже поздравляла съ искренней радостью. Но тутъ же, уже привыкнувъ къ счастливой новости, мама начала волноваться, что Федя будетъ, конечно, жить со своей матерью и что она останется теперь совсѣмъ одна. На глазахъ появились слезы. Только это продолжалось недолго, и радостное настроеніе вскорѣ восторжествовало.

На другой день мама цѣловала и крепостила Федю. Говорили о предстоящей свадьбѣ, которую рѣшено было не откладывать, а назначить сейчасъ же послѣ Пасхи. Заѣхала Саша, болѣе оживленная, чѣмъ обыкновенно, почти веселая. Давно ее такою не видѣли; она только-что получила письмо отъ Макса,—онъ здоровъ, надѣется взять скоро отпускъ и прѣхать на нѣсколько дней.

Проектъ церкви во имя Успенія Божіей Матери въ г. Луганскѣ (Екатери. губ.) въ память 300-лѣтія царств. Дома Романовыхъ, съ придѣломъ во имя царицы Александры, въ честь Государыни Императрицы. Проектировалъ и руководить постройкой академикъ-архитекторъ проф. В. В. Суслевъ. Строится на средства Луганскаго сельскаго обществ. и мѣстныхъ горожанъ.

Главнокомандующий Итальянской армией генерал гр. Л. КАДОРНА.

Сестра милосердия Инна БИТАЛ. ПУАРЕ. В начале военных действий, отправилась в действующую армию в качестве сестры милосердия военного времени и находится там безпрерывно с 4 августа 1914 г. по настоящее время. В конце сентября награждена медалью на Георгиевской ленте за то, что, при отходе наших войск из Т., была в числе последних оставшихся и продолжала работать и перевязывать раненых до конца, под выстрелами неприятеля.

женский голос повторял: «годы, воды!» и по коридору мимо ее комнаты с несвойственной поспешностью пробегала грузная Агафья. Слышался ее полуганганный шепот: «Господи, Господи!»

Людмила ничего не понимала. Ее еще обволакивало то радостное настроение, в котором она, казалось, только что заснула. Ночь крѣпкого, молодого сна мелькнула, как мимолетная потеря сознания, и все вчерашние разговоры, все радужные мечты еще рѣзали вокруг, как и в минуту, когда она забылась. Но было уже десять на ее мажорных часах у постели.

В комнату внезапно вошла портниха Маша.

— Барышня, барышня, какое несчастье! — повторяла она, готовая разрыдаться.

Оказывается, вѣрѣхала замужней сестра Макса: она только что получила телеграмму, что брат убит. С мамой обморокъ, а Саша еще ничего не знает.

Людмила прыгнула с постели и, на ходу накидывая захваченный с кровати венжарь, босиком побѣжала в гостиную.

Ужасное извѣстие! Что будетъ съ Сашей!..

Съ тѣхъ поръ прошло уже пять дней. Привезли тѣло Макса и вчера его похоронили. Мама совсемъ слегла и даже не была на похоронахъ. Спасибо Федѣ, — она помогъ все устроить, взяла за хлопоты и необходимые формальности, хотя Саша была готова заботиться обо всемъ сама.

Удивительный человекъ — эта Саша. О смерти ей сообщила все та же сестра мужа — ни мама, ни Людмила не рѣшались. Но Саша приняла извѣстие не то чтобы спокойно, — конечно, итъ, — а по-королю, совсемъ тихо, какъ что-то такое вполне возможное, чего она ожидала, къ чему готовилась. Саша плакала на панихидахъ и подолгу стояла на колѣняхъ, закрывъ глаза платкомъ; она еще побѣдила и очень осунулась, какъ-то вдругъ точно постарѣла, но ни разу она не безумствовала, не теряла присутствія духа, — какъ всегда, заботилась о дѣтяхъ, чтобы они были сыты и во-время легли спать. Все это странно, если вспомнить, какой безраздѣльной взаимной любовью она была связана съ Максомъ. Казалось, — она не переживетъ горя.

Сашѣ еще предстоитъ большія испытания. Объ этомъ вчера вскользь говорила мама съ серьезнымъ безпокойствомъ. Вѣдь у Макса ничего не осталось, никакихъ средствъ. Онъ хорошо зарабатывалъ, но они все проживали, разсчитывая, что еще

въ АНГЛИИ.

Англійскія женщины, взявшія на себя обязанности почтальонъ.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Итальянскіе солдаты уничтожаютъ пограничный столбъ между Австріей и Италіей, на границѣ Трентино.

виду окончаніе одного дѣла, которое его нѣя, громко зарыдала у нея на груди. — Не надо, дѣтка, — видишь едва спра- какія были, тратились еще въ этомъ году и вляясь съ собой, прошептала Саша: — но едва ихъ у Саши наберется теперь болѣе надо...

Она гладила Людмилу по волосамъ. Потомъ нагнулась, прильнувъ губами къ ея щекѣ. — Саша, бѣдная, дорогая моя... безсвязно повторяла Людмила, обнимая сестру.

Но Саша уже съ собой справилась. — Успокойся, Мила... Прощу тебя... Могутъ войти дѣти. Не надо.

Она слегка отстранилась, продолжая гладить сестру по волосамъ. — Конечно, моя жизнь кончена, — сказала она: — то-есть личная моя жизнь. Но я нужна дѣтямъ, и этотъ свой долгъ я исполню.

Утромъ Людмила звонила по телефону и условилась о свиданіи.

— Я буду очень рада тебя повидать, — отвѣтила Саша.

Она вышла изъ гостиной навстрѣчу сестрѣ, странно нарядная, потому что была въ черномъ шелковомъ платьѣ, передѣланномъ осенью изъ прошлогодняго вечерняго туалета. Только волосы были гладко зачесаны назадъ, какъ она обыкновенно не носила, и лицо казалось потому длиннѣе и выглядѣло очень похудѣвшимъ. Но прическа къ ней шла, открытая красивый бѣлый лобъ, шла къ ея задумчивымъ глазамъ и тонкому профилю.

— Я рада тебя повидать, — повторила Саша свою утреннюю фразу, а когда онѣ съѣли вдвоемъ въ углу гостиной, она заговорила первая, ласково взявъ Людмилу за руку. Но рука ея была холодна, какъ ледъ.

— Я очень за тебя рада, Мила... Милѣ Федоръ Егорычъ нравится... И вы будете счастливы, — онѣ тебѣ подходятъ.

А потомъ прибавила: — Не откладывайте свадьбы изъ-за меня. Къ чему это?

Людмила была такъ разстрогана и этимъ ласковымъ пожатіемъ, необыкновеннымъ для Саши, и этимъ вниманіемъ къ себѣ, этимъ дружески-сочувственнымъ тономъ въ такія трагическія минуты, что она крѣпко обняла сестру и, не сдержавъ волне-

ЖЕНЩИНЫ ВЪ АНГЛИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Женщина-кондукторъ на трамваѣ. У насъ въ Москвѣ также много такихъ «кондукторъ». Это, по преимуществу, жены ушедшихъ на войну служащихъ городскихъ дорогъ, замѣстницы своихъ мужей.

У ДАРДАНЕЛЛЕЙ.

Общий видъ англійскаго лагеря на берегу пролива.

Сестра милосердія общины св. Георгія, баронесса Елиз. Никол. ШТЕМПЕЛЬ.
† 1 июня въ Петроградѣ на 20 г. жизни. Работая неутомимо въ хирургическомъ отдѣленіи общины въ теченіе 10 мѣс., она выполняла самыя ответственныя обязанности по уходу за тяжело ранеными. Хрупкій организмъ молодой дѣвушки не выдержалъ тяжелой работы, безсонныхъ ночей во время работы и угаса. См. № 14001 «Нов. Вр.»

«РУССКІЙ ДЕНЬ» ВЪ НЬЮНЕСТЛѢ, ВЪ АНГЛІИ.

23 мая русское консульство въ Ньюнестлѣ на Тайнѣ было предметомъ оваціи со стороны мѣстнаго населенія, которое во главѣ съ лордъ-меромъ (на фотографіи—направо, съ цѣлью на груди) устроило односторонній сборъ въ пользу русскаго Краснаго Креста. Фотографіи сняты въ ту минуту, когда громадная толпа, собравшаяся передъ русскимъ консульствомъ, приветствуетъ консула Е. А. Буткенича (впереди направо) и восторженно кричитъ «ура» въ честь Государя Императора.

рука гладила по волосамъ еще заплаканную сестру, передъ которой раскрывалась жизнь.

В. Опочининъ.

Соната Бетховена.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній).

Какъ часто дождь стучитъ и четко бьетъ по крышѣ...
Въ ненастьѣ я укрытъ, жилище стало тише,
Но громко стукъ дождя на чердакъ моемъ.
Железной кровъ, гуди, трещишь подъ дождемъ.
Какъ страсть, какъ буря, смѣль, стремля изъ тучъ потоки,
Вдругъ ливень прошумѣлъ, могучій и жестокой,
Пронесся и утихъ, кропя листья березы.
Изъ сумерекъ ночныхъ за каплей каплю слезы,
Прощаясь, дождь ронялъ, какъ будто въ часъ разлуки.
Торжественный хоралъ смѣнили скорби звуки.

И, мнитесь, видѣлъ я былого дѣтства даль:
Въ гостиницѣ мать моя присѣла за рояль.
Въ вечерней тишинѣ, знакомая когда-то,
Донесится ко мнѣ Бетховена соната.
И музыкой былъ я, сквозь дѣтскій полу-сонъ,
Въ волшебные края, какъ сказкой, увлеченъ.

Въ невѣдомую высь, восторженны и горды,
На крыльяхъ унесишь блестящіе аккорды.
Я—царь! Въ моемъ дворцѣ мнѣ служить духовъ рой.
Алмазы въ моемъ вѣнцѣ. Волшебныхъ арфъ игрой

Хоръ дѣвъ ласкаетъ слухъ, и льется голосъ сладкій...
Зачѣмъ огонь потухъ?—мнѣ страшно безъ лампы.

Сквозь двери вижу мать. Послушна и легка,
Сидѣнше перебѣжать по клавишамъ рука,
И льются звуки вновь, исполнены печали.
Признанья, и любовь, и муки въ нихъ звучали.

Мелодія журчитъ, струится, какъ ручей.
Въ ней миръ души открытъ безъ словъ и безъ рѣчей.

Плачь горя и тоски, и исповѣдь святая.
Подъ пальцами руки пронесется рыдая.
Вдругъ гамма сорвалась, рояль замолкъ опять,—

Надъ нотами склоняясь, какъ будто плачетъ мать?..
Дождь косо бьетъ въ окно, стучитъ, какъ дробь, по крышѣ.

Въ углу моемъ темно, скребутся гдѣ-то мыши.
Нѣтъ въ комнатѣ огня, погаснула свѣча...
А? кто зоветъ меня?—то плачетъ дождь стуча.

В. Шуфъ.

Странный случай въ семьѣ Подовинниковыхъ.

I.

У Подовинниковыхъ большая неприятность.

Вы знаете супруговъ Подовинниковыхъ? Если не знакомы, то хоть видали ихъ много разъ.

Она—большая, красивая, прудаская дама, напоминающая хорошую голландскую королеву. Въ ней много крови: она играетъ и на щекахъ, и губы у нея мясисты, пухляки. Руки добелыя, мягкія, всегда сквозища черезъ прозрачные рукава. Онъ—маленькій, черненькій, въ очкахъ. Ножки у него тоненькія, взглядъ удивленный. Причесалъ онъ гладко. А ка-

Ген.-отъ-нав. М. М. ПЛѢШНОВЪ. Въ возданіи отличнаго руководства геройскими частями корпуса въ бояхъ подъ П., награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Полк. Ф. Д. Лебедевичъ-Дравскій, раненъ и контуженъ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Поруч. Д. Д. ЧИХАЧЕВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Подполковн. М. М. ИВАНОВЪ. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за то, что, избравъ наблюдательный пунктъ въ передовыхъ стрѣлковыхъ цѣляхъ подъ сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ непріятеля, огнемъ своей батареи разбилъ пулеметы противника и нанесъ укрѣпленію противника огромный уронъ. Этимъ онъ оказалъ содѣйствіе нашей пѣхотѣ въ овладѣніи укрѣпленнѣй позиціей противника.

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ГЕОРГИЕВСКИМЪ ОРУЖИЕМЪ.

Ген.-м. Т. К. Ваденшерн.

Ген.-лейт. В. М. Криштафовичъ.

Ген.-лейт. М. И. Чиновъ.

Ген.-м. Н. Н. Бѣльновкчъ.

Шт.-кап. Б. Я. Колзиковъ.

Поруч. В. А. Двойченко.

Подпоруч. Б. И. Нурышкинъ.

Шт.-кап. А. И. Евреинковъ.

Корнетъ Д. В. Волянский.

Подпоруч. В. П. Мартьяновъ.

кой у него голосъ—никто не знаетъ: онъ всегда говорить шепотомъ.

Ихъ можно видѣть на всѣхъ первыхъ представленіяхъ. Играютъ полни,—они смотрятъ ихъ. Придутъ московскіе «художественники»—они уже сидятъ во второмъ ряду, и она разсматриваетъ въ синемъ бисерѣ съ золотыми звѣздочками публицу. Открываютъ выставку въ пользу раненныхъ, а то выставку и безо всякой пользы,—они непременно тамъ, въ самый день открытія. Она идетъ впередъ, съ животомъ, туго обтянутая моднымъ корсетомъ; онъ семенитъ за нею въ модномъ виджакѣ, обладающемъ одной пуговицей гдѣ-то внизу, и потому позволяющемъ видѣть отклонившуюся блюэра-мозную грудь брахмальной рубашки съ крохотной золотой пуговицей посреднѣ. Знакомыхъ у нихъ много, но всѣ только кланяются и никто не подходитъ. Ее зовутъ—Варвара Никитична, его—Валентинъ Валентиновичъ.

Какъ и почему они—мужъ и жена, почему, встрѣтившись, рѣшили повѣнчаться—неизвѣстно. Впрочемъ, почему люди женятся въ большинствѣ случаевъ—глубокая тайна, и этого въ большинствѣ случаевъ не знаютъ они сами, а только удивляются: «и съ чего это насъ дернуло!» Но что Валентинъ Валентиновичъ сразу попалъ подъ власть своей супруги,—это несомнѣнно. Валентинъ Валентиновичъ съ дѣтства подпадалъ подъ чье-нибудь вліяніе. Сначала его муштровали няньки, убѣряя его, что этого нельзя дѣлать, а это можно, и даже должно. Потомъ командовали имъ гувернантки. Потомъ—воспитатели въ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ учился, его товарищи, дру-

зья, братья, сестры, родители, тетки, дяди, кузены, племянники, племянницы. Онъ продѣлывалъ все, что ему говорили, а когда находились возле него столь жалостливые люди, что замѣчали ему:

— И чего вы все по чужой дудкѣ бландитесь? Онъ отвѣчалъ: — А не все-ли равно? Имъ это нравится, а мнѣ безразлично.

Быть можетъ, Варвара Никитичъ по нравилась въ немъ именно эта покорность,—это желаніе—всѣмъ сдѣлать приличное. Она еще до свадьбы спрашивала его:

— А вы всѣ мои желанія будете исполнять?

Онъ изумленно смотрѣлъ на нее и отвѣчалъ:

— Естественно.

И онъ сдержалъ свое слово. Онъ безропотно и немедленно дѣлалъ все, что бы она ни сказала. Это ее даже бѣсило.

Однажды она объявила ему, что хочетъ быть на концертѣ, который даетъ малолѣтній феноменъ. Онъ воротился домой, сказавъ ей:

— Ты знаешь, Варечка,—я билетовъ не досталъ. Ты выразила свое хотѣнье очень поздно.

Въ него полетѣла щетка, которую она держала въ рукахъ, затѣмъ пудреница, потомъ ножницы для ногтей. Потомъ Варечка упала ничкомъ на кушетку и стала биться въ жесткой истерикѣ. Валентинъ Валентиновичъ съѣлъ на стулѣ возле нея и утѣшалъ:

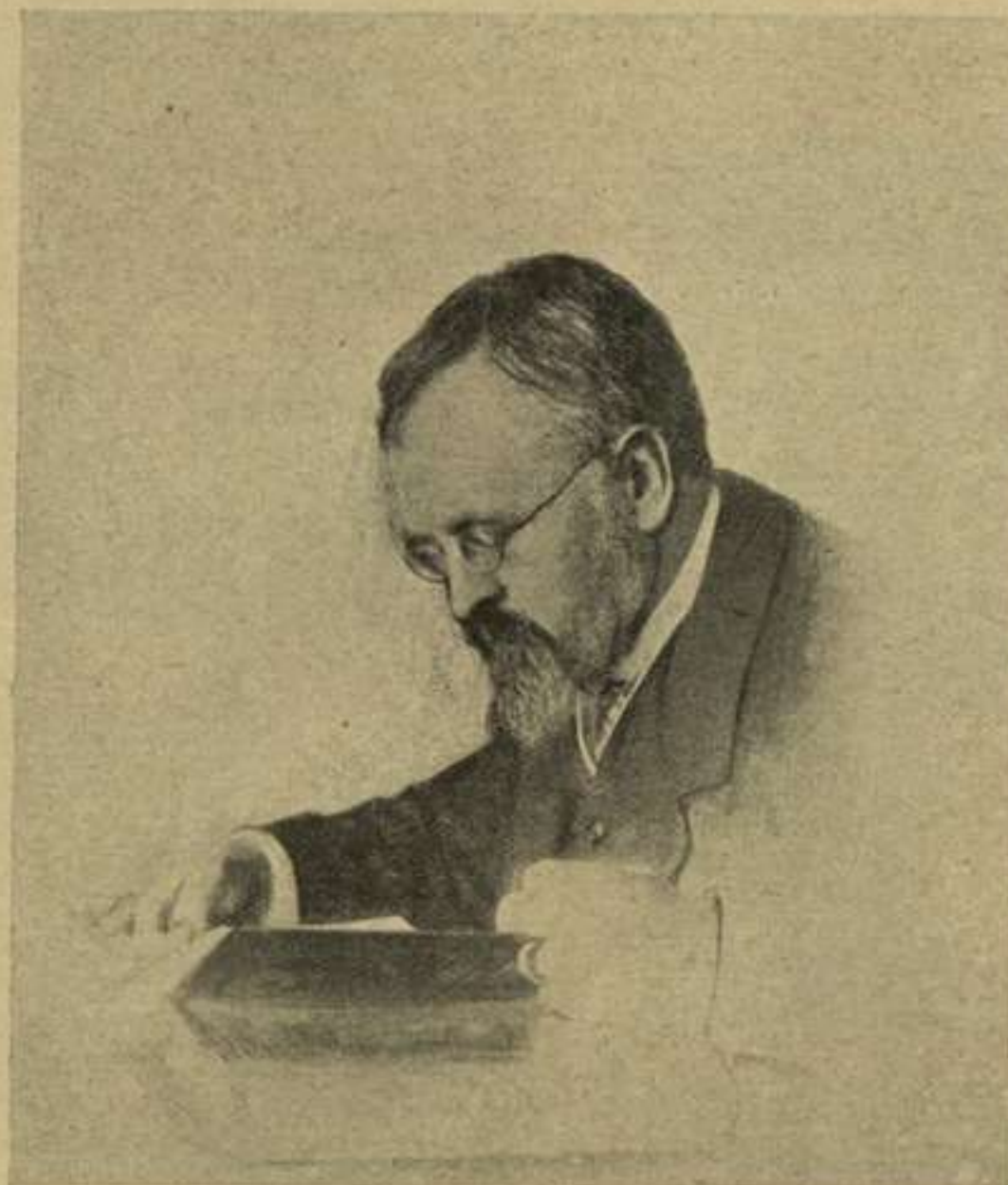
— Ну, Варечка! Ну, перестань! Ну, не стойтъ! Ну, Варечка,—я сейчасъ поѣду... Ну, Варечка...

И онъ поѣхалъ. Черезъ два часа онъ привезъ два билета и положилъ ихъ передъ женой.

— Съ этого надо было начать,—говорила она.—Ты хотѣлъ видѣть мои слезы, и увидѣлъ.

— Мамуся! Милая! Тихая! Славная! Прости меня.

И онъ—маленькій, черненькій стоялъ передъ ней на коѣнкахъ и казался искренно, чистосердечно.

Докторъ русской исторіи Николай Дм. ЧЕЧУЛИНЪ, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ, назначенный попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

Она смотрѣла въ бинокль на публику и повторила:

— Я рада, что пошла на этот концерт.

Иногда она говорила:

— Валя, поди сюда. Сядь. Ты меня любишь? Покажи, как? Обними крепко, крепко. Ты такой сильный! Я люблю, когда ты пальцами давишь зеленые орехи.

— Да, я сильный!—подтверждал он, и радостно поворачивал вокруг головы.— Я могу котургу узлом завязывать.

Он брал иногда ее на руки и легко носил по комнатам,—как кошку, а не женщину в четыре с половиной пуда. Она закатывала глаза под лоб и говорила:

— Ах, как я люблю, когда ты меня так носишь.

Он аккуратно, в известном часу уходил на службу, аккуратно завязывал свой галстук, и неизменно цѣловал жену руку послѣ обѣда, а она его цѣловала въ лобъ. Когда он писал доклады для министра,—а ему поручали составлять эти доклады,—он всегда их читал ей, и она одобряла:

— Знаешь, ты очень хорошо их составляешь. Я думаю, никто так хорошо не умеет их писать, как ты.

Дѣтей у них не было. Но, впрочем, они об этом не жалѣли: имъ и безъ того было много дѣла. Но, главное, они были счастливы.

— Я так доволна,—говорила она.— Валя такой послушный. Все, что ни скажешь, дѣлаетъ.

Он не хвалил жену, но по лицу его было видно, что он тоже доволен. Это довольно видно было и по его гладко выбритымъ щекамъ, и по тщательно протертымъ очкамъ, и по тому трогательному порядку, что замѣчался на его письменномъ столѣ: точно никогда никто не подходилъ къ нему и не открывалъ чернильницы.

Но когда началась война, отношения между супругами изменились.

II.

Прочитавъ газеты, она говорила:

— Проклятыя гадины! Они терзаютъ и мучаютъ женщинъ и дѣтей. А мы здѣсь сидимъ и ничего не дѣлаемъ.

Мужъ виновато взглядывалъ на нее и ничего не говорилъ.

— Ну, я шью для раненыхъ рубашки, но вѣдь это все не то. Ну, ты жертвуешь на раненыхъ. Мы переплачиваемъ за говядину, за портяну, за обувь. Но это все не то, не то!

Валя безпокойно поворачивалъ глазами съ часовъ на подвѣсничекъ, съ подвѣсничка на корточки своихъ башмаковъ.

...«Съ цѣлью пополнить и увеличить народонаселеніе, въ Германіи предполагается узаконить многоженство».

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ ПРЕДПОЛАГАЕМАГО МЪРОПРИЯТІЯ.

Какъ это кажется въ теоріи.

Какъ это окажется на практикѣ.

— А что-же ты, душечка, хочешь?

— Я хочу активной дѣятельности.

— А въ чемъ же эта активная дѣятельность должна выразиться?—спросилъ онъ.

— Не знаю!

Разъ почему онъ долго ворочался. Когда обѣда. Это было въ первый разъ. Онъ Варвара Никитична внезапно открыла опоздалъ на сорокъ минутъ. Она безпо-

копалась, звонила въ телефонъ. Но это ни къ чему не повело.

— Я думала, ты пошелъ подъ автомобиль,—сурово встрѣтила она его, когда онъ вошелъ въ будуаръ, съ непривычно свѣсившейся на лобъ прядью.

— Нѣтъ, я не пошелъ подъ автомобиль,—отвѣтилъ онъ.— Я ѣздилъ по дѣламъ.

— По какимъ?

— Я ѣду въ субботу на театръ военныхъ дѣйствій.

Она широко открыла глаза.

— Ты не поѣдешь,—рѣшительно сказала она послѣ долгой паузы.

— Поѣду,—спокойно отвѣтилъ онъ. Она швырнула со стола желтенькую французскую книгу на полъ.

— Не поѣдешь,—еще рѣшительнѣе возвысила она голосъ.

Онъ посмотрѣлъ на развернувшуюся книгу, не поднявъ ее, перевелъ глаза на жену, и еще спокойнѣе возразилъ:

— Поѣду.

Это было ново. Горничная доложила, что кушать подано. Они пошли. Они ѣли молча. Ноздри у Варвары Никитичны раздувались, грудь колыхалась. Она раза два изподтишка взглянула на мужа. Онъ былъ спокоенъ, но ѣлъ меньше, чѣмъ всегда.

— Что ты будешь тамъ дѣлать, ты, такой маленькій!—спросила она, когда подали куринныя фрикадельки съ ризотто.

— Я вѣдь служилъ въ кавалеріи,—отвѣтилъ онъ.

— Такой маленькій?—повторила она.

— Дѣло не въ ростѣ,—чуть слышно отвѣтилъ онъ.

Послѣ кофе она пошла въ будуаръ, онъ хотѣлъ идти къ себѣ въ кабинетъ.

— Иди ко мнѣ,—строго сказала она.

Онъ безпрекословно пошелъ.

— Ты шутишь?—спросила она, вперя свой гнѣвный взоръ.

— И не думаю. Я ужъ купилъ все, что нужно. Къ восьми принесутъ изъ магазиновъ.

Она вдругъ впала въ истерику и забилась. Онъ, противъ обыкновенія, не только не далъ ей воды, но даже не всталъ съ своего кресла. Онъ слѣдилъ равнодушно и какъ будто съ любопытствомъ за ея припадкомъ, но прекратить его не собирался. Она рыдала громко, безутѣшно. Потомъ вдругъ сразу остановилась, вскочила, выпятивъ глаза, и крикнула:

— Мерзавецъ!

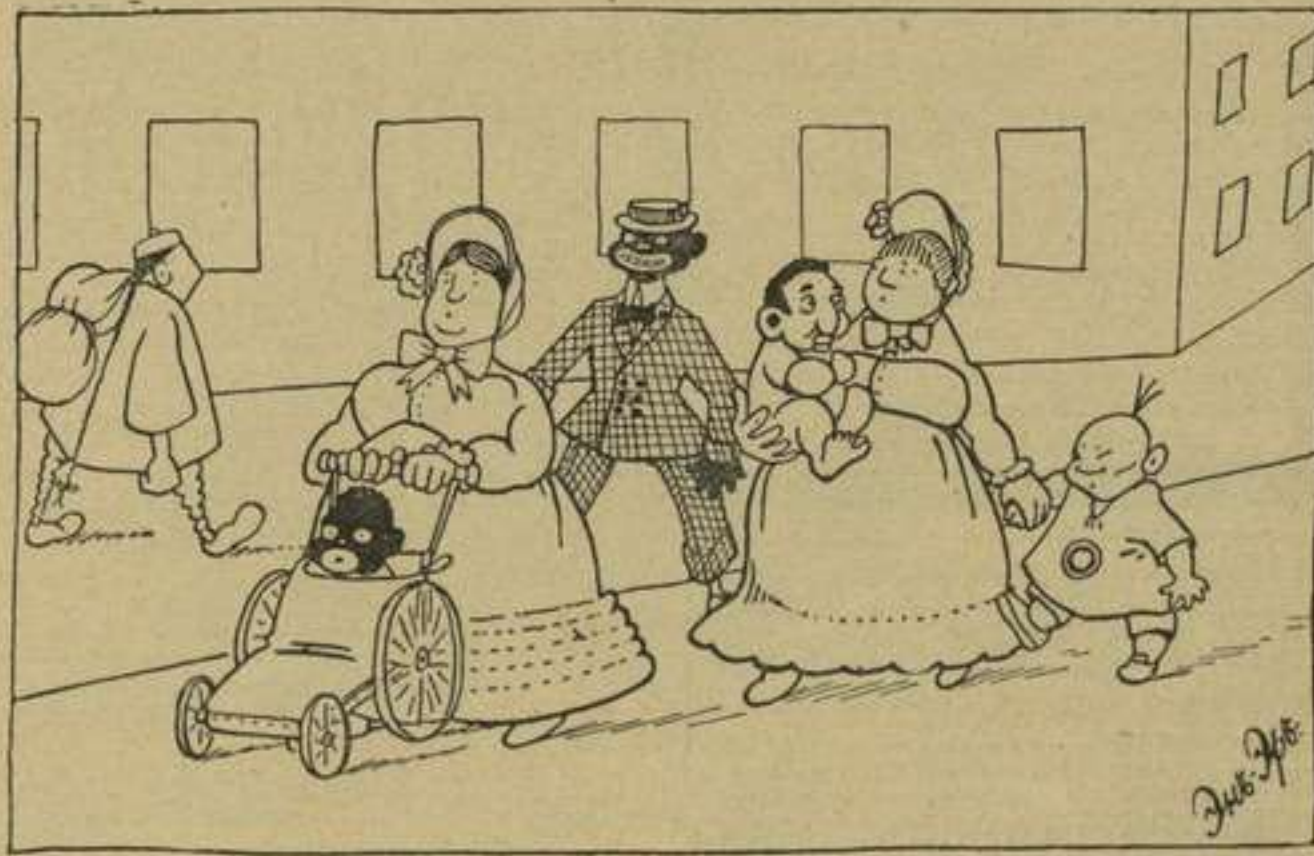
И къ этому онъ отнесся безразлично.

Тѣмъ болѣе, что кто-то пришелъ, что-то принесли, съ чѣмъ-то надо было распла-

чиваться и давать на чай.

Оставшіеся въ Германіи мужской элементъ.

Будущіе нѣмецкіе граждане.

Кар. Энз-Дра.

Он поставил на диван желтый чех. Когда ушел победь, она — Восьма возможно. — Знакомые на вокзалъ видѣли и, если вамъ придется ѣхать указанное закономъ число лѣтъ, а потомъ, подавъ заявление о закрыткѣ прислалъ! У кухарки моей самъ-татья есть, такъ и тотъ открытки посы-

уклонится отъ дачи о себѣ известій,—то замъ придется ѣхать указанное закономъ число лѣтъ, а потомъ, подавъ заявление о закрыткѣ прислалъ! У кухарки моей самъ-татья есть, такъ и тотъ открытки посы-

Пронелъ такъ мѣсяць, и два—а маленькаго чернышкаго человека все не было. И на службѣ о немъ ничего не знали. Принелъ онъ въ формѣ проститутки съ товарищами, и больше его не видѣли. Наконецъ, однажды поздно ночью, онъ сѣлъ въ вагонъ. Онъ былъ въ статскомъ; лицо у него было озвѣтлено, но оль какъ-будто улыбался.

— Ты не раненъ?—воскликнула Варечка. Несоответствие ихъ тѣлосложенія мѣшало ей броситься къ нему на шею. Но тѣмъ не менѣе она осмѣлилась его градомъ поцѣловать.

— Ты живъ? Отчего ты мнѣ не писалъ? Онъ все улыбался. — Отчего ты молчишь?—спросила она. Онъ посмотрѣлъ ей на губы, вынулъ свою записную книжку и написалъ:

«Я лишился языка и ослыхъ». Она съ ужасомъ посмотрѣла на него и спросила письменно:

«Отчего?» Онъ отвѣтилъ: «Отъ удара по голове». Она спросила: «Кто тебя ударил?» Онъ отвѣтилъ: «Неизвестно».

Ударъ былъ такой фатальный, что Варечка рѣшительно не помнила, откуда онъ прѣехалъ, куда ѣздитъ, и почему онъ въ статскомъ. Иногда онъ какъ-будто слышалъ, что ему говорили. Но стояло Варечкѣ возвысить голосъ и вѣшать удерживать его въ чемъ-нибудь неприятномъ, какъ онъ глохъ совершенно, и на все только улыбался.

Докторъ-специалистъ осматривалъ его очень долго,—часа два,—и, выйдя изъ его кабинета, сказалъ Варечкѣ:

— Со временемъ это у вашего супруга пройдетъ. Она теперь на это и надеется.

Старый Докторъ.

Редакторъ Б. А. Суворинъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

III.

— Ты же, мамочка, сама говорила, что такъ прозябать нельзя,—сказалъ онъ, входи передъ чаемъ въ спальню.

Она ничего не отвѣтила, а лежала ничкомъ на подушкахъ.

— Ты сама этого хотѣла!—повторилъ онъ.

Она съѣла на кровать.

— А если тебя убьютъ? Что я буду тогда дѣлать?

Онъ пожалъ плечами.

— Душечка,—многихъ убиваютъ,—не ты одна.

— Что мнѣ за дѣло до многихъ,—а я не хочу!

Онъ опять пожалъ плечами, и какъ-будто удивился.

На другой день она въ шляпкѣ съ перомъ, бойко торчащимъ сбоку, точно съ пулеметомъ, нацѣлвившимся въ небо, поѣхала по знакомымъ.

— Мой-то,—дѣть!—разсказывала она. Если ее сожалели, она плакала. Если ободрали, она говорила:

— Да, я знаю, знаю! Но, согласитесь, мнѣ все-таки тяжело? И вѣдь никто его не знаетъ, онъ самъ. И, понимаете, на что онъ идетъ? Онъ—коллежской совѣтникъ, а вдругъ теперь опять будетъ ротмистръ. Это ужасно.

Ее утѣшали: это съ его стороны «красиво».

— Конечно, красиво,—соглашалась она. Но онъ все-таки отвыкъ отъ лошади. Еще увидеть съ сѣдла, сломаешь себѣ что-нибудь...

Въ субботу онъ не уѣхалъ; не уѣхалъ и въ слѣдующую субботу. Но въ четвергъ поѣхалъ на ночномъ побѣдѣ.

Офицерская форма къ нему шла, и онъ не только не казался меньше, а даже больше ростомъ. Отъ него пахло новыми сапогами и новой португесей. Варвара Никитична горестно смотрѣла паверхъ, трясла перомъ на шляпѣ и прикладывала по минутно платокъ къ губамъ, точно удерживая внутри себя рыданія, готовые вы-

Танцы въ праздникъ.

Предчувствія ея оправдались.

Валечка вдругъ пропала. Не дохватъ ли онъ до мѣста и свернулъ куда въ сторону, или былъ куда-нибудь зачисленъ и попалъ въ плѣнъ,—неизвестно.

— Позвольте, это что же такое?—спрашивала Варечка.

Ей отвѣчали. Трудно сказать, что такое. — Да куда онъ зачисленъ и причисленъ? Искали, искали,—и ничего не нашли.

— Есть, сударыня, Подоконниковы, Подковыркины, Поддещиковы—а Подовинникова нѣтъ. Очевидно, онъ нигуда не зачисленъ.

— Такъ гдѣ же онъ?

— Не могу вамъ точно сказать, но гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, а не въ дѣйствующей арміи.

— Однако онъ надѣлъ форму?

ласть.

У Варвары Никитичны было четыре знакомыхъ генерала. Она обращалась къ нимъ по очереди, но и они не помогли.

— Попробуйте адресоваться въ полицію,—посоветывалъ одинъ, по фамилии Оношко-Судищевъ.

Но и у градоначальника ничего не вышло. Офицеръ, принимавшій ея прошеніе и выслушавшій ее, спросилъ:

— Вѣдь вашъ супругъ, вѣроятно, совершеннолѣтній?

Она подтвердила это предположеніе.

— Въ такомъ случаѣ, какъ лицо полноправное, онъ имѣетъ право жительства согласно своимъ желаніямъ и наклонностямъ. Онъ отбѣченъ выбѣвшимъ на юго-западъ,—но куда именно,—съ точностью не опредѣлено. И если онъ самъ

ДЕНТОЗОНЪ
прекрасная освѣжающая полость рта зубная паста и зубное полсаніе. Дентозонъ пріятенъ на вкусъ, гигиениченъ и абсолютно безвреденъ. Дентозонъ даетъ зубамъ здоровую бѣлизну и прекрасный блескъ. Продается вездѣ. Обращайте вниманіе на фирму Т-ва Стольбергъ и Ко, Лондонъ, Парижъ, Петроградъ.

И. ВИНЮКОВЪ и СИНЦОВЪ Садовая 29.
Госпитальный Дворъ (у гала ван) первый подъездъ №15.
ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙС-КУРАНТЫ въ календарныхъ календаряхъ, вѣстникахъ и глянцевыхъ альбомѣхъ.

ЦѢНОПТОВЪЯ ВСЕМЪ

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» продается новое изданіе А. С. Суворина:

ЧУДЕСА ЖИВОТНАГО МІРА
(Зоологія для всѣхъ).

Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и школѣ, обнимающая представителей всѣхъ классовъ животнаго міра отъ простѣйшихъ до челоѣкообразныхъ обезьянъ.

Составилъ **П. Е. Васильковскій**.

Съ 185 рисунками В. Кунерта, Г. Мютцеля, И. Шинкина, Фр. Шпехта и др. Спб. 1911 г. Ц. 3 р. 25 к., въ папкѣ 3 р. 50 к., въ изданіи. колѣнокоровъ, пер. 4 р.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. признана подлежащею внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебныхъ библиотекъ. Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній рекомендована въ ротныя библиотекы III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ.

«Книгоизд. Т-во», Пггд. Невскій, 158.
Къ 500 лѣтію кончины Яна Гуа.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ
«СВѢТОЧИ ЧЕХІИ», ист. рм. 2 р.
Почети. отывъ Академіи Наукъ.
«ПАУТИНА», рм. 2 р. 50 к.
(Измѣдкое насилье).
«БЛАЖЕН. НИЩЕ ДУХОМЪ», 1 р. 80 к.
и др. окултъ., истор., бытов. ром. выеыдъ налѣ-н. платекъ., каталогъ безплатно.

В. МИКУЛИЧЪ
МИМОЧКА
ОЧЕРКЪ
I. Мимочка—небѣста.
II. Мимочка на водахъ.
III. Мимочка отравилась.
Цѣна 1 руб.
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ВА А. С. СУВОРИНА—„НОВОЕ ВРЕМЯ“
И ВЪ ЖЕЛ.-ДОР. КЮСКАХЪ, ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

М. Д. ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКІЙ

ЗА СЧАСТЬЕМЪ, ЗОЛОТОМЪ И СЛОВОЙ

ОБЪ ИСКАТЕЛЯХЪ НОВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ И АВАНТЮРИСТАХЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ ЗЕМНОГО ШАРА.

Обложка и рисунки худож. С. Ф. Плошвинскаго.

Цѣна 2 рубля.

Все вверхъ дномъ, необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 75 к.
Восемьдесятъ тысячъ не стъ подъ водой, путешествіе подъ волнами океана. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ пап. 2 р. 25 к.
Гекторъ Серваданъ, его приключенія и путешествіе по солнечному міру. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ пап. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
Завѣщаніе чудана, необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Съ 34 рисунками Жоржа Ру и картою Сѣв.-Америк. Соед. Штат. Ц. въ бум. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.
Плавающий городъ. Съ 26 рис. Жюль Верна. Ц. въ изящной папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.
Путешествіе по южной Африкѣ или приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Жюль Верна. Съ 51 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Путешествіе вокругъ луны. Жюль Верна. Съ 41 рис. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 1 р. 50 к.
Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 51 рис. Жюль Верна. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
Пятьсотъ миллионъ Бегумы. Съ рисунок. Жюль Верна. Ц. въ хромолитогр. папкѣ 1 р. 75 к.
Путешествіе къ центру земли. Съ 52 рисунками. Жюль Верна. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Приключеніе капитана Га-тераса, необыкновен. путешествіе. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
Пятнадцатилѣтній капитанъ. Жюль Верна. Съ рис. Ц. въ папкѣ 2 р.
Зеленый лучъ. Необыкновенное путешествіе. Жюль Верна. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Рис. изъ книги „За счастьемъ, золотомъ и славою“.

Чудеса растительнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни растений. П. Е. Васильковскаго. Съ 161 рисунк. О. Винслера, Э. Гейнъ, Г. Зелени, Г. Кенгебрунъ и др. Ц. въ бум. 2 р. 60 к., въ папкѣ 2 р. 85 к., въ перепл. 3 р. 35 к.
Чудеса животнаго міра (зоологія для всѣхъ). П. Е. Васильковскаго. Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и въ школѣ. Съ 185 рисунками. В. Кунерта, Г. Мюцеля, И. Шинкина, Фр. Шпекта и друг. Ц. въ бумажкѣ 3 р. 25 к., въ перепл. 4 р., въ папкѣ 3 р. 50 к.
Чудеса подземнаго царства. Популярныя очерки изъ жизни обитателей воды. П. Е. Васильковскаго. Съ раскрашеною таблицей и съ 106 рисунками. Г. П. Мостее, А. Мюцеля, Кремера и др. Пгр. 1914. Ц. въ бум. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Диовинныя земли. Популярныя очерки изъ жизни нашей планеты. П. Е. Васильковскаго. Съ 83 рисунками въ текствѣ. Ц. въ бум. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к.
Въ царствѣ сменили или арметика для всѣхъ. Е. П. Игнатъевъ. Книга для семьи и школы. Опытъ математической хрестоматіи. Книга 1-я, ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Кни. 2-я и 3-я. Ц. каждой въ бумажкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 50 к., въ одномъ перепл. 7 р.
Подъ удѣльною властью. Г. Т. Сиверсина-Полилова. Историч. повѣсть времени Андрея Боголюбскаго для юношества. Рис. О. Павова. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.
Братья на братѣ. Фро же. Истор. пов. времени Василия Темнаго для юнош. Ц. 1 р. 75 к.

М. Д. ОРДЫНЦЕВЪ-КОСТРИЦКІЙ

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ НАШИХЪ ДНЕЙ

Повѣсти и рассказы изъ жизни Южно-Американскаго материка.

Обложка и рисунки худож. С. Ф. Плошвинскаго.

Цѣна 2 рубля.

Цѣна 20 коп.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Петроградъ, Эртелевъ, 13.